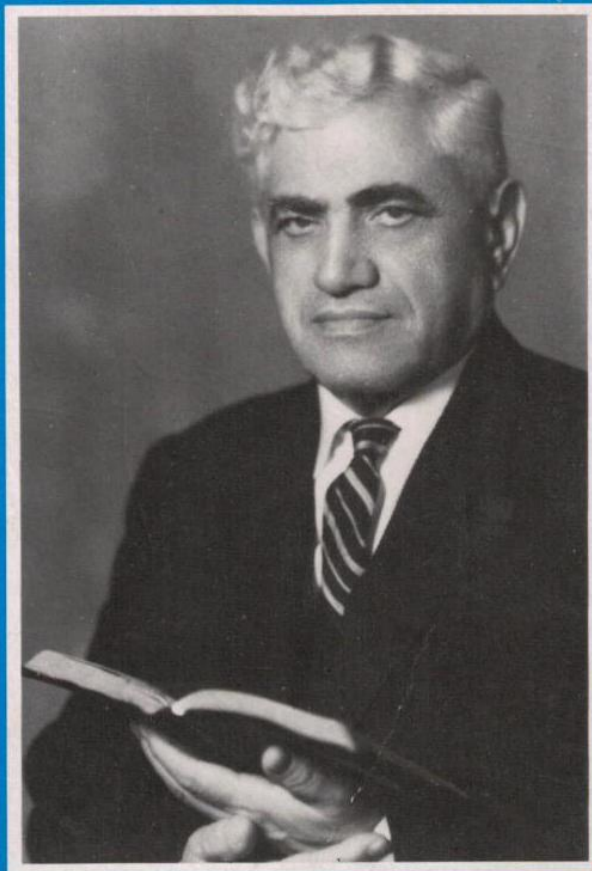

Иоанн Марк Галустьян

ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

Иоанн Марк

Люди великой цели

Об авторе:

Родился в 1899 г. в г. Осман (Киликия, Турция) в семье пастора армянской евангельско-протестантской общины Маркара Галустьяна, погибшего во время армянского погрома в 1909 г. В 1917 г. переселился в Баку (Россия), а с 1920 г. проживал в Кисловодске. Член Церкви евангельских христиан-баптистов (ЕХБ). Женился в 1923 г. Видный протестантский пастор, богослов, апологет и евангелист-проповедник. Подвергался преследованиям за веру и сидел в лагере. Во время Второй мировой войны был вывезен в Германию. Эмигрировал в США и в Канаду. Активный член Русско-Украинского братства евангельских христиан-баптистов (г. Ашфорд, США). Председатель русско-украинского Союза ЕХБ в Канаде (1958-1964). Известен под псевдонимом Иоанн Марк. Скончался 2 октября 1987 г.

Библиография (книги):

Божий план спасения: В 2-х томах.

История моей жизни. - Корнталь: Свет на Востоке, 1989.

ПРЕДИСЛОВИЕ

"ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ" - это биография человека, посвятившего себя от ранней юности до глубокой старости благовестию Евангелия.

Иоанн Марк (Галустьян), автор этой книги, пронес знамя Евангелия высоко и смело через Кавказ, Колымский край, Россию, Польшу, Германию, Ливан, Америку и многие другие страны. Везде Господь пользовался им как действенным орудием для призвания грешников к покаянию.

Подготавливая рукопись этих воспоминаний к изданию, я чувствовал великое благословение и не раз говорил себе: "Вот слуга Божий, которого Бог провел по узкой жизненной дороге до победного конца. Подражай его верности и преданности Богу".

Иоанн Марк - возлюбленный брат всех тех верующих, кто знал его, кто слышал его вдохновенные, исполненные силой Духа Святого проповеди. Он прошел через горнило великих испытаний и остался верен своему Спасителю до последнего дыхания.

Священное Писание учит: "Вспоминайте наставников ваших". И вы, читатель, читая эту книгу, вспомните о человеке Божьем, Иоанне Марке, и возблагодарите Бога за всех тех верных Его слуг, которые донесли слово жизни до нашего слуха и продолжают возвещать его всему миру.

"Вера от слышания, а слышание от слова Божия" (Рим. 10,17).

Да благословит вас Господь при чтении этой книги.

Н. Водневский

ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

ПЕРВОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Родился я 26 января 1899 года в Киликии, в городе Османе, где отец мой был пастором евангельской церкви. В тот же год он переехал в город Каре-Базары и начал там пасторское служение. Мои первые смутные воспоминания начинаются с двухлетнего возраста. Помню, мы жили на втором этаже. В одной из комнат мать занималась с маленькими детьми, учила их грамоте. Возле черной доски она произносила:

А, Б, В, Г и так далее. Дети повторяли за мамой. Я стоял рядом с матерью и внимательно следил за ее произношением. Но вдруг моя младшая сестра проснулась и начала плакать. Мать прислонила указку к стене и пошла успокоить дочь. А я в это время, воспользовавшись отсутствием матери, взял указку и, показывая на буквы, громко произносил: А, Б, В... Дети повторяли за мной. Мать возвратилась и была очень удивлена, что сынок продолжает ее работу.

Помнится мне и другой случай. Однажды вечером мама одела меня в пижаму, приготавливая ко сну, но я никак не желал идти в кровать, так как знал, что к нам приедут гости, и, значит, я лишусь лакомств и фруктов, которыми их будут угощать. Видя мое сопротивление, мать унесла меня в постель. Я рассердился, встал с постели, вышел на балкон и лег там на полу, лицом вниз. Мать снова отнесла меня на кровать.

Когда я и в третий раз сделал то же, мать громко сказала:

- Если хочешь простудиться и умереть, можешь оставаться на балконе.

Мать ушла. Умирать я, конечно, не хотел, но мне стало холодно, а гордость не позволяла мне самому встать и лечь в постель. И я подумал: если мать еще раз придет и отнесет меня на постель, я больше не вернусь на балкон. Но мама не приходила. И здесь я пошел на хитрость. Я начал умышленно храпеть, притворившись спящим. Мать решила, что я действительно уснул, подошла тихо ко мне, осторожно взяла на руки и отнесла на кровать.

А я про себя смеялся, что так хитро вышел из трудного положения. Мать не могла представить, что ее двухлетний сынишка уже способен обманывать. Но такова греховная природа человека. Не случайно псалмопевец Давид произнес слова: "Во грехах родила меня мать моя..."

ДАЧА В ХАДЖИНЕ

Летом мы приехали в город Хаджин, на родину моего отца. Там прекрасная дача. Помню, как умерла там моя младшая сестра, по этому случаю собралось много народа, и одна девушка носила меня на руках и, плачущего, успокаивала.

Вспоминаю и вторую поездку на дачу. Во время путешествия лил сильный дождь, мы промокли насквозь. Ехали на лошадях до местности, которая называлась Сахал Тутан (хватаящий за бороду). Там часто нападали на людей разбойники и грабили их, но нас Бог хранил. В пути мать рассказала нам, детям, об одном храбром водителе каравана по имени Назар. Он долго боролся с черкесским разбойником, но в конце концов разбойник вонзил в живот Назара кинжал, и тот умер.

Этот рассказ меня очень огорчил, и я думал, что если бы был взрослым, то не успокоился бы до тех пор, пока не нашел этого разбойника и не отомстил за кровь Назара.

Я помню также и тот молитвенный дом, где часто проповедовал мой отец, в городе Хаджет, и ту семью, которая пригласила нас к себе в гости. Помню, как перед началом обеда невестка с прикрытым лицом подошла к отцу, сняла его носки, вымыла ему ноги и надела новые носки. Это был добрый старый обычай, упомянутый в Новом завете (1 Тим. 5.10), в те дни сохранившийся еще в семьях города Хаджин.

Запомнились также и красивые виноградники с громадными гроздьями винограда. Однажды после воскресного собрания мы поехали на большой виноградник, где нас угостили виноградом и холодной водой из текущего там источника. Природа в тех местах очаровательна. Когда мы возвращались из Хаджина караваном на лошадях по каменистой дороге через лес до города Сие, я не отводил глаз от прекрасных деревьев, лужаек, равнин и думал: "Как красиво все устроено на земле!"

ВОСПОМИНАНИЯ О КАРЕ-БАЗАРЕ

Каре-Базар в те времена был маленьким городком в Киликии, населенным армянами и турками. Армяне жили в отдельной части города очень дружно. К нам почти каждый вечер и даже ночью без приглашения приходили гости.

В праздничные дни близкие родственники и друзья посещали друг друга с утра до поздней ночи, угощались сладостями, и нас, детей, это очень радовало.

В ночь перед Рождеством дети ходили по домам и пели рождественские песни. За это они получали вознаграждение: фрукты, сладости, а иногда и деньги. А в рождественское утро все шли в церковь еще при свете свечей. Дети с нетерпением ожидали этого праздника, одевались в новую одежду и спешили в церковь, чтобы петь там рождественские хоралы.

В нашей евангельской церкви был такой обычай: сбор пожертвований по случаю праздников производили дети. В это время они пели короткую турецкую песню, повторяя ее несколько раз. В переводе на русский она звучала так: "Пусть падают, падают лепты во славу Иисуса Спасителя".

Помню, как однажды на Пасху дошла очередь и до меня собирать пожертвования. Мне было около четырех лет. Когда я с пением шел по рядам с тарелкой, я заметил богатого человека - он был единственным в городке торговцем солью - и, подойдя к нему, я изменил слова и пропел: "Пусть падают, падают золотые монеты во славу Иисуса Спасителя". Купец понял, что песня обращена к нему. Он вытащил из кошелька золотую монету и положил ее на тарелку.

Моей радости от такого успеха не было предела.

Пасхальный праздник продолжался три дня. После утреннего богослужения нищим раздавали обеды, катали яркие крашеные яички. Иногда молодые люди устраивали состязания по борьбе, чтобы доставить удовольствие публике.

Недалеко от города протекала река Саврын с кристально чистой водой. Я помню, как шестилетним мальчиком ходил с отцом за водой, а позднее привозил воду на осле самостоятельно, и это доставляло мне много удовольствия. Я охотно ухаживал за ослом и лошадью, любил их и долго плакал, когда наша лошадь сдохла.

Раньше жены из бедных семей стирали на берегу реки белье и там же сушили. Молодые женщины днем покрывали свои лица паранжой и не разговаривали с мужчинами, даже со своими свекрами, а на их вопросы отвечали кивком головы. Все их поручения выполняли беспрекословно. Таков был обычай, и он свято соблюдался.

Однажды к нам в гости пришла семья, и среди них была молодая женщина. Отец попросил ее принести воды. Она принесла, он выпил, поблагодарил и сказал женщине:

- Скажи "на здоровье".

Она движением головы ответила отрицательно.

Отец несколько раз повторил просьбу, но женщина отрицательно качала головой. Отец возвратил ей стакан, и женщина, опустив голову, удалилась. Я с любопытством наблюдал за ними и понял, что моему отцу не нравились традиции, унижающие достоинство женщины.

Армянская семейная жизнь в те времена была высокоморальна. Измена наказывалась смертью. О разводах не могло быть и речи. Молодые юноши и девушки до бракосочетания не осмеливались даже смотреть в лицо друг другу. Понятно, что из таких семей происходили люди честные и нравственные.

НАША СЕМЬЯ

Мой отец Маркар Галустьян обратился к Господу в юношеском возрасте и перенес гонение за веру. Он посвятил всю свою жизнь благовестию Евангелия.

После окончания Библейской школы в г. Мараше он женился на девушке по имени Турчи Элважиян, а позже служил пастором в Хасане, затем в г. КареБазаре.

Мой отец был истинным христианином и образцовым отцом. Он был экономен и, несмотря на маленькое месячное жалование, мог кормить и одевать свою семью.

Продукты питания он покупал в деревнях, где они стоили дешево, и часто сам готовил вкусные обеды. С малых лет я многому научился у отца, и это в будущем мне очень пригодилось.

Мы ежедневно утром и вечером имели короткие семейные молитвенные собрания и воспитывались для благочестивой жизни. Отец учил нас любить друг друга, почитать старших, подчиняться им. Я помню, как один раз поспорил с моим старшим братом Робертом и за это получил от отца пощечину.

Мой отец никогда не вступал в спор с матерью. Безусловно, что одна из причин глубокого уважения мужа заключалась в ее истинном христианстве. Она почитала мужа подобно библейским женщинам, во всем руководствуясь 1 Петр. 3 гл.

Благотворное влияние родителей сказалось в том, что я с детства имел тяготение к благочестивой жизни. Наверное, отец это заметил и всегда брал меня на евангельские собрания в другие дома, где читали слово Божие и беседовали на духовные темы.

В то же время я был очень шаловливым ребенком и потому чаще, чем другие бывал наказан. Но каждый раз, совершив тот или иной плохой поступок, меня тревожила совесть, и я часто унывал. Мой старший брат не имел тяготения к учению, но обучился сапожному ремеслу. А старшая сестра Огнив из-за слабого зрения не могла продолжать свое образование и помогала матери в домашних делах.

Гулица и Елена, младшие сестры, после окончания городской школы продолжали свое образование в американской школе для девочек в городе Адане.

В 1904-м году, когда мне было 5 лет, мы снова поехали на дачу по приглашению евангельской церкви для проповеди Евангелия в летний сезон. Путешествие было очень приятное. Густые леса, холмы, долины - все это радовало и восхищало. Путешествие продолжалось два дня. В пути мы также проходили через опасное место, где известный разбойник напал на караваны и грабил их. Мы прошли там благополучно, но потом узнали, что этот разбойник нас видел, но не тронул, потому что мой отец в свое время отказался подписать смертный приговор, вынесенный ему властями. Мы остановились в

доме пастора. Его дом стоял на высоком холме, покрытом густой зеленью. Вся эта местность была населена армянами, где они имели свой молитвенный дом.

В честь приезда кто-то принес нам в подарок козленка, а отец передал его мне, чтобы я о нем заботился. Я водил его на пастбище, козленок быстро рос. К сожалению, отец зарезал его, и я долго плакал.

Помню один случай. В воскресенье после обеда наша семья ушла, а меня оставили дома за сторожа. За обедом мы ели очень вкусные голубцы. Оставшиеся мама выставила за окном на доске. Поиграв часа два, я почувствовал голод и, вспомнив о голубцах, решил снова полакомиться ими, и знал, что это будет воровством и родители не оставят меня без наказания.

Но соблазн был настолько велик, что я, кое-как добравшись до голубцов, торопливо съел половину, а потом начал думать, как замести следы преступления. Я положил на доску один голубец, другой бросил на пол и оставил крышку кастрюли полуоткрытой.

К вечеру семья возвратилась домой, и когда сестра увидела на полу голубец, то все решили, что это была проделка кошки. Таким образом я избежал наказания.

Я обманул мать и до сей поры сожалею, что не исповедал этот грех перед матерью при ее жизни (я обратился к Господу только после маминой смерти).

Мой брат открыл там лавку, и я помогал ему иногда. Помню, как найдя однажды на улице недокуренную сигарету, я начал курить, но вскоре заболела голова. Отец, узнав о головной боли, взял меня на руки, нежно гладил по голове и угощал вкусным виноградом.

Он не знал причины моей болезни, иначе угостил бы совсем другим "виноградом".

Иногда с отцом я ходил собирать орехи и дикую черешню для приготовления варенья. Природа меня всегда восхищала.

С отцом я также ходил к курдам, жившим в палатках. У них мы обменивали мыло и соль на масло.

В середине лета мать захотела посетить город Мараш, чтобы увидеться с родителями, братом и сестрами. Отец не был согласен на путешествие из-за беременности матери, но, уступив просьбам, нанял лошадь и отправил маму вместе со мной.

Родные встретили нас с радостью, но вскоре были огорчены заболеванием матери. Она слегла в постель и уже больше не вставала до самой смерти. Причина ее болезни была следствием того, что наша лошадь упала и матери пришлось поднимать тяжести. Маму отправили в больницу. Главный врач, близкий друг моего отца, сделал ей операцию, но

напрасно. Через два года мама умерла, и я остался сиротой в городе Мараше. Дедушка и бабушка, а также тетя заботились обо мне, любили меня, но материнской любви заменить они не могли.

Мой дедушка по профессии был ткачом и много работал в подвальном помещении, а потому тяжело дышал и часто болел.

С дедушкой я ходил из деревни в город для закупки продуктов. Дедушка вешал мне на шею мешок, наполнив его продуктами, а часть взваливал себе на спину, и так медленным шагом мы преодолевали 4 километра, и притом в гору. В пути мы часто останавливались для отдыха, и я очень переживал, видя болезненное состояние дедушки.

Бабушка была очень красивой женщиной, скромной и спокойной. Она очень любила меня, всегда наполняя мои карманы сушеными фруктами и сладостями. На время летнего сезона мой дядя брал в аренду виноградный сад. Он водил меня в сад для сбора винограда.

Сознание, что я могу быть полезным, доставляло радость и глубоко западало в сердце.

По окончании лета приехал отец и увез меня в Каре-Базар.

СНОВА В КАРЕ-БАЗАРЕ

Возвращаясь домой, мы остановились у минерального источника. Отец привел меня в безопасное для купания место, а сам вместе с проводником пошел туда, где поглубже. Прошло некоторое время, и когда мы должны были собираться в путь, со мною случилась беда. Девять раз я нырял, а в десятый, уже устав, начал захлебываться. Отец заметил это и вытащил меня, а потом, подняв, держал головой вниз, чтобы освободить желудок от воды. И когда я начал свободно дышать, отец возблагодарил Господа за мое спасение.

На следующий день мы прибыли в Каре-Базар. Я был обрадован, увидев знакомый город, но в то же время сердце наполнялось скорбью. Со мною не было мамы. Из-за болезни она еще оставалась у родителей. Но потом, видя безнадежное положение матери, ее привезли к нам домой. Моя тетя приехала, чтобы ухаживать за больной матерью и за нами.

Мать сильно страдала от болей, но переносила их терпеливо и безропотно. Она так похудела, что часто впадала в обморочное состояние. Последнюю ночь отец сидел у ее постели молча, опустив голову. Я подошел к нему, стал рядом и долго смотрел на бледное, осунувшееся лицо матери.

Вдруг мать открыла глаза и попросила отца, чтоб ее искупали, а затем шепотом сказала ему:

- Ко мне приходил ангел и спрашивал, когда я хочу уйти к Господу: теперь или утром? Что я ему должна ответить?

- Завтра, - тихо проговорил отец.

Мать закрыла глаза и больше не говорила.

Я был так взволнован, что уже не мог стоять у постели матери. Я лег в кровать, долго плакал, а утром увидел мать, неподвижно лежащую в другой комнате. Ангел ее уже взял на небо.

Услышав о смерти матери, пришли соседи и посетители церкви, дом наполнился людьми, многие плакали, но больше всех плакал я, сознавая, что навсегда остался без матери.

Гроб с пением несли на плечах до кладбища. Я помню слова одной песни: "Моя дорогая мама, я нуждаюсь в твоей любви".

После похорон матери наш дом опустел и стал для меня пустыней. Тоска по матери не проходила. Помню, однажды, возвращаясь из церкви, я услышал разговор двух женщин, идущих сзади: "Смотри, бедный мальчик, как он страдает. Остался сиротой и приласкать некому..." От тоски по матери заболел мой брат Альберт и вскоре умер. Он был очень красивым мальчиком с белым лицом и голубыми глазами. Смерть брата усугубила и мою скорбь. Он был очень ко мне привязан, приходил в школу тайком только для того, чтобы увидеть меня.

После смерти матери тетя возвратилась в Мараш, а сестра Агнив должна была выполнять всю работу по дому. В ту пору ей было 16 лет.

Комитет церкви, видя тяжелое положение отца, посоветовал ему жениться. После смерти матери прошел год. Однажды отец собрал детей и спросил каждого: "Хотел ли бы ты, чтобы я привел новую маму?" Все отвечали: "да". Когда очередь дошла до меня, я смело ответил; "нет". Все удивились, а отец смутился моим неожиданным ответом, но потом спросил:

- Почему же, сынок, ты не хочешь, чтобы я привел новую маму?

- Потому что я люблю мою маму, хотя она и умерла. И потому не хочу иметь другую.

Отец ничего не ответил. Теперь я представляю его смущение и боль души в то время.

Вскоре после этой беседы отец поехал на евангельский съезд в город Ауана и женился там на вдове.

В тот день, когда отец возвратился домой с новой женой, я был на кладбище, на могиле матери. Я долго лежал лицом вниз на могильном камне и взывал со слезами: "Мама, на кого ты меня оставила и ушла от нас? Кто теперь будет заботиться обо мне?" Не получив ответа, после заката солнца я возвратился домой.

Уже издали заметил, что дом необыкновенно освещен. Я увидел, как в дом заходили гости, чтобы поздравить отца с женитьбой. Отец, заметив меня, сразу же подошел и сказал: "Где ты был? Иди, поздоровайся с мамой, и пусть она поцелует тебя".

Я стоял молча, опустив голову. У меня не было желания приветствовать новую маму. Отец снова попросил, чтобы я подошел к новой матери. Я вынужден был повиноваться и нерешительно приблизился к незнакомой женщине, моей новой маме. Она улыбнулась и поцеловала меня, но по моему телу пробежала холодная дрожь. Не проронив ни слова, я отошел от нее.

Время шло, но я никак не мог привыкнуть к новой маме, моей мачехе. Я всегда чувствовал себя сиротой. Отец это хорошо знал и, конечно, расстраивался.

ПЕРВАЯ ШКОЛА

Мне было четыре года, когда отец послал меня в школу. Я окончил ее за 4 года. Учителями были члены нашей церкви. Они не только учили нас грамоте, но давали хорошее христианское воспитание. Нужно отметить, что учителя всегда имели при себе тросточку и временами пускали ее в ход, наказывая нас за непослушание. Иногда доставалось и мне.

В весенние солнечные дни нас водили на прогулку, на зеленые поля и луга, где мы играли и собирали цветы. Я очень любил нарциссы. Места прогулок были усеяны ими.

Осенью 1907 года, когда мне было восемь с половиной лет, отец обратился к директору колледжа в городе Тарсе, доктору Кристи, с просьбой принять меня в колледж. Как правило, в этот колледж не принимались ученики моложе 16 лет, но доктор, хорошо зная отца, сделал исключение.

В том же году мы поехали на дачу Еребахан. Отец был приглашен туда церковью для служения. Церковь предоставила нам виноградный сад. Народ относился к отцу с большим уважением. Люди приносили нам в корзинах самые лучшие фрукты из своих садов. Их искренняя любовь была нам еще приятнее, чем их дары. Они носили в себе дух ветхозаветных израильтян и Божиих служителей. Искренняя любовь - это самое великое благочестие в христианстве.

В это лето к нам приехал двоюродный брат Голуст.

Он был студентом колледжа в Тарсе. Я впервые встретился с ним и искренне полюбил.

Лето подошло к концу, приблизилось время учебных занятий. Отец отправил меня в Тарс. Это была первая разлука с семьей, и, естественно, я ее тяжело переносил. И только сильное желание получить образование побеждало скорбь от расставания с родными и близкими.

Первый раз в жизни я сел в поезд. Поездка принесла много радости и удивления. В Тарсе меня встретил двоюродный брат Галуст. Начался новый период жизни...

КОЛЛЕДЖ В ТАРСЕ

Колледж в Тарсе носил имя апостола Павла. Он был построен за городом, недалеко от старых каменных ворот.

Колледж имел 4 больших здания, мастерскую и пятиэтажное общежитие. Число учеников в школе доходило до 150 человек, в основном, армяне и греки.

Колледж имел миссионерский дух, но допускалась свобода вероисповедания, и, таким образом, все ученики назывались евангелистами. Студенты жили между собою очень дружно.

В школе моральные законы были очень строги. За употребление спиртных напитков, посещение увеселительных мест, курение, воровство, сквернословие - следовало наказание. Нарушителей порядка удаляли из колледжа без промедления.

Каждое утро перед началом занятий был молитвенный час, с чтением слова Божия.

Кроме армянских профессоров мы имели учителя французского языка. Английскому языку обучала дочь доктора Кристи по имени Джин.

Из армянских учителей я помню пастора Самуила Мелконяна. Он замещал доктора Кристи. Помню профессора Симона Ходжа. Когда я первый раз вошел в класс, он спросил учеников: "Кто это?" Когда ему ответили, что это новичок, профессор в шутку спросил: "А где же его колыбель?" Несмотря на детский возраст, я очень легко и успешно прошел курс первого года. Я понял, что это совершает Сам Бог:- Он дает мне способность, память и трудолюбие.

На каникулы большинство учеников уезжали к родителям, но сироты и дети неимущих могли оставаться в колледже. Я и мой двоюродный брат пользовались этим преимуществом.

Лето пролетело очень быстро, и начался второй год обучения. Но еще до окончания я заболел тифом. О моем критическом состоянии здоровья телеграфировали отцу, но благодарение Богу, болезнь вскоре прошла, и я мог продолжать образование. Большую радость приносили редкие письма отца. В том же году евангелист Харламбос посетил

Тарс и провел там пробудительные собрания в евангельской церкви. Я посещал их. До этого я уже два раза слышал брата Харламбоса, и каждый раз его проповеди производили на меня сильное впечатление. Вспоминаю его проповедь на текст из пророка Иеремии: "Разве нет бальзама в Галааде? Разве нет там врача? Отчего же нет исцеления дщери народа Моего?" Под влиянием этой проповеди я обратился к Господу. Сердце наполнилось радостью. Продолжая посещать собрания, я каждый раз громко молился. В моем сердце пробудилась такая ревность, что я начал приглашать других приходить на собрания.

Среди учеников колледжа я имел друга, грека по имени Рафаэль. Это был исключительно способный юноша, немного старше меня. Однажды он украл в столовой хлеб и был пойман.

Когда директор колледжа об этом узнал, он распорядился немедленно исключить его из колледжа. Эта весть очень огорчила учеников и учителей. Преподаватель и пастор Самуил Мелконян пошли к директору - доктору Кристи, чтобы тот простил Рафаэля в знак уважения к его отцу, который также был пастором. Доктор Кристи отказал в прощении. Позже другие учителя ходили ходатайствовать за Рафаэля, но и им было отказано. Потом пошли влиятельные ученики, но и они не могли вызвать чувства прощения и милости у директора. Рафаэль, пристыженный своим поступком, не имея уже никакой надежды, убрал свою постель, уложил вещи и приготовился к уходу.

Была суббота. Мы только что закончили обед. Рафаэль сидел с нами последний раз, опустив голову. Видя это, мое сердце сжалось от боли. Я подошел к нему и громко спросил:

- Рафаэль, ты должен уйти?

- Да, - тихо ответил мой друг и заплакал. Я, нагнувшись над ним, сказал ему дрожащим от слез голосом:

- Рафаэль, ты совершил большой грех, но если покаешься и исповедуешь его пред Господом, Бог тебя простит, и тогда я пойду к доктору Кристи, чтобы просить его о прощении.

- Разве он тебя послушает? - сказал Рафаэль. - Уже многие ходили...

- Это совершит Бог, я уверен.

Рафаэль преклонил колени и со слезами просил у Бога прощения. Вместе с ним молился и я.

- Ну, а теперь пойдем вместе к директору, - сказал я.

Рафаэль повиновался. Я постучал в дверь директора, и когда мы вошли в канцелярию, директор, взглянув на меня, улыбнулся, но как только увидел за моей спиной Рафаэля, глаза его расширились, и он покраснел от гнева. Я подошел ближе к директорскому столу и сказал:

- Доктор Кристи, Рафаэль совершил большой грех, но сегодня, покайся, он исповедал грех перед нами и перед Богом и теперь пришел просить прощения у вас. И я прошу вас вспомнить, что сказал Иисус Петру: "Если твой брат согрешит против тебя, выговори ему, и если покается, прости ему" (Лук. 17,3). И еще Христос сказал: "Если вы не будете прощать друг друга, то и Отец Небесный не простит вам согрешений ваших".

Затем, обратившись к Рафаэлю, я сказал:

- Рафаэль, подойди к доктору Кристи и попроси прощения, и если он не захочет простить тебя, пусть не прощает...

Рафаэль робко подошел к директору и дрожащим голосом сказал:

- Доктор Кристи, простите меня...

Доктор Кристи встал. Он был потрясен поворотом дела. Мгновение он молчал, а потом, протянув руку Рафаэлю, крепко пожал ее и несколько раз повторил:

- Прощаю... Прощаю.

Директор подошел ко мне, положил руку мне на плечо и сказал:

- Мой маленький проповедник...

Больше он ничего не мог вымолвить.

С большой радостью мы вышли из комнаты директора. Я вспомнил слова Иисуса, обращенные к исцеленному прокаженному: "Смотри, никому не сказывай", и просил Рафаэля никому не говорить о моем ходатайстве. Он с радостью побежал в свою комнату, чтобы развязать узел с вещами и привести в порядок постель. Ученики спрашивали:

- Что случилось? - ибо знали, что директор никогда не менял решений.

- Директор меня простил, - отвечал Рафаэль.

Эта весть быстро распространилась по школе, и все радовались.

На следующее утро доктор Кристи перед всеми учениками рассказал о том, что случилось, и, назвав мое имя, добавил:

- Если бы в этой школе я имел десять таких учеников, я был бы очень счастлив.

Я был рад, что в тот момент отсутствовал, иначе мне было бы стыдно. Ведь не я, а Бог совершил все это.

С радостью посещая собрания пастора Самуила Мелконяна, я приглашал на них и других, и многие отзывались. Пастор Мелконян написал моему отцу:

"Твой сын уже стал проповедником", но он знал, что это было еще далеко не все, что ожидал от меня Господь.

Спустя некоторое время в колледже снова случилась кража. На этот раз были украдены деньги. Вечером, когда учащиеся все были в постели, пришел доктор Кристи в сопровождении учителя, зажег свет и приказал, чтобы мы все открыли чемоданы и встали около них. Каждый чемодан обыскивали в поисках денег. Когда очередь дошла до меня, директор сказал; "Этот чемодан проверять не нужно". Обыск закончился, но деньги не были найдены.

Прошло недели две. Однажды в лунную ночь один из учеников не спал. Он стоял перед окном и смотрел на полную луну, погрузившись в свои думы. Вдруг до его слуха дошел стук лопаты. Он посмотрел через окно. Некто в белой одежде копал под стеной землю, постоянно оглядываясь.

- Кто ты и что делаешь? - вскричал ученик.

В этот момент мы все проснулись, а молодой человек вбежал в спальню и лег в кровать. Но скрыться уже не мог. Виновника повели туда, где он копал землю, и там обнаружили украденные две недели тому назад деньги.

Вором оказался пятнадцатилетний юноша - грек. После меня он был самым младшим. На следующий день об этом узнал доктор Кристи и сразу же велел удалить его из колледжа.

В тот день я стоял на дворе вместе с другими студентами. Ко мне подошел доктор Кристи и сказал:

- Пойди и поговори с этим мальчиком. Может быть, он покается в краже денег. Я бы ему простил.

Я знал этого мальчика, знал, насколько ожесточено его сердце, и сказал доктору Кристи:

- Нет, этот парень не покается. Я знаю его жестокое сердце.

Конечно, я не был прав, но в то время, как мне позднее открылось, я еще не был вдохновлен свыше. Божье семя упало в мое сердце, но еще не проросло, не дало ростка.

Вот почему и мой ответ доктору Кристи был неверен. Это можно сравнить с вагоном, который, получив удар от паровоза, начал быстрое движение, но, не имея связи с паровозом, понемногу начал терять скорость, замедлил движение, а потом и совсем остановился.

Так было со мной. Когда окончились пробудительные собрания, духовная жизнь в Карее начала ослабевать. В городе не было проповедников, которые могли бы продолжать Божье дело. Прекратились собрания, и моя ревность стала ослабевать. Я чувствовал, что что-то не доведено до конца, хотя нисколько не сомневался в Божьей любви ко мне.

Выше я уже упоминал о том, что болел тифом. Эта болезнь причинила много беспокойства и воспитателям колледжа. Во время болезни много внимания и любви оказывала мне жена директора. Она ухаживала за мною, как за сыном. Своей заботливостью она доказала, что была истинной христианкой. Это произвело на меня глубокое впечатление.

Мое выздоровление было великим чудом. Все видели в этом Божию руку. После того, как я выздоровел, врач посоветовал отправить меня домой, чтобы я мог окончательно поправиться, набраться сил.

ПОИСКИ СВОЕГО ПУТИ

После моего поступления в колледж мой отец был переведен на пасторское служение в город Хамидуе. Когда я вернулся в семью, к отцу, на душе было радостно. Моя сестра Глюца стала учительницей нашей церковной школы, и мы жили во дворе церкви, в пасторском домике. Брат Роберт работал сапожником.

Вскоре мои силы восстановились, и я мог начать трудиться. Отец устроил меня учеником к аптекарю-провизору. Он был членом церковного комитета и хорошим другом отца, но, к сожалению, это стало для меня большим искушением. Не знаю почему, тогда протестанты не считали курение грехом. Мой отец не курил, зная пагубность этой привычки, но все попытки убедить других во вредности курения были бесполезны.

Так как член комитета церкви курил, то я также решил попробовать и очень быстро привык к курению, хотя делал это тайно. В душе я имел страх Божий, совесть меня обличала, но не имел сил побеждать искушения.

Однажды, сидя в аптеке, я размышлял о чудесах, записанных в Библии, о том, как Бог отвечал на молитвы пророков. И вдруг у меня появилось желание молитвенно обратиться к Богу и попросить что-нибудь с верой, чтоб получить. Я сказал: "Господи, ты отвечаешь на молитвы. Сделай так, чтоб по пути домой я нашел монету, чтобы полакомиться мороженым".

Удивительно, что, отойдя недалеко от аптеки, я увидел на земле монету, поднял ее и сразу решил: "Да, Бог отвечает на молитвы". Я рассказал об этом отцу, а он сказал: "Ну, что ж? В таком случае иди и купи себе мороженое".

Мне кажется, что я никогда не ел такого вкусного мороженого, как тогда, и благодарил Бога за ответ на молитву.

Однажды к нам в аптеку зашел раненый турок. Он нуждался в медицинской помощи. Несколько недель он приходил к нам в аптеку, и мы давали ему нужное лекарство, в приготовлении которого и я принимал участие. Этот случай в будущем, во время погрома, явился причиной избавления меня от смерти.

Однажды аптекаря не было, а в аптеку зашел турок и попросил слабительное для своей жены. Я осмелился выполнить его желание, налил жидкость в бутылку и дал ему. Узнав об этом, хозяин сказал отцу, чтоб я больше не приходил работать в аптеку.

Вскоре я устроился учеником у брата-сапожника. Здесь я чувствовал себя свободнее, смелее курил, но это вскоре раскрыла мачеха и рассказала отцу. Отец как следует высек меня за это, а я еще больше возненавидел мачеху и старался не попадаться ей на глаза.

ПОГРОМ 1909 ГОДА

Это было в субботу. Я работал у брата. Недалеко от нас находилась базарная площадь. Нашими соседями-лавочниками были два турка. Во время обеда я пошел домой, принес обед для себя и для брата. После обеда я должен был приняться за работу, но в это время соратник брата попросил меня пойти к нему домой и отвезти на осле мешок зерна на мельницу.

Я с удовольствием согласился. Но как только вышел из мастерской, услышал выстрелы на площади и крики: "Татун! Татун!" ("Лови! Лови!"). Из любопытства я побежал в сторону крика, но на пути встретил знакомого молодого человека, бежавшего навстречу с двухлетним братишкой.

- Что случилось? - спросил я его.

- Спасайся! Это резня!

Я видел, как армяне с ужасом на лицах бежали в сторону нашей улицы, а за ними гнались турки с обнаженными кинжалами.

Вместе с молодым армянином мы добежали до нашей улицы, вскочили во двор одного богача-армянина и остановились, прислушиваясь к душераздирающим крикам. Позднее я узнал, что турки зарезали отца этого молодого человека, а он спасся бегством.

Я прибежал домой. Мачеха гладила белье, ничего не зная, что творится на базарной площади. Я рассказал ей, что турки могут ворваться к нам. Мачеха вынула из сундука хранившиеся там деньги, взяла младшего братишку, мы побежали в помещение церкви и закрылись там на замок.

Рядом с нашим домиком жила большая семья, четверо женатых братьев. Двоих не было дома, двое других, имея оружие, охраняли дом. Когда же настал вечер, они пригласили нас под свою защиту.

Напротив нашего дома жил богатый портной. Он строил рядом новый дом, с ним были мастера и работники, молодые армяне. Хозяин вооружил их и приготовился к самообороне. Там же находились ближайшие соседи. Ночью они перевели нас к себе, считая, что у них более безопасное место.

Окна дома смотрели на площадь, что делало более доступным наблюдение за врагами. Третья сторона дома выходила на двухэтажный дом богатого турка, где тоже сидели вооруженные люди и время от времени перестреливались с нами.

Два дня прошли благополучно. Мы не выходили из дома. Но на третий день турки прибегли к хитрости. После обеденной молитвы они вышли из мечети большой толпой, остановились против нашего дома и громко начали кричать:

- Хорошая новость. Вы получили прощение нашего султана, мы не будем нападать на вас. Если вы принимаете прощение, то повесьте белый флаг.

Наши люди были очень наивны, поверили туркам и повесили белый флаг. Турки смело окружили дом, начали стучать в двери. На это наши ответили так:

"Если заключен мир, то идите домой". Турки начали ломать двери, в это время армяне начали стрелять и убили несколько турок.

В момент перестрелки наша комната наполнилась дымом. Я начал просить мать уйти из дома. Моя сестра Гулица одела меня в женское платье, повязала платком, как девочку, и мы вышли. Женщин турки в тот момент не убивали.

Так как улица была наполнена турками, мы вышли через сад и остановились на углу дома знакомого турка. Турки, увидев нас издали, закричали:

"Женщины, идите сюда, вам не грозит опасность". Улица была наполнена вооруженными турками. Мы молча прошли сквозь их ряды. Я был самым последним. Вдруг один высокий араб схватил меня и сказал: "Это мальчик!" Он тут же хотел пристрелить меня, но в этот момент подошел турок, вырвал меня из рук араба и повел к себе домой.

Это был тот турок, которому я давал лекарство в аптеке. Его имя Мамед-Ага. В пути я сказал ему:

- Мамед-Ага, ты помнишь, как я давал тебе лекарство, а теперь ты хочешь убить меня?

- Нет, я хочу спасти тебя от неминуемой смерти.

Он привел нас в свой дом, принес хлеб и сыр, приказал не смотреть на улицу и не выходить со двора.

У Мамед-Аги мы пробыли около часа. Там я преклонил колени и молился так: "Господи, если Ты избавишь меня от рук турок, я буду служить тебе всю жизнь". А в это время жены Мамед-Аги проповедовали магометанство моей мачехе и сестрам и еще одной женщине. Они поставили условие: "Если вы примете магометанство, мы накормим вас и спасем от гибели".

Мачеха и сестры безбоязненно ответили, что они не могут отречься от Христа, если даже им угрожает смерть. А другая женщина от страха приняла предложение турчанок, и ее начали кормить.

Мамед-Ага позаботился, чтобы нас перевели на французскую фабрику. Пришли жандармы и повели нас под охраной на фабрику, которая была под опекой правительства.

На этот раз я не укрывал себя покрывалом, но был в женском платье. По дороге жандарм сказал мне:

- Девочка, пройди на ту сторону.

Я был рад, что меня снова приняли за девочку.

НА ФРАНЦУЗСКОЙ ФАБРИКЕ

На фабрике было два отделения: первое - ткацкое, второе - мукомольное. Там мололи пшеницу.

Хозяином этой фабрики был француз. Он был добрым человеком, приютил у себя сирот и вдов и, хоть и скудно, кормил нас в период резни, которая продолжалась три недели.

На фабрике собралось 200 человек, но мы жили как одна семья - в любви и согласии. Горе сплотило всех воедино.

На следующий день на фабрику привели раненую армянку, жену того портного, в доме которого мы прятались два дня. Она рассказала, что турки, окружив дом, подожгли его, а

выбегающих из дома стреляли без разбора. Она выбежала из горящего дома, упала без сознания. Ее подобрала жандармы и привели на фабрику едва живую, обгоревшую.

За три недели почти все армяне были уничтожены турками, а многие женщины армянки изнасилованы.

В то время мне было трудно разобраться, что происходит, чтобы видеть Божье предопределение в отношении меня и нашей семьи. Позже, размышляя обо всем происходившем во время резни, я увидел руку Божию, три раза избавившую меня от смерти.

Не помню, в тот же день или на следующий, привели на нашу фабрику знакомого аптекаря, раненого в голову. Он рассказал нам о мученической смерти моего отца, и каждое его слово осталось в памяти до сего дня.

Перед началом резни отец и 12 членов церковного комитета собрались в помещении аптеки для обсуждения вопроса о предстоящем церковном съезде. Как только началась резня, мой отец вместе с церковным комитетом пошли к начальнику города, чтобы ходатайствовать о прекращении убийств. Мой отец осмелился взяться за это дело, так как начальник города его уважал и даже за несколько дней до резни приходил к отцу поздравить его с днем Пасхи.

Начальник города сообщил, что приказ пришел от самого султана, и он не может остановить погрома. Единственным путем спасения от смерти могло быть принятие магометанства. Впрочем, это было главной целью погрома. Мой отец смело отклонил это предложение и сказал, что он не может отречься от своего Спасителя и готов за Него отдать жизнь.

Когда отец сделал такое заявление, начальник города передал делегацию в руки турок. Они выстроили в один ряд 10 человек и одного за другим умертвили путем отсечения головы. Когда очередь дошла до моего отца, он попросил, чтобы ему дали время для молитвы. Получив разрешение, он преклонил колени и сказал: "Господи, прости им, ибо не знают, что делают. А я предаю душу в Твои руки".

Когда отец закончил молитву, турки ему, связанному, отрубили голову.

Затем очередь дошла до аптекаря. Вдохновленный смелостью и молитвой моего отца, он тоже решил принять смерть, но не отречься от Господа. Палач взмахнул мечом, чтобы отсечь ему голову, но в эту минуту подбежал другой турок и, вырвав у палача меч, сказал:

- Что ты делаешь? Это же не армянин, а грек!

И он тут же обвязал аптекаря голову красной тряпкой. (В отличие от армян грекам было приказано повязывать голову красной тряпкой). Так аптекарь оказался на французской фабрике.

После окончания резни к нам прибыли миссионерки, и нас группами повезли в Адан.

Я очень страдал душой, вспоминая отца и брата, которого также зарезали турки. Моих сестер поместили в приюте для девочек, а меня взял к себе дядя Арменак.

К тому времени мой дедушка уже умер, а дядя был женат и имел двух дочерей. Все они любили меня. Я много времени проводил с дядей в его винограднике, и старательно помогал ему при сборе винограда.

ОПЯТЬ В КОЛЛЕДЖЕ ТАРСА

Лето, проведенное у дяди, прошло очень быстро. Настало время учебных занятий. Дядя позаботился найти транспорт, и я вместе с несколькими армянскими семьями отправился в путь.

Начался мой третий учебный год. Учение давалось легко, но вскоре заболели глаза. После врачебного исследования стало ясно, что я страдаю трахомой. Врач запретил мне продолжать занятия, по крайней мере, временно.

Мне ничего не оставалось делать, как ехать к старшей сестре. Это обстоятельство очень огорчало меня, потому что я ставил себе цель с успехом кончить колледж. Однако позднее я понял, что это несчастье было предопределено Богом. Бог таким путем открывал мне двери к вечному счастью, к вечному спасению через рождение свыше.

У СЕСТРЫ В АДАНЕ

Сестра Агнив приняла меня с радостью. Но увидев в доме бедность, я почувствовал себя в неловком положении.

Я не хотел обременять ее.

Сестра с двумя детьми и свекровью жили в маленькой тесной комнате. Свет едва пробивался через окошко. Сестра имела слабое зрение, учиться не могла и теперь работала прачкой, получая скудный заработок, который едва покрывал расходы семьи. Я решил найти работу, чтобы помочь сестре материально.

На третий день, проснувшись рано, не завтракая, я вышел на улицу, ведущую к базару, в надежде найти какую-нибудь работу.

Стояла жаркая весенняя погода. Шла бойкая торговля прохладительными напитками. Народ стоял в очередь за напитком под названием "Казос". Я решил найти завод, изготавливающий "Казос", и попытаться получить там работу.

Найдя хозяина завода, я попросил один ящик этого напитка в кредит. Хозяин оказался сговорчивым. Он дал мне его. Денег на покупку льда у меня не было, но я вытянул из колодца ведро холодной воды и опустил в него несколько бутылок.

Долго ждать покупателей не пришлось. В этот день я остался без завтрака и обеда, но мне удалось продать 4 ящика "Казоса". Каждый раз я вручал хозяину пустые бутылки и рассчитывался за "Казос". На вырученные деньги я купил в лавочке продукты и отправился домой к сестре.

Сестра волновалась за меня, но когда я ей рассказал о своем "коммерческом" деле и положил на стол купленные продукты, она обрадовалась.

Некоторое время я торговал "Казосом". Заработок был незначительным, но все же улучшил положение сестры, и она очень благодарила меня. Потом в утренние часы я продавал на базаре печенье, а вечером у входа в кино семечки, жареный горох и орехи.

Но приближалась осень. Погода стала дождливой, холодной. Пришлось прекратить уличную торговлю. Я начал искать другую работу.

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЙ ПОВАР

В поисках работы мне везло. И в этом я видел руку Божию.

На углу глухой улицы был маленький ресторан. Я зашел туда пообедать, присмотреться к обстановке и познакомиться с хозяином.

Хозяином ресторана был армянин. Он в основном готовил котлеты, чтобы разносить их по винным лавкам. Я спросил хозяина, не нуждается ли он в помощнике? Хозяин благосклонно предложил мне работу за 5 меджитие (турецкая монета) в месяц. Моей обязанностью было разносить котлеты его клиентам.

Работа шла успешно, и хозяин это заметил. Я находил ему новых клиентов, и потому он обращался со мной любезно, иногда даже приглашал домой, угощал обедом и сигарами. Таким образом я стал курильщиком вонючих сигар.

Однажды к моему хозяину пришел нищий за милостыней. Хозяин отказал, но когда тот обратился ко мне, я положил в его руку несколько мелких монет.

Позднее хозяин спросил меня:

- Ты знаешь, кому ты дал милостыню? Это известный повар из города Аджин, но он стал алкоголиком, и теперь никто не нанимает его на работу. И деньги, которые ты дал ему, он сейчас же пропьет.

- Когда просят милостыню, я отказать не могу, - ответил я.

Через несколько дней после этого случая я проходил через базар, в центре которого была огромная лужа после недавнего ливня. Несколько мальчиков шутили и смеялись над пьяным, который был не в силах выбраться из нее. Я присмотрелся к нему. Это был тот бывший повар, который просил у меня милостыню.

Я сжалился над ним и на виду у смеющихся мальчиков, помог ему подняться, нанял извозчика и привез к себе домой. В то время я арендовал комнату у хозяина ресторана.

Я снял с пьяного грязную, мокрую одежду, уложил его на полу и тепло укрыл. Он сразу же уснул крепким сном. Я отнес его одежду к моей сестре и попросил ее выстирать ее и просушить.

Проснувшись утром, пьяница спросил, где он находится. И я рассказал ему все, что с ним произошло вчера. Он опустил голову и долго молчал. Видно, стыд и совесть мучили его, и он не знал, что ответить.

Вскоре сестра принесла его одежду, приготовила нам завтрак. Он ел также молча. Молчал и я. Наконец я спросил его:

- Я слышал, что вы хороший повар. Вы работали в первоклассных ресторанах. Что же привело вас к такому состоянию, что теперь никто не желает нанимать вас на работу? Если бы я вчера не вытащил вас из лужи, вы за ночь могли умереть от холода.

Пьяница молчал и по-прежнему сидел с опущенной головой. Потом встал, поблагодарил меня и молча вышел из комнаты.

Через несколько дней в наш ресторан пришел человек в европейском костюме. На его голове была модная шляпа, на ногах - лакированные ботинки. Тщательно выбритое лицо его выглядело благородным и приятным. Он подошел ко мне и шепнул на ухо:

- Завтра приходи в ресторан на берегу реки. Я там работаю поваром и могу дать тебе работу с хорошим жалованьем. Я также научу тебя готовить новые вкусные блюда. Но ничего не говори об этом своему хозяину.

Представляете, как я был обрадован, когда в этом джентльмене узнал того пьяницу, которого вытащил из лужи и пригнал.

Вечером я заявил хозяину, чтобы он меня рассчитал.

- В чем дело? - спросил он. - Я прибавлю тебе жалованье, останься.

- Нет, я уйду не из-за платы. Я хочу научиться поварскому делу.

Хозяину ничего не оставалось, как дать мне расчет.

В ЛЕТНЕМ РЕСТОРАНЕ

На следующий день я пошел в летний ресторан, расположенный на берегу реки и считавшийся самым лучшим городским рестораном. Повар встретил меня вежливо, познакомил с хозяином, который взял меня на должность официанта.

Эта работа была легкой и выгодной. Кроме месячного оклада я также получал "чаевые" от богатых клиентов.

Летом в городе стояла жара. По совету повара я привез мою постель в ресторан и там ночевал на открытом воздухе, наслаждаясь речной прохладой.

Однажды в тихую лунную ночь я беседовал с моим поваром. За неимением семьи он тоже ночевал в ресторане. Он спросил меня:

- Знаешь ли ты, почему в моей жизни произошел такой поворот, и теперь я имею такую хорошую работу?

- Нет, не знаю, - ответил я.

- Ты был причиной. Помнишь, как ты меня вытащил из лужи, привез в свою комнату и наставлял, чтобы я не пил больше водку? В то время я тебе ничего не сказал, но когда я вышел из комнаты, я горько плакал и там же поклялся, что больше не возьму в рот ни капли алкоголя.

Я слушал моего мастера и радовался такому повороту дела, а он продолжал:

- После этого я пришел в этот ресторан, его хозяин - мой брат. И я сказал брату: "Сегодня я покаюсь и больше пьянствовать не буду". Брат выслушал меня, дал мне две золотые монеты и сказал:

"Сходи в баню, купи новый костюм и обувь, побрейся и приходи работать". Я так и сделал. Когда я оправдал доверие брата, то он решил помочь и тебе в благодарность за все, что ты для меня сделал.

Слушая признание повара, я чувствовал, что мое сердце наполняется благодарностью Господу, ибо я видел в этом руку Божию. Я знал, что это Он давал мне слова, благодаря которым пьяница покаялся.

Излишне рассказывать, какими вкусными обедами кормил меня повар, как ласково и по-отечески нежно относился ко мне.

Но лето подходило к концу. Начались дожди. На зимний сезон наш ресторан закрылся, и я вынужден был искать работу в другом месте.

В ГОСТИНИЦЕ

Без особого труда я получил работу в гостинице. Ее хозяевами были армяне. Меня приняли на должность помощника повара. Там работа была тяжелее, но она открывала мне возможность лучше усвоить поварскую специальность. Мой мастер-повар ежедневно приготавливал 18-20 разных блюд для гостей высшего ранга.

Мой учитель не очень старался научить меня поварской профессии. Наоборот, он скрывал от меня тайны приготовления обедов, нагружая другой работой. Я должен был мыть кастрюли, посуду и прочее, но, делая это, я всегда наблюдал за работой повара и таким образом многому учился.

Главным блюдом на ужин был рисовый плов. Рис должен быть рассыпчатым и в то же время мягким. В послеобеденное время мастер шел отдыхать, а я запрягался в работу. Я заливал рис горячей водой и оставлял его на два часа, потом несколько раз промывал в холодной воде, чтобы зерна окрепли. Горячая вода размягчала верхний слой риса, и зерна не прилипали одно к другому. За полчаса до ужина приходил мастер и варил плов в мясном бульоне.

Однажды я решил сварить рис самостоятельно, хотя в случае неудачи меня сразу уволили. И я до прихода мастера сварил плов. Повар сразу подошел к кастрюле попробовать. Я стоял в стороне, ожидая приговора судьбы. Повар не похвалил меня, хотя плов удался на славу, но сказал:

- Видишь, какой у тебя учитель? Хорошо сделано.

Вскоре об этом узнали все сослуживцы гостиницы.

Хозяин в тот вечер продал весь плов и хвалил мое мастерство. С этого момента мастер изменил ко мне свое отношение, стал делать замечания и каждый раз искал случай, чтобы меня обидеть. Я понял, что этому причиной была горькая зависть и что больше я работать с ним не смогу.

Вскоре мне пришлось взять расчет у хозяина, хотя он старался оставить меня на работе.

РАБОТА У КУПЦА

Удивляюсь, как легко я всегда находил работу, хотя в то время мне было только 12 лет. Я был принят на работу в магазин женских вещей. Работал всегда старательно, поэтому хозяин любил меня, доверял и часто оставлял одного в магазине. Но плата за работу была много меньше той, которую платили в гостинице.

Однажды меня встретил хозяин одного ресторана.

Он слышал о моей успешной работе в гостинице и предложил должность повара, обещая хорошее жалование. Я устроился в его ресторан и готовил 7-8 блюд каждый день, но эта работа без помощника оказалась для меня слишком тяжелой. К тому же у меня на ноге появился нарыв, причинявший боль. Мне пришлось уволиться, но как только стало легче, я нашел себе другое занятие: стал торговать женскими товарами на улицах, где жили богатые турчанки. Для этой цели я купил детскую коляску, брал товары в больших магазинах и вез их в те районы, где женщинам не разрешалось выходить из гарема в магазины. Торговля шла успешно, и это давало мне возможность помогать сестре, жившей в бедности.

В ГОРОДЕ МЕРСИН

Вскоре среди армян разнесся слух, что турецкое правительство снова намерено устроить резню и что английские и французские корабли посланы к городскому причалу в Мерсин для защиты армянского народа. Армяне начали спешно переселяться туда.

Во избежание грозящей опасности моя сестра также решила ехать в Мерсин, и я последовал ее примеру.

Прибыв в Мерсин, я встретил на станции молодого армянина. Он оказался земляком, хорошо знал моего отца и предложил остановиться на его квартире. А гостиницы в это время были переполнены беженцами.

Рано утром я решил пойти на поиски работы, чтобы не быть обузой этому человеку. В городе я встретился с другом моего детства. Встреча была неожиданной и радостной. Когда друг узнал, что я знаком с кулинарным делом, он познакомил меня с богатой гречанкой, которой требовался повар. Она приняла меня на работу и в тот же день заказала приготовить обед. Я быстро принялся за дело. Она часто заходила на кухню, чтобы видеть, как я работаю, и делала ненужные замечания. Я сразу понял, что женщина очень капризна и угодить ей трудно. Я снял фартук, не закончив приготовления обеда, и ушел от нее. В тот же день я устроился помощником официанта в кафе.

В то время мне было 13 лет, и несмотря на безработицу, я всегда находил работу. Я работал в кафе несколько месяцев, но как только опасность погрома миновала и беженцы начали возвращаться в Адан, я также вернулся в город, к которому уже очень привык.

СНОВА В АДАНЕ

Приехав в Адан, я сразу же начал искать работу. В то время шла война с Италией, и в стране была безработица.

Но я продолжал поиски работы, а Бог в это время продолжал поиск моей души. Когда-то молодой Саул искал ослов своего отца, а нашел царство. Так было и со мной.

Два года назад, когда из Тарса я приехал в Адан, я посещал собрания евангельских христиан. Духовное состояние церкви в Адане было слабым. Мною никто тогда не интересовался, и я остыл к посещению собраний.

Когда я устроился на работу в гостиницу, собрания уже совсем не интересовали меня. Я втянулся в курение, мог бесплатно пить в гостинице алкогольные напитки, посещал театр (театр принадлежал моему хозяину), все религиозные чувства исчезли, и я стал настоящим "блудным сыном".

В то время у меня был друг по имени Павел. Его мать была вдовой с двумя детьми. Они были очень бедны. Павел обучался сапожному делу, и я часто по вечерам приходил к нему. Мы, беседуя на крыше дома до поздней ночи о разных мирских делах, вместе курили. Я часто оставался у Павла на ночь и спал с ним на полу.

Я имел друзей, которые вели порочную жизнь, заражая меня грехом, с ними я играл в карты, ходил в увеселительные заведения и кабаре. Но моя душа не находила покоя. Каждый раз я приходил домой разочарованным, подобно человеку, ограбленному разбойниками.

Я часто задавал себе вопрос: "Ну, что ты получил от всего этого? Только напрасно потратил время, жертвовал сном и многим другим".

Подобные мысли тяготили душу, я несколько раз плакал, но на следующий день все повторялось.

Однажды в воскресный день я увидел на столе у сестры открытую Библию и начал читать. Я вспомнил дни моего детства и очень расстроился. На душе стало грустно, ибо я увидел, насколько далеко отошел от Бога. Сокрушающие мысли преследовали даже на работе. Вечером после рабочего дня я часто не мог уснуть, спрашивая себя:

- Что бы могло сделать меня счастливым?

И сам отвечал:

- Богатство.

- Но что бы я делал, будучи богатым?

- Во-первых, я бы не работал, одевался бы в нарядные костюмы, имел арабскую лошадь, хороший дом, устраивал бы богатые угощения с оркестром, женился бы на красивой девушке, имел бы детей, дал бы им отличное образование...

- А затем? - стоял передо мной вопрос.

- А затем я бы, конечно, постарел и умер бы, как другие...

- А потом?..

- А потом Божий суд, ответ перед Богом за земную жизнь.

Когда я дошел до этой точки, я разочаровался и понял, что богатство меня не может сделать счастливым. Передо мной предстали тщета и бренность земной жизни. Надо было искать то, что могло бы утолить жажду моей души. На земле все временно, а я чувствовал, что душа ищет вечного. Где можно найти вечное?

Эти размышления с самим собой не прошли даром. Я увидел суетность мира, краткость земных удовольствий. Меня стали беспокоить укоры совести. Но когда я начал противиться греху - то вдруг почувствовал, что грех сильнее меня, что я беспомощен и не в состоянии победить его.

Во мне усилилось чувство стыда. Я избегал лиц, которые знали моего отца. Однажды я даже хотел убежать в Египет, чтобы жить там, где меня никто не знает. Я желал встретить мудреца, который бы научил меня, как избавиться от сетей греха. Я бы служил ему бесплатно десять лет.

Разве не удивительно, что, будучи сыном известного проповедника, я, слышавший слово Божие с раннего детства, хорошо знакомый с учением Евангелия, пробужденный четыре года тому назад на евангельских собраниях, - теперь все забыл и, как блудный сын, не мог освободиться от искушений и греховных сетей.

Так грех может ослепить человека, удалив его от Бога и заставив предать забвению услышанное в детстве.

Но слава Богу, Он знает Своих, и Сам ищет ищущих Его.

МОЕ РОЖДЕНИЕ СВЫШЕ

В 1913 году, в феврале, я проходил по главной улице нашего города. Меня встретил молодой человек и пригласил на евангельское собрание. Узнав, что будет проповедовать

брат Хараламбос, проповеди которого я слушал в свое время в Тарсе, я принял приглашение.

На пути я встретил знакомого юношу по имени Иосиф и сказал ему:

- Слушай, Иосиф, в наш город приехал известный проповедник и проповедует спасение, а мы ведь грешники и нуждаемся в спасении. Пойдем сегодня вечером его послушать.

Иосиф слушал меня, скептически улыбаясь, и потом сказал:

- За всю жизнь я два раза был в церкви: первый раз во время моей свадьбы, а второй раз сегодня утром на исповеди у священника. И еще схожу на Пасху.

- До Пасхи еще три месяца, - сказал я. - Если ты умрешь до Пасхи, где ты будешь?

- Правду ты говоришь, - вдруг серьезно ответил он. - Пойду и я с тобой послушать этого проповедника.

Иосиф вошел в зал собрания первым и сел на свободное место, а я нашел темный уголок и сел так, чтобы не встретиться взглядом с проповедником Хараламбосом.

Проповедник говорил с присущим ему талантом и силою Духа Святого, но я ничего не понял из его проповеди. После я удивлялся, насколько мои мысли были помрачены в отношении Слова Божия.

По окончании собрания я попытался сразу же незаметно выйти из помещения, но не успел. Сидевший рядом со мною человек встал и, назвав меня по имени, спросил:

- Как поживаешь?

- Хорошо, - ответил я и хотел быстро удалиться, но этот человек, знавший меня, сказал:

- Нет, не хорошо. Я знаю тебя и знал твоего отца. Он пожертвовал жизнью ради Господа, а ты живешь грешной жизнью...

От стыда я опустил голову и ничего не отвечал.

- Не хотел бы ты покаяться сегодня? Пойдем в соседнюю комнату.

Я согласился.

Проходя через зал, я увидел другого юношу, такого же, как и я, блудного сына. Его звали Арутюн. Я пригласил его пойти с нами.

Мы преклонили колени и помолились.

Я предложил Арутюну на следующее утро вместе пойти за город, читать там Евангелие и молиться, чтобы больше не грешить. На следующее утро, проходя через центр города, Арутюн начал петь не христианскую песню, и я удивленно спросил:

- Мы же идем молиться и читать Библию. Не так ли?

- Нет, я не могу идти такой узкой дорогой, - ответил он, и наши планы расстроились. В кармане лежали сигареты, и, чтобы приглушить раздражение на Арутюна, я закурил.

В тот же вечер я опять пошел на собрание. В конце собрания вышел вперед и покался, от сердца прося Бога о прощении грехов и обещая больше не грешить. Я не знал тогда, что Господь не только прощает грехи, но и очищает сердце от власти греха. Вот почему любовь ко греху победила меня опять.

В третий вечер под влиянием проповеди я еще раз покался, а на другой день я вновь согрешил.

Имея неправильное понятие о покаянии, я в течении 15 дней ходил на собрание, молился, каялся, но не мог победить живущий во мне грех. Мне казалось, что Бог меня не любит, не слышит моих молитв, и я разочаровался в себе окончательно. Я видел, как другие люди спасались, свидетельствовали о радости спасения, а я этой радости не имел.

Была суббота. Я решил не идти на собрание и больше не молиться. Я думал, что лучше быть искренним грешником, чем лицемерным христианином.

Вот так, подобно мне, многие люди как будто и каются, решают не грешить, но не умеют победить грех и очистить сердце. Они не понимают, что спасение это не только прощение грехов, но и принятие новой природы от Бога, для которой грех становится противным. Своими силами человек не может победить желание грешить. Это может сделать только Бог через духовное рождение свыше.

На следующий день наш сосед, обращенный христианин, предложил мне вместе с ним пойти на собрание. Я молчал, но он снова и снова просил меня, и я уже не мог ему отказать, а в будущем решил раньше уходить из дому, чтобы никто не приглашал меня на собрание.

Тяжелый камень давил на мою душу. Я чувствовал себя несчастным, лишенным Божьей любви, погибшим грешником.

На этот раз проповедник говорил о распятии Господа Иисуса Христа, но для меня его слово было безразлично, ибо я думал, что Бог меня оставил и больше не любит. Вдруг я как будто проснулся от глубокого сна, когда услышал слова проповедника:

"Есть люди, которые искренне хотят спастись, но не знают пути спасения. Они молятся: "Господи, прости грехи мои, я больше не буду грешить", - но это невозможно. Если бы грешник мог сам победить грех, то не было бы нужды Христу умирать на кресте. Нужно просить у Бога не только прощения, но и очищения сердца. Только сердце, очищенное силою Духа Святого, возненавидит грехи".

После этих слов в моей душе появилась новая надежда, я преклонил колени и помолился: "Господи, прости мои грехи и очисти мое сердце. Если этот человек говорил правду, то Ты можешь изменить мое сердце и избавить от любви к греху. Сделай это, и я всю жизнь посвящу Тебе. Но если Ты меня любишь и хочешь меня умертвить, то умертви теперь, чтобы больше я не грешил".

Вдруг совершилось чудо. В моем сердце произошла большая перемена. Исчезло бремя греха, которое давило душу, и сердце наполнилось миром и радостью, какую я раньше никогда не испытывал.

И тут же я увидел чудное видение. Это был Иисус, явившийся в окружении ангелов. Я услышал голос:

"Не бойся, теперь ты спасен. Я победил мир".

Когда проповедь кончилась и вновь обращенные начали молиться под тихое пение духовной песни, я сказал Господу: "Господи, если Ты действительно спас меня, то пусть сейчас споют такую-то песню". После молитвы одного брата запели ту песню, которую я желал.

Так Бог, видя навязываемые дьяволом сомнения, снова дал мне знамение о совершившемся спасении.

Моей радости не было предела. Я тут же встал и начал радостно свидетельствовать о своем спасении. И в заключение сказал: "До сей поры я служил сатане, а теперь буду служить Господу, потому что теперь я принадлежу только Ему".

Когда я вышел из собрания, мне показалось, что небо и земля изменились. Проходя мимо курящего турка, я почувствовал сильное отвращение к табаку, и до сих пор не выношу этого запаха.

По дороге, встретив молодого армянина, я остановил его и сказал: "Слушай, я должен сообщить тебе хорошую новость".

- Какую новость? - спросил он удивленно.

- Иисус Христос действительно Спаситель. В ответ на мою молитву Он совершенно переменяет мое сердце, я теперь радуюсь. Если ты покаешься, Он и тебя спасет.

Армянин, выслушав меня, посмотрел с удивлением, но не ответив ни слова, сразу отошел от меня. Видимо, подумал, что я не в своем уме.

А я сказал сам себе:

- Бедный человек, он ничего не понял.

Придя домой, я сразу же засвидетельствовал сестрам о своем спасении. Они тоже подозрительно улыбнулись и ничего не сказали. Затем я зашел к нашему домохозяину и сказал ему и его жене:

- Я принес вам радостную весть. Иисус Христос меня сегодня спас, и Он может вас спасти. Хозяин улыбнулся и ответил:

- Хорошо, сынок. Хорошо...

Я удивлялся, что люди меня не понимали, забывая, что раньше и сам не понимал тайны великого спасения, потому что был мертв для Бога и жил во грехах, которые отделяли меня от Него.

ДУХОВНЫЙ ТРУД В КИЛИКИИ

Теперь Дух Святой побуждал меня свидетельствовать всем людям о том великом спасении, которое я недавно получил. На улицах, в лавках, в других местах я смело свидетельствовал о моем Спасителе и приглашал людей на собрания.

В одно воскресное утро после окончания собрания я попросил новообращенных молодых людей остаться для беседы. Я им сказал: "Кто желает вместе со мной пойти по улицам города и свидетельствовать об Иисусе без страха перед гонением и арестом?" (Турецкое правительство запрещало говорить об Иисусе на улицах). Все братья согласились, и мы, помолвившись, вышли на главную улицу, где было много народа.

Мы выбрали удобное место, и я, поднявшись на высокий камень, начал свидетельствовать о спасении: что, кроме Иисуса Христа, никто не может спасти грешника. В это время несколько турок хотели напасть на нас, но другие не допустили этого.

Когда я кончил свидетельствовать, мы пошли дальше. В одном месте мы увидели группу армян. Там только что была драка. Армянин и турок ранили друг друга ножами, их увели в полицию, но кровь еще оставалась на земле.

Я использовал этот случай для проповеди, вспомнив Каина и Авеля. Люди ненавидят своих братьев, потому что не имеют Божьей любви, и предлагал всем покаяться.

Оттуда мы пошли в армянскую часть города. Остановившись перед кабаком, начали петь христианские гимны. Вокруг нас собралось много людей. Нашелся стул, на который я встал и свидетельствовал об Иисусе Христе. Пьяный армянин набросился на меня, но другие успокоили его, и я мог продолжать свидетельство.

Люди слушали с большим интересом, и это вдохновляло меня еще больше.

Радостные, мы пошли на вечернее собрание. В следующее воскресенье после утреннего собрания мы отправились в армянское селение, расположенное в пяти километрах от Адана. Там была армяно-григорианская церковь. Когда священник окончил служение, я обратился к нему с просьбой:

- Позвольте мне свидетельствовать об Иисусе и призвать людей к покаянию. Я расскажу людям, как спас меня Иисус Христос.

Священник дал разрешение, и я мог беспрепятственно свидетельствовать людям, а после предложил сделать сбор для священника. Сбор денег начался с нас. Священник остался доволен и пригласил прийти в следующее воскресенье проповедовать Евангелие.

Однако придя воскресным утром к церкви, мы обнаружили двери на замке. Мы удивились, что богослужение закончилось так рано, и пошли к священнику.

Он сказал: "Я закрыл церковь раньше, чтобы народ не обвинил меня в том, что я разрешаю протестантам проповедовать в армяно-григорианской церкви". Я ответил священнику: "Вы пастырь?"

Почему же вы боитесь своих овец?" Эти слова его устыдили. Он привел нас к церкви, открыл двери, и мы начали бить в колокол, который висел перед дверями церкви. Люди встревожились и начали поспешно собираться перед церковью, спрашивая:

"Что случилось?" Когда народ собрался, мы начали свидетельствовать о Христе. Кроме меня свидетельствовали и другие юноши.

Вскоре у меня появилось желание посетить города Осман и Каре-Базар и там свидетельствовать о моем спасении. Мой отец многие годы был служителем евангельских церквей в этих городах. Я еще помнил, как отец сказал мне, четырехлетнему:

- Сынок, когда я умру, ты будешь продолжать эту работу.

Своим намерением я поделился с Иосифом, бывшим католиком, которого я привел в собрание, и он обратился к Господу двумя неделями раньше меня. Мы любили друг друга, как Давид и Ионафан. Я сказал ему:

- Иосиф, Христос посылал Своих учеников на проповедь Евангелия по двое. Не желал ли бы ты пойти со мною?

- Я согласен, но должен спросить разрешения у жены.

Жена согласилась, так как Иосиф в то время не имел работы. Денег у него не было, а у меня их было мало. только на проезд до Османа. Но мы вспомнили слова Христа, обращенные к Его ученикам, чтобы они ни о чем не беспокоились. Мы изъявили свое желание церкви. Братья обрадовались, помолились и проводили нас до станции.

В Османе мы зашли к другу моего отца, к Аноп-Ага. Он принял нас с любовью, дал нам комнату. Он был единственным армянином, уцелевшим при погроме 1909 года. Он выписал пастора для продолжения духовной работы среди армянок, которые остались вдовами.

Вечером мы пошли к пастору, рассказали ему о нашем намерении. Он принял нас холодно и спросил. имеем ли мы дипломы об окончании библейских курсов. Этот вопрос был неуместным. Ведь мне было тогда только 14 лет. И я сказал ему, указывая на свое сердце: "Мой диплом вот здесь - свидетельство Духа Святого".

Мы поняли, что пастор не был рожден свыше.

Брат Иосиф разочаровался и сказал мне:

- Напрасно мы проехали такое большое расстояние...

- Ты думаешь, что только в церковном помещении мы можем свидетельствовать? Давай помолимся, ляжем спать, а утром пойдем на улицы города и будем свидетельствовать каждому встречному.

Мы проснулись в 4 часа утра, почитали Слово Божие, помолились и без завтрака ушли из дома. Был воскресный день, и народ еще спал. Но когда мы пришли на другой конец города, мы увидели человека, пасшего своего осла. Мы поздоровались и начали проповедь. Когда он узнал, что я сын казненного пастора, он выслушал мое свидетельство и сказал, что его брат через несколько дней поедет в Каре-Базар. Я очень обрадовался, так как знал его брата. Он имел пекарню и любил меня, когда я был еще мальчиком.

Во время нашей беседы подошли две женщины. Оказалось, что одна из них была членом церкви моего отца. Она пригласила нас к себе, угостила обедом и согласилась устроить в своем доме собрание. Когда она ушла созывать женщин, я сказал Иосифу:

- Вот видишь, как сбываются слова Христа: где принимают, там и свидетельствуй.

После собрания мы посетили одну больную вдову. Она была довольна нашим свидетельством, угостила нас и сама предложила собрать соседок-вдовушек, чтоб почитать им Слово Божие. Людей собралось много, комната не вмещала всех, и мы решили устроить собрание под открытым небом во дворе.

Женщины, вспоминая о смерти моего отца, плакали. Увидев их слезы, я сказал:

- Дорогие сестры, не плачьте об отце. Он с Господом. Плачьте о себе и о детях ваших, чтобы и вы и они были с Господом.

После собрания мы посетили одну парализованную сиротку, одиноко лежавшую в маленькой комнате.

Это была очень красивая девушка. Я хотел ей свидетельствовать о своем спасении, но она начала первой и рассказала, как спас ее Христос, что она счастлива даже в таком положении. Слушая ее, у меня появилось еще большее желание свидетельствовать об Иисусе Христе.

Во время разговора с девушкой пришел пастор и предложил нам пойти с ним посетить другую семью. Это нас удивило. Оказывается, народ его обвинил в том, что он не допустил нас свидетельствовать в церкви, но Господь действовал через нас, когда мы устраивали собрания в частных домах.

С Иосифом я отправился в Каре-Базар. Долгий путь мы прошли пешком, вспоминая, как ходили апостолы. От радости почти бежали.

Каре-Базар мне был хорошо знаком с детства. Шесть лет я не был здесь. К счастью, жители города - армяне - уцелели во время резни, и нам открывалась возможность свидетельствовать им об Иисусе. Раньше в Карсбе жила моя тетья - Нурица, но теперь ее уже не было в живых, она умерла во время родов. Муж умершей тети Симон Ага принял нас с большой радостью и поместил в отдельной комнате. Мы искупались, нам дали белье и другую одежду, а грязное постирали. И я говорил Иосифу:

- Видишь, как сбываются слова Христа? Он удовлетворяет наши нужды.

На следующий день мы посетили знакомые семьи, свидетельствовали им и приглашали на воскресное собрание.

В воскресенье рано утром я пришел к пастору, рассказал ему о моем спасении. Когда он узнал, что я сын Маркара Хоча, он сказал:

- Сегодня ты будешь проповедовать в церкви, в которой твой отец был пастором. Да благословит тебя Господь.

Это устало меня, потому что мое свидетельство длилось примерно пять минут, а здесь я должен был предстать с проповедью.

Я вышел во двор и начал молиться Господу, чтоб Он мне помог. До начала собрания оставалось полчаса. Я открыл Евангелие, прося Господа указать мне текст. Мне открылось послание Иакова, где написано: "Кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу".

Меня посадили на возвышении возле кафедры, а пастор сел на скамейку среди слушателей. Помещение было переполнено, люди стояли в дверях. Я весь дрожал. Одет я был очень бедно: в полотняных штанах и рубашке, перепопсанной шерстяным поясом.

Когда я сидел, мои колени стучали одно о другое. Я с трудом прочел текст, но когда начал говорить, страх моментально исчез.

В конце собрания пастор подошел ко мне и сказал:

"Я объявляю пробудительные собрания на 2 недели, и ты будешь проповедовать".

Господь благословил эти собрания. Я не помню, сколько человек уверовало, но хорошо запомнил горячие молитвы людей. Эти собрания меня еще больше вдохновили. Теперь я не сомневался в Господнем призвании.

После собраний Иосиф и я возвратились домой, чтобы не вызвать недовольства в семье. Симон Ага отправил нас до Адана на фаэтоне со своим сыном.

Так окончилось мое первое миссионерское путешествие, которое продолжалось около месяца.

СНОВА В АДАНЕ

Возвратившись в Адан, я встретился с моим духовным отцом, братом Хараламбосом, и рассказал ему о всех переживаниях.

Жизнь церкви оживилась. После каждого вечернего собрания устраивались специальное собеседование и молитва, а потом собрание для новообращенных. Так как в то время у меня не было работы, я каждый день ходил с Иосифом за город, где мы читали слово Божие и молились.

Я начал чтение Библии от начала до конца. Когда я дошел до Деяний Апостолов (гл. 22), меня осенила новая мысль. В 16-м стихе Анания говорит Павлу:

"Что медлишь? Встань, крестись!" У меня возник вопрос: почему мы после своего обращения к Богу не принимаем крещения подобно ап. Павлу?

Я занялся исследованием этого вопроса в других частях Евангелия и выяснил, что крещение детей не основано на учении Евангелия. Заповедь Иисуса Христа гласит, что крещение должно приниматься только после уверования и рождения свыше.

Я говорил об этом с Иосифом, и он согласился со мной. Мы пошли к пастору Хараламбосу и спросили его, почему он не крестит новообращенные души?

Пастор с удивлением посмотрел на меня и спросил:

- Кто тебе сказал об этом?

- Я в Евангелии нашел эту истину, - ответил я. Пастор еще более удивился и сказал:

- Я был крещен в Швейцарии, но здесь я не говорю на эту тему, потому что сразу начнется преследование.

В Турции никто никогда не проповедовал о крещении. Это может повредить делу пробуждения. Но если вы хотите принять крещение, на Пасху я могу крестить вас.

Вскоре я узнал, что в селении Азиз должна открыться библейская школа при содействии брата Егоняна. В моей душе возгорелось желание продолжать учиться и потом всю жизнь посвятить евангелизационной работе. Но неожиданно заболев малярией, я вынужден был отправиться в г. Мараш к своему дяде, который работал в аптеке и мог доставать нужные лекарства.

Там была группа братьев, которая каждое воскресенье устраивала собрания. Не обращая внимания на болезнь, я пешком ходил на собрания в село Краманли. Душа нуждалась в духовной пище.

В конце октября женщина, управляющая девичьим приютом в этом городе, пригласила меня для беседы. Я рассказал ей о своем обращении и о том, что мое сердце полно желания учиться. Она слушала внимательно, задавала вопросы, а через несколько недель позвала опять и объявила, что я принят в богословскую школу пастора Егоняна, и дала мне на дорогу денег. Я должен был отправиться немедленно, потому что уже начались занятия.

Радости моей не было предела. Дядя не советовал уезжать, так как я еще был болен.

С великой печалью я прощался с дядей, который полюбил меня, как родного сына. Эта любовь связала меня с ним крепко, и я очень сожалею, что на земле больше его не встречал, но надеюсь увидеть его у Господа.

В БИБЛЕЙСКОЙ ШКОЛЕ ИМЕНИ СВ. ФАДДЕЯ

Путь в селение Азиз, где находилась школа, был утомительным и трудным. Я все еще болел, малярия истощила мои физические силы, но желание получить духовное образование превозмогало все.

Мой проводник вез апельсины для продажи в Малатии. Он имел несколько лошадей, нагруженных апельсинами, и на одну из них посадил меня. Был конец ноября, стояли холодные дни, а мы должны были три ночи ночевать на постоялых дворах.

Только на седьмой день с разными приключениями я добрался до селения Азиз.

Пастор Егонян встретил меня любезно. Он поместил меня в доме двух верующих сестер, где уже жили два ученика этой школы. Позднее они стали моими самыми близкими друзьями.

Вечером меня посетил брат Егонян. Увидев мое пожелтевшее и исхудавшее тело, он распорядился уложить меня в постель.

В то время я плохо говорил по-армянски и потому вначале имел немало трудностей с языком, но с Божьей помощью эти трудности вскоре преодолел.

Перемена климата сказала благотворно на моем здоровье. Малярия прошла и уже больше никогда не возвращалась.

Нашими учителями были А. Егонян, пастор Эйман и Карапет Петросян. Расходы на содержание школы покрывала немецкая миссия. Кроме общеобразовательных и богословских дисциплин уделялось особое внимание духовному воспитанию. Все старались жить благочестивой жизнью и свидетельствовать о Божьей любви всем окружающим.

Мы часто устраивали евангелизационные и пробудительные собрания. Это помогало духовному развитию. Школьная атмосфера была очень дружелюбной, но время летело быстро, и разлука приближалась.

Я очень любил пастора Егоняна и часто ходил к нему домой, чтобы чем-нибудь помочь его семье. Он имел шестерых детей, и потому в доме всегда находилось какое-нибудь дело.

Пастор Егонян умел воспитывать своих детей. Я до сих пор помню, как он, чтобы остановить шум и спор детей, только поднимал руку и указательным пальцем давал знак замолчать, и все сразу умолкали.

Однажды я беседовал со своими школьными друзьями о крещении. Я приводил им места из Св. Писания, подтверждающие, что крещение должно совершаться не до уверования, а после уверования и принятия спасения. Мы обратились с этим вопросом к пастору Егоняну, Он ответил, что крещение должно совершаться после возрождения, и потому он своих детей не крестил. Но так как он сам не крещен, то не имеет права крестить других. Он надеялся, что Бог пошлет человека, который может совершать крещение. Вскоре он принял крещение. А мои обстоятельства сложились тогда так, что я принял крещение только в 1917 году. Но об этом я расскажу подробнее позже.

Однажды наш учитель объявил, что церковь попросила одного из студентов вести занятия в воскресной школе.

- Кто согласен на это дело? - спросил он.

Я сразу же дал согласие. Помню, темой первого урока были слова Иисуса Христа о широком и узком пути. На доске я нарисовал два пути: узкий и широкий и показал на широком пути множество людей, идущих в погибель, и рассказал, кто они. На узком пути я изобразил несколько детей. Конец пути - небеса, присутствие Христа.

- Кто хочет с широкого пути перейти на узкий? Поднимите руку.

Одиннадцать мальчиков и девочек подняли руки и со слезами покаялись. Двое из этих детей, две девочки - Села и Нвард, живы доныне. Они стали женами проповедников - пастора Баликяна и пастора Зенаса Егоняна.

ЛЕТНИЕ КАНИКУЛЫ

По случаю летних каникул меня пригласил евангелист Харламбос приехать к нему в Айнтам и помочь в деле Божиим. Я очень обрадовался его приглашению. Я любил пастора Харламбоса - как духовного отца и очень соскучился по нему. Слышал также, что в Айнтаме происходит большое духовное пробуждение благодаря проповеднической деятельности брата Харламбоса.

Я обратился к моему учителю за разрешением поехать в Айнтам на летние каникулы, но он отказал в моей просьбе.

Это меня очень удивило, но учитель был неумолим.

Через несколько дней я снова получил письмо от брата Харламбоса с просьбой как можно скорее приехать к нему и сообщить об этом немедленно, чтобы он мог выслать деньги на дорогу.

И я снова обратился к учителю с той же просьбой, а перед этим много молился. Я показал учителю телеграмму, но он и на сей раз отказал мне:

- Ты нужен мне здесь. Нам придется духовно трудиться на даче...

Я написал брату Харламбосу, что меня не отпускают, Долго я думал о том, почему Бог не ответил на мою молитву положительно, почему не смягчил сердце брата Егоняна, чтобы он отпустил меня? А через две недели началась война, и я узнал печальную весть:

брата Харламбоса арестовали и вскоре повесили за проповедь Евангелия. И мне сразу открылась причина, почему Бог не ответил на мои молитвы. Как важно нам, христианам, доверять словам Писания:

"Любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу" (Рим. 8,28).

Бог знает наперед, когда наши просьбы могут служить во вред нам, и в таком случае не отвечает на молитвы.

Итак, во время каникул я оказался на даче, возле озера, у подножия горы Азар Баба. Там была деревня, где мы остановились. Однажды я увидел, как священник той деревни сидел с несколькими армянами и играл в карты. Меня это так возмутило и удивило, что я обратился к нему с вопросом:

- Как вы, будучи священником, вместо благовестия Евангелия играете в карты? К этому призвал вас Бог?

Священник был смущен и озадачен. Помню его ответ:

- Христос сказал народу о фарисеях: "Все, что они говорят делать, делайте, а по делам их не поступайте".

Этот ответ меня еще больше удивил. Он сам себя поставил в положение слепых фарисеев. Да так оно и было на самом деле.

Каждое утро после семейной молитвы мы самостоятельно читали Св. Писание, потом шли на прогулку, а вечером имели молитвенные собрания.

Через две недели была объявлена война, и мы вынуждены были возвратиться с дачи домой.

ВТОРОЙ УЧЕБНЫЙ ГОД

Первый учебный год был для меня трудным из-за слабого знания армянского языка, но на второй год я уже мог свободно проповедовать по-армянски.

По случаю рождественских каникул я отправился с братом-книгоношей из Кесарии в ближайшие деревни с проповедью Евангелия. Помню, как в одной деревне я спросил

человека: "Ты примирился с Богом?" Он ответил: "Нет. У меня нет времени. У меня семь пар волов, и я все время занят с ними. Мне некогда читать Евангелие и посещать церковь". Я в свою очередь спросил его: "Поскольку волы являются препятствием для спасения, согласен ли ты, чтобы я помолился Богу об освобождении от этого препятствия?" - Молись, - сказал этот человек.

Я от сердца помолился об этом, и мы разошлись.

Вскоре мы встретились с пастором этой деревни в Азизи, на улице. Он, издали увидев меня, сказал:

"Брат, что ты сделал? Воры пришли ночью и украли всех волов у человека, о котором ты молился".

- Это хорошо, - ответил я. - Главное препятствие к покаянию теперь удалено. Скажите ему об этом.

Не знаю, покался ли этот человек. В той деревне мне больше не приходилось бывать.

После объявления войны турецкое правительство начало призывать армян на военную службу. Пришлось и мне идти на регистрацию. Я не только не имел документа о рождении, но не знал даже года рождения. Я написал письмо в наш город, чтобы мне выслали документ о рождении, но ответа не получил, а через две недели пришел приказ о выселении всех армян. Многих армян арестовывали и высылали. Никто не знал причины ареста. Слезы лились во всех армянских семьях. Всех арестованных турки вывели за город и там истребили.

Армяне готовились к высылке. Директор немецкой миссии, узнав об этом, перевел оставшихся студентов в приют ревностного христианина Тана Берне. С его согласия я вскоре начал устраивать пробудительные собрания, во время которых многие люди покалялись. Одного из покалявшихся я встретил в 1967 году в Марселе. Это была трогательная встреча. Мы вспоминали о чудных Божиих делах и радовались Его спасению.

Однажды Энвер-паша прибыл в наш приют и сообщил директору, что все юноши должны быть отданы государству для военной службы. Узнав об этом, я начал рыть вблизи нашего сада яму, чтобы в ней укрыться от опасности, но как велика была радость, когда директор, позвав нас, приказал немедленно собираться для бегства с проводником курдом, чтобы спасти жизнь 12 юношей.

Когда стемнело, мы двинулись в путь. Наш проводник был высокого роста и шагал очень быстро, мы едва поспевали за ним. В полночь мы приблизились к реке Евфрат. Со многими приключениями мы переплыли реку. Промокнув насквозь, я так устал, что не мог двигаться, и уже сожалел, что отправился в такой опасный путь. Ведь нас могли

застрелить патрули. Всю дорогу я молился Господу. Кое-как преодолели снежную гору. Опасность миновала. Проводник привел нас в избушку пастуха, и после короткого отдыха мы снова отправились в путь. К вечеру мы добрались до деревни Ахзуник, где жили курды. Они считали армян своими предками и нас приняли с любовью.

Старшина деревни поместил нас в большую, темную конюшню Али Ага. В потолке была дыра, через которую едва проникал свет. В конюшне было много сена. Мы имели свои одеяла, и это спасало нас от холода, но неистребимая масса насекомых не давала покоя.

Мы распределили обязанности таким образом; я взял на себя работу повара, старшие занимались стиркой, а некоторые должны были доставлять дрова из леса. Жили мы дружно, вечерами читали Слово Божие. Нас радовало, что к нам приходили другие беженцы-армяне, и мы пользовались случаем, чтобы им свидетельствовать об Иисусе. Некоторые люди слушали нас внимательно, другие - с пренебрежением.

Весной число беженцев увеличилось. Среди них был профессор Тенекеччан, пастор Петром Карпетян, семья пастора Товмаса и много других.

В деревне Азинуке было три начальника. Я сблизился со старшим из них, потому что он заинтересовался рассказами из Св. Писания. Он называл меня "Хоча Эфенди", т.е. господин учитель. Он сажал меня рядом с собой и мог часами слушать Слово Божие.

Когда умер житель этой деревни, он поручил мне совершить обряд погребения. Я воспользовался этим, чтобы всем присутствующим указать на путь спасения. Люди слушали меня внимательно.

Весной богатые курды ушли со стадами на зеленые пастбища. Там они жили в шатрах до конца лета. По этому случаю один из начальников доверил мне свой дом до его возвращения. Я переселился туда, купил корову за 8 рублей (на русские деньги), нанял работницу, чтобы она доила корову, пекла хлеб, делала масло. Летом мы всей группой ходили в лес к горным источникам, а по воскресеньям устраивали собрания под открытым небом.

Летом число беженцев достигло 150 человек. Мы все с большой надеждой ожидали прихода русских, ждали освобождения. Когда они заняли Арзерум, мы знали, что освобождение приблизилось.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Наконец, в июле курды сообщили нас, что соседний город Эрзигиян занят русскими и мы можем перейти туда. Нашей радости не было предела. Начались приготовления к путешествию. Всю верхнюю одежду мне пришлось порвать, чтобы разбойники-курды не раздели. Все, кто имел золотые монеты, дорогою их проглатывали. Только на третью ночь

мы приблизились к русской пограничной линии. Солдаты заметили нашу группу, приняли нас любезно, а наши проводники курды возвратились обратно.

Среди солдат были армяне-добровольцы. Мы подкрепились у них пищей, а потом они проводили нас в турецкую деревню. Она была почти пуста. Люди бежали от русских. В садах было обилие фруктов, и нам казалось, что мы из пустыни попали на Ханаанскую землю.

В ЭРЗИНКАНЕ

Мы прибыли в Эрзинкан и разместились в одном из пустых домов, я сразу устроился в единственной гостинице этого города поваром. Посетителям гостиницы, а это были в основном русские офицеры, нравились мои обеды. В первую же субботу я предупредил хозяина гостиницы, что в воскресенье работать не буду. У нас предполагалось собрание. Хозяину это не понравилось, и мне пришлось от него уйти.

Однако без работы я не остался. Я открыл свой ресторанчик. Готовил молочную кашу и сладости, а потом и другие блюда. Дело имело успех. Моими клиентами были русские солдаты. Все шло хорошо, но внезапно меня свалила болезнь. Я заболел опять тифом и лег в больницу на 20 дней. В болезни я прошел долиной смертной тени, выжил с Божьей помощью, но восстановить свое дело уже не мог...

Однажды проходя мимо магазина, я увидел в продаже ирис. Я купил несколько ирисок, попробовал, они мне понравились. На оставшиеся деньги я купил ящик ириса и, шагая по улицам, продавал его. На заработанные деньги купил еще три ящика ириса и тоже распродал их. А позднее открыл свой маленький магазинчик на многолюдной улице и продавал орехи, миндаль, семечки, армянские сладости.

Вместе с братом Пашкеяном мы арендовали домик, вместе читали слово Божие, а по воскресным дням устраивали собрания в доме брата Арютюна. Жизнь начинала налаживаться.

Однажды я посетил храброго вождя армянских повстанцев Мурата и имел с ним духовную беседу. Он с удовольствием выслушал мое свидетельство. Стоя во главе повстанческого движения, он отличался храбростью, и в то же время был добрым и смиренным человеком. Впоследствии он погиб на бакинском фронте.

Наша мирная жизнь продолжалась недолго.

Русские войска начали отступление, и армяне впали в уныние. Было объявлено, чтобы все армяне уезжали из Эрзинкана. Вместе с братом Арютюном я переехал в город Эрзрум. Здесь меня снова постигло несчастье. У меня заболели глаза, и мне пришлось лечь в больницу. Была опасность полностью потерять зрение. Но в Эрзруме не было специалиста, и мне пришлось переехать в Тифлис к известному главному специалисту-

армянину, а позднее - в Баку, где были не только глазные врачи, но и хорошая евангельская община, а также христианский приют. Здесь моя душа сразу ожила. Духовная обстановка радовала меня.

МОЕ КРЕЩЕНИЕ

Церковный комитет армянских братьев принял меня с радостью и позволил жить некоторое время в приюте. Я проповедовал в церкви и в приюте, но еще не был крещен по вере. Я заявил пастору о моем желании креститься. Он с радостью принял мое заявление.

В те дни я читал журнал "Благая Весть", редактором которого был Тараян. В одном из номеров я прочел о Финнее, о его духовном опыте: как его жизнь и деятельность изменились после крещения Духом Святым. И я начал молиться об этом и поститься. Просил Господа, чтобы он во время водного крещения крестил меня также и Духом Святым.

Настал день моего крещения. Рано утром брат Артуш и я пошли к Каспийскому морю, и он там меня крестил. Когда я вышел из воды, то ожидал, что сердце мое наполнится особой радостью, даже содрогнется силою Духа Святого, но ничего подобного не случилось. Наоборот, я почувствовал в душе великое умиротворение и тишину.

В тот вечер я должен был проповедовать, а в моей душе была печаль, что Бог не ответил на мою молитву так, как я ожидал. Я и текст для проповеди выбрал соответствующий моим переживаниям. После окончания собрания ко мне подходили братья и говорили:

"Брат, что было с тобою? Во время проповеди от тебя исходила сила такая, какой раньше мы не замечали".

Эти слова меня удивили. В себе я не чувствовал ничего особенного. Когда я пришел в приют и начал там беседовать со старшей сестрой о необходимости водного крещения, она ответила:

- Ты совершенно изменился, брат. От тебя исходит сила. Теперь я верю, что крещение по вере необходимо каждому христианину.

Сестра смиренно склонила колени и попросила, чтобы я на нее возложил руки и просил Господа, чтобы Он и ей дал такую силу. Я ответил, что я нерукоположенный проповедник. Кроме того, я был еще юноша, а она годилась мне в матери.

- Года не имеют значения, - ответила мне сестра, которая еще совсем недавно шутливо относилась к моему водному крещению. А через несколько дней после этого разговора я исполнил ее желание и крестил ее в том же самом месте Каспийского моря, где был крещен сам. После крещения сестра преисполнилась великой радостью.

ОБРАЩЕНИЕ ИОСИФА ЗАХАРЯНА

Однажды после окончания вечернего собрания я заметил молодого человека с большой Библией в руках.

- Брат, приветствую тебя, - начал я знакомство с ним.

- Нет, я еще не брат. Я ищу путь спасения, - ответил он.

У меня возникло желание с ним побеседовать, я узнал его адрес и обещал его посетить. Но когда я пришел к нему на следующий день, он встретил меня с сияющим лицом.

- Вот теперь я могу назвать вас братом. Господь простил меня, спас меня вчера после короткой беседы с вами.

Его имя было Иосиф Захарян. И вот что он мне рассказал: "Я работал продавцом в лавке и, конечно, как все продавцы, обманывал покупателей. Совесть не давала покоя, чтобы снять бремя с души, я пошел к священнику за советом. Священник в шутовском тоне сказал: "Иосиф, напрасно ты беспокоишься. Мир - это жирный кусок, режь и ешь".

Иосиф продолжал далее: "Когда я услышал эти слова от священника, я решил больше не ходить в церковь и сказал об этом одному другу, а он мне посоветовал сходить на евангельское собрание. Я купил Библию и пошел на ваше собрание, где услышал призыв к покаянию. А потом после встречи с вами вернулся домой, стал на колени и горячо молился, исповедал пред Богом все мои грехи и сразу почувствовал, как бремя греха упало с моей души. Господь меня простил, и теперь ты - мой брат".

Этот случай вдохновил меня продолжать проповедовать Евангелие еще более ревностно. Через короткое время в приюте началось пробуждение. В церкви также был замечен духовный подъем, и старые опытные братья увидели необходимость исполниться Духом Святым.

БИБЛЕЙСКАЯ ШКОЛА ИМЕНИ СВ. ЭММАНУИЛА

Вскоре на братском съезде было решено открыть школу для подготовки духовных работников. Брат П. Тараян предложил мне быть директором и учителем школы. Я ему сказал:

- Мне 18 лет. Опыта у меня нет. Как я могу взять такую ответственную работу? В школу могут прийти такие ученики, которые будут знать Св. Писание лучше меня. Как же я буду их учить?

- Мы замечаем, что тобою руководит Св. Дух, - ответил брат Тараян, - и потому мы уверены, что ты справишься с этой работой.

Я стал молиться об этом, и меня посетила мысль быть не учителем, а прежде всего образцом для учеников в повседневной жизни.

В христианском журнале "Пари Лур" (Благая Весть) мы объявили программу школы, которая включала следующие предметы:

1. Основы веры и учения Св. Писания.
2. Методы изучения Св. Писания.
3. Методы духовной работы.
4. Обзор всех книг Св. Писания.
5. Психология.
6. Божий план спасения.
7. Как готовить проповедь?

Наш евангельский журнал напечатал воззвание ко всем, имеющим призвание к евангельской работе, об открытии школы. Обучение бесплатное. Расходы будут покрываться добровольными пожертвованиями верующих.

К счастью, мои ученики оказались новообращенными: это были юноши из нашего приюта. Церковь арендовала дом рядом с приютом, в который переселились ученики и я. Сестра Естер служила нам как мать.

В день открытия школы мы назначили час молитвы. Перед учениками я прочитал 33 главу книги Исход и обратил внимание на 15 стих, где сказано:

"Если не пойдешь Ты Сам с нами, то и не выводи нас отсюда". Я сказал ученикам: "Подобно тому, как в пустыне не было дороги и Моисей нуждался в Божьем водительстве, не осмеливаясь без этого отправиться в путь, так и я нуждаюсь в Божьем руководстве, в Его помощи, и потому прошу всех молиться об этом".

Первые уроки я посвятил рождению свыше, так как в этом ключ к более глубокому пониманию Божьего плана спасения. Перед каждым уроком я много молился и проводил долгие часы над Словом Божиим. Господь чудесным образом помогал мне в этом служении. Я радовался, видя плоды своего труда.

Через два месяца после открытия школы в Баку переселился брат Иосиф Ханоян, часовой мастер. Он пожелал учиться в богословской школе. Мы с радостью приняли его в нашу среду со всей его семьей. В то время ему было лет сорок, он имел двух дочерей. Весь свой заработок он вкладывал в общую кассу, и это спасало нас от голода, свирепствовавшего в то время. Его дочери обратились к Господу и были верными христианками.

За три года существования школы Господь показывал нам Свою верность, заботу, в трудные минуты мы видели Его благую руку.

ВРЕМЕННАЯ ВЛАСТЬ

Во время правления Керенского мы имели полную свободу религии и проповедовали Евангелие повсюду, даже на площадях. Вскоре наступил период военной разрухи, когда власть переходила из рук в руки.

Сестра Естер уехала в Америку со своей семьей.

Они и для меня достали у английского посла визу, но я не пожелал оставлять школу ради спасения жизни.

Церковный комитет советовал нам переехать на Северный Кавказ. Брат Ханоян хорошо говорил порусски и помог школе и приюту переселиться в Астрахань. В то время нас было 50 человек. Те армяне, которые не держались за свое имущество, убежали в глубь России, и это их спасло от насилия и разбоя турок.

Но и в Астрахани было беспокойно. Власть переходила из рук в руки, от красных к белым и наоборот. Через город Георгиевск мы кое-как добрались до Пятигорска, расположились всей группой на станции в зале ожидания. На всех станциях хозяйничали воры, на них в ту пору не было управы. Чтобы не растащили наши вещи, мы установили дежурство со сменой через каждые два часа. Но хитрые воры отвлекли внимание дежурных и вытащили из-под подушки брата Ханояна 4000 рублей, принадлежавшие школьной кассе. Когда мы, проснувшись, узнали об этом, то очень опечалились, но я старался всех утешить и советовал возложить надежду на Господа, и тогда Он позаботится о нас.

Так и произошло. Когда русские братья узнали о нашей потере, они подарили нам гораздо большую сумму денег, а правительство предоставило школьное помещение в бесплатное пользование. И мы провели там все лето. А осенью нам дали еще лучшее помещение в конце города - дом какого-то богача, убежавшего от красных.

Это было летом 1918 года. Вместе с братом Ханояном я посещал в Пятигорске русские церкви ев. христиан-баптистов. Мы проповедовали Евангелие, и братья охотно принимали нас и материально помогали нашей школе. Ежедневно утром и у нас были собрания. Приют наш духовно укреплялся. У нас все было общее, как у первых христиан. Никто из работников приюта и школы не получал жалованья, был общий стол. Обеды наши были скромные, одежда ветхая, но жили в любви и радости, как одна семья.

Зимой 1918 года возобновились бои между белыми и красными. На этот раз белая армия, одержав победу и заняв Кисловодск и Ессентуки, приблизилась к Пятигорску.

Во время бегства красных один адвокат попросил укрыть его от опасности в нашей школе. Он скрывался у нас в течение недели.

Помню, как перед обедом я помолился, и адвокат сразу же спросил меня удивленно:

- Неужели вы верите в Бога?

- Конечно, верим. Иначе мы бы и не молились.

- А я вот не могу верить в то, чего не знаю, - сказал адвокат.

- В таком случае, вы не должны есть хлеб, - ответил я ему. - Вы ведь не знаете, что такое хлеб.

- Как, не знаю? - возразил он.

- Если знаете, скажите, что такое хлеб?

- Молотая пшеница превращается в муку, замешивается тесто, его пекут и таким образом получается хлеб.

- А что такое пшеница? - спросил я его в свою очередь.

- Пшеница содержит в себе крахмал, углеводы и сахар...

- А что такое сахар и крахмал? - спросил далее я.

- О, вы заходите очень далеко. Я знаю, к чему вы ведете... Видите ли, когда я был маленький, моя мать кормила меня хлебом, он мне понравился, и я ем его до сих пор.

Тогда я сказал адвокату:

- Вот так произошло и с нами. В Евангелии написано: "Просите и дано будет вам", И вот в свое время я почувствовал бремя грехов на душе и просил Бога, чтобы он простил грехи и успокоил дух. Бог исполнил мое желание. Теперь он слышит мои молитвы и отвечает мне. По этой причине я узнал, что Евангелие действительно есть хлеб жизни, а Бог - реальная личность.

Мы спали с адвокатом в одной комнате. С большим вниманием он начал читать Евангелие. Проснувшись ночью, я увидел его за чтением. Однажды я спросил его:

- Уже поздняя ночь, а вы все еще читаете?

- Не могу оторваться, - ответил он. - Я прочитал много книг, но подобной книги я еще не встречал. Слова и жизнь Иисуса захватили все мое сердце.

Слушая его свидетельство, я радовался. Бог совершает чудеса.

Этот адвокат прожил с нами неделю. Я подарил ему Евангелие. Он принял эту книгу с великой радостью.

Гражданская война продолжалась, но в конце концов красная армия победила. По всей России установилась советская власть.

Наша школа и приют продолжали свою работу, и миссионерский дух не угасал, несмотря на многие трудности. В это время брат Тараян, потеряв свое богатство в Баку, приехал со своей семьей к нам. Два его сына, Филипп и Давид, вскоре обратились к Господу и были приняты в школу, а дочь Лидия заболела туберкулезом. Ее жизнь угасала.

Однажды ночью я проснулся и подумал, что если эта девушка умрет без покаяния, я буду виновен перед Богом, так как ни разу не говорил ей о спасении.

Утром я пришел к Лидии и объяснил ей причину моего посещения, начал беседовать с ней о покаянии.

Она слушала внимательно, хотя страдала от высокой температуры и постоянно кашляла кровью. Сквозь слезы она рассказала, как посещала в Баку молитвенные собрания, пела и молилась. Но потом ее увлекли прелести мира, она оказалась в окружении неверующих молодых людей и совершенно удалилась от Бога.

- Мир меня обманул, - говорила она, рыдая. - Теперь как я могу просить прощения у Бога, когда у меня нет надежды на жизнь?

- Сестра Лидия, - сказал я, - Бог благой и милостивый. Разве Он не сказал, что приходящего к Нему Он не изгонит?

- Верно, так сказал Христос, - тихо ответила Лидия. Она начала молиться со слезами, хотя кашель прерывал ее молитву. Она исповедала свои грехи, просила прощения у Господа. После молитвы ее лицо засияло от радости.

- Как я рада... Как я рада, - повторяла она. - Господь простил меня и дал душе моей мир. Я спасена. Я иду к Нему.

На следующий день Лидия почилла в Господе.

Вскоре обратился к Богу еще один молодой человек. Он не верил в существование ада и неба, но верил во Христа и говорил:

- Из всех религиозных вождей и учителей Христос - самая высшая и благородная Личность, самый великий Учитель.

- Может ли такая Личность говорить неправду? - спросил я его.

- Ну, что вы, что вы? Как может такая Личность говорить неправду, - сказал он воодушевленно.

- Итак - слушай, что говорит Христос: "Истинно, истинно говорю тебе: мы говорим о том, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели, а вы свидетельства нашего не принимаете... и никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах". Значит, Христос утверждает, что небо существует, и Он приготовил там место для верующих в Него.

После нескольких бесед этот молодой человек обратился к Богу, стал нашим студентом библейской школы, но, заболев легочной болезнью, вскоре умер.

Обращения к Богу людей вдохновляли меня на миссионерский труд, и теперь я уже нисколько не сомневался в моем призвании нести людям благовест Евангелия.

БОГ ОТКРЫВАЕТ ДВЕРИ

В то время в Пятигорске и окрестностях было несколько евангельских церквей, и я с братом Ханояном посещал эти церкви и проповедовал. Я не знал русского языка, но брат Ханоян переводил мои проповеди, и мы радовались обращениям к Господу многих душ.

Среди русских было много искренних, преданных Господу, ревностных верующих и духовных работников.

В 1919 году советское правительство предоставило нам в Пятигорске два больших дома. Это место называлось "Провалом" и было расположено на окраине, у подошвы горы, возле красивых дачных вилл, когда-то принадлежавших богачам. От страха они разъехались в разные города и страны, и власть не скупилась, раздавая их дома разным организациям.

Невдалеке от наших домов был серный источник, бассейн. Народ бесплатно мог пользоваться этой водой. Больные ревматизмом и другими болезнями приезжали сюда для лечения.

Наша христианская семья, приют и школа, увеличилась до 70 душ. Для покрытия денежных расходов мы начали заниматься ремеслом. Брат Арташез был жестянщиком, ему помогали другие. Иные занимались изготовлением каблуков для туфель. Физический труд и духовная работа шли в ногу. Утренние молитвенные собрания были ежедневно, а в определенные вечера устраивали и евангелизационные собрания. В воскресные дни мы ходили в русские общины, с которыми были тесно связаны. Они с большой любовью принимали нас и давали нам возможность у них проповедовать.

Мне пришлось начать изучение русского языка.

В 1920 году нам предоставилась возможность переселиться в Кисловодск. Этот чудесный город расположен в 30 км от Пятигорска. Он знаменит минеральной водой, называемой нарзан. Вода несколькими трубами была выведена на улицу, чтобы народ свободно пользовался ею. В других городах нарзан продавался в бутылках, как лимонад. Нарзан - целебный для здоровья напиток.

На северной улице Кисловодска правительство выделило для библейской школы и приюта три дома. Евангельское дело расширилось.

Пастор евангельской церкви и председатель русского союза ев. христиан брат Федор Санин стал нашим другом. Это был очень талантливый и ревностный духовный работник лет тридцати...

Сверх ожидания русский язык мне давался очень легко, и хотя я говорил с армянским акцентом, но мог проповедовать и даже учить русскому языку наших студентов-армян.

В то время я излагал "Божий план спасения" в нашей школе, но слушать приходили многие верующие из евангельской церкви.

Мне шел тогда 21-й год. Многие духовные работники приезжали из других мест, чтобы прослушать курс лекций по "Плану спасения", и каждый раз я чувствовал себя в неловком положении, представляясь учителем перед пожилыми пресвитерами.

В одном из наших домов был большой зал. Он стал местом регулярных собраний. В Кисловодске организовалась армянская церковь. Возле нас жили армянские семьи, и многие из них посещали наши собрания.

Рождественские и пасхальные праздники праздновались очень торжественно. Многие люди посвящали свою жизнь Господу, и это нас радовало.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ

В 1921 году условия для духовной работы изменились к худшему. Советская власть вначале дала нам полную свободу в управлении школой, теперь же началась мобилизация учеников на общественные работы, и что еще хуже: дети нашего приюта должны были быть переведены в государственный приют, где воспитание было атеистическим. По этой причине мы были вынуждены вернуть детей их родственникам. Таким образом наша благословенная организация должна была закрыться. Многие братья-армяне переселились в Тифлис, я же остался в Кисловодске для работы в русских церквях.

В эти годы лекторы-атеисты усилили атеистическую пропаганду. В городах и деревнях они устраивали специальные лекции, убеждая людей, что никакого Бога нет и Христос - это миф. Нередко случалось, что они вызывали верующих на публичные диспуты.

К счастью, проповедовать Евангелие не запрещалось, так как правительство надеялось на мудрость атеистических лекторов, думая, что они легко убедят людей считать Бога выдумкой и те перестанут посещать церкви. Однако атеисты глубоко ошиблись. Во всех диспутах побеждали верующие, и народ это видел.

В церквях нашего братства активизировалась религиозная жизнь, во многих городах и селах организовались новые евангельские церкви. И правительство это, конечно, видело, но решительных мер пока что не предпринимало.

ПРОБУДИТЕЛЬНЫЕ СОБРАНИЯ В АЛЕКСАНДРОВСКЕ

В 1922 году я поехал в город Александровск. Была зима. Церковь в этом городе была довольно просторная. Там мы начали евангельские собрания и проводили их ежедневно. Число посетителей с каждым днем увеличивалось. Помещение оказалось мало. Люди слушали стоя, многие стояли за дверью и под окнами.

В те дни я проповедовал главным образом о Боге, душе и вечной жизни, о спасительной благодати. Особое впечатление произвело на всех обращение к Богу известного в городе государственного деятеля. Его жена была верующей, а он о Боге слушать не желал, но и жене не мешал ходить в собрание. Жена продолжала молиться о муже.

На одно из наших собраний то ли под действием просьб жены, то ли по поручению партии он пришел вместе с женой. Ему нашли удобное место возле кафедры.

В тот вечер я проповедовал на тему: "Сказал безумец в сердце своем: "нет Бога" (Пс. 13,1). Библия называет неверующих безумцами. Я отметил, что они не хотели бы, чтобы существовал Бог, как преступники не хотели бы, чтобы были судьи.

Говоря о таких "безумцах", я говорил о грехах, которые их ослепляют, и попутно коснулся пьянства. Я не знал, что этот человек был привязан к алкоголю, и когда я заговорил о пьянстве, он опустил голову, и я заметил, что он прослезился. Он встал, хотел выйти, но из-за многолюдства это было нелегко, и он вынужден был остаться.

Позже жена рассказала, что муж, возвратившись домой с собрания, долго не мог уснуть. Его мучила совесть. Потом он сказал жене:

- Вставай, жена, будем вместе молиться. Я хочу покаяться.

Можно представить радость жены, когда муж взывал к Богу таким громким голосом, что было слышно на улице. Он не молился, а вопиял к Богу, получив радость прощения, славил Бога до утра.

Рано утром к этому человеку пришли его сослуживцы и принесли несколько бутылок водки. (В то время правительство запрещало продавать свободно спиртные напитки). В тот день в каком-то доме предполагался пир. Новообращенный сказал друзьям:

- Хочу сообщить вам радостную новость. Прошлой ночью я уверовал в Бога и покаялся во всех своих грехах. И пить больше не могу.

Друзья рассмеялись, полагая, что он шутит, но когда он со всей серьезностью стал свидетельствовать им о Христе, они удивленные и смущенные разошлись.

В тот же вечер его помощник, молодой человек, тоже покаялся.

Весть об обращении этого атеиста, государственного служащего, быстро распространилась по всему городу. Он, видя, что ему грозит опасность, переехал в Киев, где Господь обильно благословил его свидетельство и через него многие души уверовали в Бога.

Во время собрания в Александровске пришел человек и обратился ко мне, когда я был за кафедрой:

- Вас вызывает председатель РИКа.

- Собрание не закончилось, - ответил я, - а когда закончится, я приду.

- Нет, вы должны идти немедленно, на 15 минут только, а после можете продолжать проповедовать, - сказал он.

Я предложил слушателям петь, пока я возвращусь, а сам пошел к начальнику. Несколько братьев последовали за мной.

Сопровождавший меня агент ушел, и я остался вдвоем с начальником. Он молчал, чего-то ожидая. Я сказал ему, что меня ждут люди. "Ведь вы меня вызывали только на 15 минут. Что вы от меня хотите?" - Подождите немного, - ответил он хмуро.

Потом выяснилось, что в доме, где я жил, обыскивали мою комнату.

Чтобы время не проходило даром, я спросил начальника:

- Почему бы вам не посетить самому собрание, где я проповедую?

- У меня нет времени. А кроме того, я ведь не верю в Бога.

- Вера от слышания приходит, - сказал я ему словами Писания. - Как же вы можете верить в Бога, если вы не читали Евангелие? (В то время можно было говорить с начальством в таком тоне).

- Там много противоречий, - ответил он.

- Вот вам Библия, укажите мне хотя бы на одно, - сказал я.

Он взял Библию и начал искать историю Каина среди псалмов и одновременно говорить:

- Вот где-то написано, что Адам имел двух сыновей. Каин убил Авеля и пошел в другую страну, где и женился. На ком же мог жениться Каин, если людей больше не было?

Этот текст Писания он не нашел и, смущенно улыбаясь, возвратил мне книгу. Я тут же открыл ему 4-ю главу Бытия и дал почитать. И он начал читать:

"И пошел Каин от лица Господня и поселился в земле Нод, на восток от Едема. И познал Каин жену свою, и она зачала и родила Еноха".

Начальник остановил чтение и торжествующе произнес:

- Вот видите, здесь написано как раз так, как я говорил.

Я ответил: "Нет, здесь не так написано, как вы сказали. Здесь не написано, что Каин пошел в землю Нод и там женился, но написано: "познал жену".

- Хорошо, - сказал он, - откуда Каин взял жену?

Я ответил: "Прочтите 3-й и 4-й стихи в пятой главе". Он с трудом нашел эти стихи и прочитал:

"Дней Адама по рождении им Сифа было 800 лет, и родил он сынов и дочерей".

- Вот видите, - сказал я, - отсюда видно, что Каин пошел в страну Нод после женитьбы на одной из своих сестер, что было тогда допущено Богом.

- Вы правы, - сказал начальник.

- Не я, а Бог прав, всегда прав.

В это время в комнату вошел агент и принес мой портфель с бумагами, среди которых были письма от разных братьев. Уже прошло больше часа.

- Вас ожидают люди, идите, - сказал начальник, - письма пусть будут у меня. А завтра снова придите ко мне.

Я возвратился в церковь. Люди пели гимны и не расходились. Закончив собрание, мы возблагодарили Бога за благополучный исход дела.

На следующий день я пришел к председателю РИКа. Он возвратил мне письма и сказал:

- На вас поступил донос, и я должен был в этом деле разобраться. А теперь вижу, что преступления в вашей деятельности нет. Возьмите ваши письма и идите домой.

Когда срок евангелизации в Александровске закончился, я был приглашен в одну деревню, где за неимением духовного работника дело Божие так ослабло, что верующие даже перестали собираться. Но до них дошел слух о пробудительных собраниях в Александровске, о благословениях, и они пригласили меня к себе.

В воскресенье утром церковное помещение было переполнено. Люди так тесно стояли в проходах, что я еле пробрался к кафедре. После первой проповеди я позвал к покаянию, и местная учительница покаялась. Это очень обрадовало верующих, и собрания продолжались.

В этой деревне была группа верующих, принадлежавшая к течению "Новый Израиль". Многие из них пришли на наше собрание. Их лидер начал задавать вопросы во время проповеди, чтобы сорвать ее. Я предложил ему ответить на все вопросы после собрания. Он согласился.

После окончания собрания я объявил, что мы пойдем в помещение "Нового Израиля" для дискуссии. Народ последовал за нами. В маленькой комнате собралось около 30 человек. После пения их руководитель, который назывался Христом, объявил диспут.

Он предложил всем задавать вопросы. Но люди молчали. Никто вопросов не задавал.

Я сказал, что меня пригласили для диспута и я готов давать ответы. "Христос" кратко изложил основы их учения:

1. Христос не воскрес во плоти. Его дух переселяется в другие личности, они становятся "христами" и чадами Царства Божия. Тысячелетнее Царство уже началось.

2. Нет и не может быть воскресения мертвых, только живые будут пользоваться царством "Христа". И тут же их вождь, называвший себя "Христом", прочитал отрывки из книги атеиста Бонч-Бруевича, друга Ленина, который стал впоследствии директором Музея истории религии и атеизма.

Я в свою очередь спросил: "Скажите, вы верите, что Евангелие - это Слово Божие?" Хотя они по сути дела и не верили, но чтобы не смутить православных, там присутствующих, сказали: "Конечно, верим. А как же?" - "Хорошо, - ответил я, - Бонч-Бруевич говорит, что Христос не воскрес во плоти, но давайте прочитаем, что говорит нам Евангелие" - и предложил присутствующему брату прочитать ев. Луки 24, 36-38, где сказано, что Христос после Своего воскресения явился Своим ученикам и сказал: "Мир вам". Когда же они подумали, что видят духа. Он показал им руки и ноги, чтобы они, ощупав Его, убедились, что Он не дух, а воскрес во плоти. И даже в присутствии учеников Христос ел печеную рыбу и сотовый мед, чтобы они не сомневались.

- Теперь, кому мы должны верить? - спросил я народ. - Бонч-Бруевичу или Евангелию и словам Христа? Как видите, ваши вожди верят как будто в Евангелие, но говорят неправду.

Мой оппонент рассердился, но ему нечего было ответить.

Потом я предложил открыть 15 главу Первого послания Коринфянам и прочитать стихи 32-58, где ясно сказано о воскресении мертвых.

"Новые израильтяне" возмутились, подняли шум, но присутствующие там православные люди хорошо поняли их заблуждение, противостали им и сказали:

- К вам мы больше никогда не придем, обманщики. Наши многолюдные собрания стали еще многолюдней. Были новые обращения к Господу, местная община оживилась, обновилась в вере, и потом сами верующие продолжали собрания регулярно.

А лидер "Нового Израиля" вскоре был арестован и сослан в Сибирь. Он вел безнравственную жизнь, обманывал людей, и "царство" его закончилось в трудовых лагерях.

В том же 1922 году я посетил русскую евангельскую церковь в Пятигорске. Церковь назначила пробудительные собрания, и народ с большим интересом посещал их.

Атеисты тогда устраивали манифестации, проходя по улицам города с чучелами Магомета, Моисея и Христа. Они кричали: "Вот ваш Христос и пророки" Затем эти чучела сжигали на улице, продолжая кричать: "Вот так сожжем мы вашего Христа и пророков и положим конец всем религиям!" Я слышал эти выкрики и в тот же вечер проповедовал о нашем распятом и воскресшем Спасителе и между прочим сказал:

- Неверующие могут сжечь того "Христа", которого носят по улицам, но они не могут сжечь того Христа, Который их создал. Сегодня народ для покрытия своей наготы не может купить несколько метров материи, а эти глупцы сжигают ее на чучелах.

В собрании присутствовало несколько атеистов. Они сказали пресвитеру: "Как этот проповедник не боится говорить так открыто о людях, у которых в руках вся власть?" Господь в то время еще давал некоторую свободу верующим и сохранил меня от ареста. На том собрании было несколько обращений к Господу.

В ГЕОРГИЕВСКЕ

В конце 1922 года в русской евангельской церкви проводили пробу длительные собрания. Новые души присоединялись к церкви, она стала насчитывать 250 членов, среди которых было много молодежи. Благословенным работником был там брат Деревянко, бывший православный священник. Он был одаренный благовестник, и мне пришлось с ним много путешествовать в тех краях.

Однажды мы вместе ехали в поезде. Рядом с братом сел пожилой мужчина и с интересом смотрел на книгу, которую читал брат Деревянко. Наконец он учтиво спросил:

- Простите за беспокойство. Какую книгу вы читаете?

- Религиозную, - ответил брат.

- Значит, вы верите в существование Бога? - спросил тот удивленно.

- Да, я верю в Бога, - ответил брат Деревянко. Атеист улыбнулся и сказал:

- Вы, наверное, не имеете никакого понятия о науке, поэтому и верите в то, что не существует. Я вмешался в этот разговор и сказал:

- У меня к вам вопрос. Вот вы ученый человек, а скажите мне, что такое природа?

- Природа? Природа есть природа. Детский вопрос.

- Если это детский вопрос, то вам тем более легко на него ответить.

Пассажиры слушали наш разговор и начали смеяться, заметив смущение "ученого".

- Я вижу, вам трудно ответить на этот вопрос, - сказал я, - разрешите мне дать ответ на него.

- Отвечайте, - сказал он недовольным тоном.

- Природа - это свод известных и неизвестных нам законов.

- С этим можно согласиться, - подумав некоторое время, ответил атеист.

- Теперь я имею к вам другой вопрос, - сказал я.

- Объясните мне, что такое закон?

- Закон? Ну, это каждый знает, что такое закон.

- Это не объяснение, - заметил я.

Атеист снова смутился и начал говорить какую-то несуразность, не понятную ни нам, ни людям, которые нас слушали.

- Я вижу, что и на этот вопрос вам трудно ответить. Хотите, я отвечу и на этот вопрос?

- Отвечайте, - более смиренным тоном ответил атеист.

- Закон есть выражение воли Законодателя. Где нет воли, не может быть закона. Если есть закон, значит, есть и Законодатель.

- Теперь я вижу, куда вы клоните, - сказал атеист. - Природа - совокупность законов, а закон - выражение воли Законодателя. Значит, мысль, которая создала эти законы, есть Бог. Правильно я вас понял?

- Совершенно правильно.

И здесь как раз поезд сделал остановку, наш "ученый" поднялся, извинился и, наскоро простившись, вышел из вагона. То ли это был его город, а может быть, он только перешел в другой вагон.

В Георгиевске меня приняла в свой дом семья Чернявских. В то время в стране царил голод. Голодные люди ходили из дома в дом, прося милостыню. Но немногие могли ее давать.

Чернявский был сыном бедных родителей, но благодаря своей предприимчивости, разбогател.

Советская власть отобрала у него все, что он имел, оставив для него один маленький домик.

Когда началось в Георгиевске пробуждение, он посетил евангельское собрание и вместе с женой обратился к Господу, принял крещение и присоединился к церкви. Помню, как часто он бил себя в грудь и со слезами говорил:

- Болит вот здесь у меня...

- Почему? - спросил я его однажды.

- Сколько добра я мог бы сделать, когда был богатым, а теперь все пошло на ветер.

БИБЛЕЙСКАЯ ШКОЛА

Наше пребывание в Георгиевске приносило духовные плоды. Возникла нужда в открытии библейской школы. У нас сразу же оказалось свыше десяти учеников. Это было хорошее начало.

Вспоминаю об одном религиозном, почтенном человеке. Его жена была учащейся нашей школы, а он еще не был обращен к Богу, пребывая в нерешительности. Во время беседы я спросил его однажды:

- Верите ли вы, что Иисус является сыном Божиим?

- Конечно, верю! А как же? - ответил он утвердительно.

- Значит, вы спасены и имеете жизнь вечную? - спросил я его.

Немного подумав, он ответил:

- Нет, я этого не могу сказать. Как можно говорить о вечной жизни, когда мы еще живем на земле?

Я предложил ему прочитать Первое послание Иоанна 5,9-12, где написано: "Если мы принимаем свидетельство человеческое, свидетельство Божие - больше, ибо это есть свидетельство Божие, которым Бог свидетельствовал о Сыне Своем. Верующий в Сына Божия имеет свидетельство в себе самом... Свидетельство это состоит в том, что Бог даровал нам жизнь вечную, и эта жизнь в Сыне Его. Имеющий Сына Божия имеет жизнь".

Когда он прочитал эти слова, я снова спросил его:

- Верите ли вы в Сына Божия?

- Да, верю, - ответил он.

- А имеете вы жизнь вечную?

- Нет, я не могу сказать, что имею жизнь вечную.

Я попросил его снова внимательно прочитать эти слова, и он прочитал. И я снова обратился к нему с тем же вопросом и снова получил тот же ответ. Таким образом, кажется, раз пять я предлагал прочитать ему те же слова Св. Писания, и он все еще никак

не мог понять их смысла. И я сказал ему: "Слушайте, друг! Или вы ошибаетесь или Бог? Здесь сказано, что тот человек, который верит в Сына Божия, имеет жизнь вечную. Так свидетельствует Бог. Вы же говорите, что верите в Сына Божия, но не можете сказать, что имеете жизнь вечную. Теперь скажите, кто ошибается: вы или Бог?" На этот раз он понял смысл моего вопроса и, смутившись, замолчал.

"Вы верите в Сына Божия только умом, потому не имеете в себе свидетельства о жизни вечной, а если сердцем поверите в Сына Божия, что Он ради вашего спасения отдал Свою жизнь на крестную смерть, и, покайся, попросите у Него прощения грехов ваших и очищения сердца вашего, тогда Дух Святой возродит вас свыше и запечатлеет это свидетельство в вашем сердце, что вы имеете жизнь вечную, и больше не будете в этом сомневаться".

Наконец, он понял, согласился с тем, что говорит Слово Божие, и тогда же обратился к Господу.

Так многие люди имеют только умственную веру в Бога, которая никогда никого не спасала и спасти не может. Такие люди не могут сказать, что они имеют вечное искупление, спасены навеки жертвой Христа, и, таким образом, представляют Бога лживым. Бог говорит, что веруя в Сына Божия, вы имеете жизнь вечную, а человек говорит: "Да, я верую в Сына Божия, но жизни вечной не имею".

Почему не поверить свидетельству Бога и быть спасенным навеки?

Ученики нашей Библейской школы были заняты в школе половину дня, а потом посещали дома, раздавали брошюры, беседовали с людьми о Божием пути спасения. Вечерами мы устраивали собрания по домам.

Однажды перед учениками школы я прочитал Псалом 40,1-4, где сказано: "Блажен, кто помышляет о бедном! В день бедствия избавит его Господь". И далее сказал: "Идите по улицам, и где вы встретите слепых, голодных, нищих, пригласите их в нашу столовую, чтобы накормить, а потом свидетельствовать им о Господе". Ученики пошли, и вскоре наше помещение наполнилось такими несчастными. Наши гости с большим аппетитом ели приготовленную для них пищу, а потом со вниманием слушали наши песни и проповеди. Это были незабываемые, благословенные часы свидетельства о Христе.

В ДЕРЕВНЕ "ПОПОВ ХУТОР"

Эта деревня была расположена на холме с большими фруктовыми садами - вблизи Пятигорска. Жители занимались пчеловодством. Здешний мед по своему вкусу славился по всей округе. Его аромат был непревзойденным.

В деревне "Попов Хутор" церковь евангельских христиан имела вместительный молитвенный дом. В течение семи дней каждый вечер в ней проводились пробудительные собрания, и многие люди обратились там к Богу.

Помню, как перед началом первого собрания ко мне подошел один брат и сказал, что на задней скамейке сидит атеист. "Он приходит на наши собрания, чтобы насмеяться над проповедником и причинять нам беспокойство. Имейте это в виду, чтобы знать, как с ним разговаривать", - сказал брат.

Удивительно, что этот человек всю неделю посещал собрания и ни разу не подал своего голоса. Пробудительные собрания закончились.

Как всегда, были обращения к Господу. Перед отъездом несколько братьев пришли ко мне попрощаться, и как раз перед молитвой в двери кто-то постучал. Это был тот атеист, и хозяйка не решалась впустить его в дом.

Я сказал хозяйке, чтобы она разрешила ему войти.

Атеист был высокий широкоплечий мужчина средних лет. Он стал у дверей и, обращаясь ко мне, спросил:

- Проповедник, может ли Бог простить грехи такому большому грешнику, как я? Моим грехам нет числа.

- Христос сказал: "Приходящего ко Мне не изгоню вон". Так написано в Евангелии. И мы верим Христу.

- Но я очень большой грешник, - повторил он.

- Написано: "Кровь Иисуса Христа очищает от всякого греха, если грешник исповедует пред Ним свои грехи", - сказал я.

- Но в Евангелии сказано также, что хула на Духа Святого не простится ни в веке сем, ни в будущем. И я совершил этот грех, - проговорил он дрожащим голосом.

- Вы верили в существование Святого Духа, когда грешили?

- Нет, не верил. Я атеист.

Тогда я начал ему объяснять, кому и при каких обстоятельствах Христос сказал эти слова о хуле на Духа Святого. Христос сказал их фарисеям, которые знали, что Христос изгоняет бесов силою Духа Святого, но говорили, что Он изгоняет их духом Вельзевула. И это для того, чтобы народ не следовал за Иисусом. А вот апостол Павел был хулителем и

гонителем церкви Христа, а получил прощение от Господа, потому что по неверию и неведению совершал эти грехи.

Бывший атеист тут же, не медля ни минуты, упал на колени и стал молиться так громко, что проходящие по улице слышали его голос. И мы склонили колени и молились о нем. После молитвы он подошел ко мне, обнял, поцеловал, а потом, обращаясь ко всем братьям, со слезами на глазах сказал:

- Братья мои, Иисус простил мои грехи. Можете ли и вы простить меня так, как простил Иисус?

- Прощаем, прощаем... - повторяли братья.

Это был радостный и трогательный момент. Бог совершил великое чудо. Этот брат потом был верным свидетелем Иисуса в том крае.

В МОСКВЕ И ЛЕНИНГРАДЕ

Осенью 1922 года брат Санин пригласил меня на съезд евангельских христиан. К сожалению, по какой-то причине съезд не состоялся, но я имел возможность встретиться и познакомиться со многими духовными работниками, которые также прибыли в Москву.

На воскресном утреннем собрании московская церковь предложила мне проповедовать, имея в виду новообращенную молодежь. В то время в церкви было много обращений среди молодых людей. Я говорил о чудном Божьем обетовании: "Овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю их, и они идут за Мною, и Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек, и никто не похитит их из руки Моей; Отец Мой, Который дал Мне их, больше всех, и никто не может похитить их из руки Отца Моего" (Иоан.10).

В Москве я пробыл несколько дней, познакомился с братьями, с городом, а потом брат Санин предложил мне ехать в Ленинград.

Ленинградская церковь приняла нас с большой любовью. Братья предложили проповедовать у них о Божьем плане спасения. Церковь насчитывала 1500 членов и была очень трудолюбивой. Она имела в 13 разных районах города организованные церкви и ревностных работников. Они принадлежали к главной церкви и от нее получали духовную и материальную помощь.

Церковь баптистов тоже имела там 8 районных церквей и была очень активной в благовестии Евангелия.

Мои лекции о Божьем плане спасения проходили в главном зале главной церкви. Зал вмещал 3000 человек и всегда был переполнен слушателями.

В то время я слабо знал русский язык, допускал много ошибок, но народ слушал меня с большим вниманием. Однажды ко мне подошли несколько молодых братьев и сказали:

- Брат Галустьян, мы не советуем вам дальше учиться русскому языку. Ваш акцент помогает нам лучше запоминать великие Божий истины, которые вы излагаете. Мы с большим удовольствием слушаем вас.

- Но вы не знаете, как мне трудно искать русские слова, чтобы выразить свои мысли, - ответил я.

Однажды во время лекции мне потребовалось слово "горбатый", и я никак не мог вспомнить это слово. Пришлось согнуться перед слушателями и спросить: "Как вы называете такого человека?" - Горбатый! - раздались голоса из рядов. Люди смеялись, но вывели меня из трудного положения.

Я не помню, сколько человек пришли к Господу на этих собраниях, но они также были на каждом собрании. Приходили слушать лекции многие атеисты.

Однажды образованная дама пригласила меня в гости и, когда я свидетельствовал ей о спасении, сказала: "Удивляюсь, как может кавказец с густыми кудрявыми волосами и черными глазами верить в Иисуса Христа и проповедовать Его любовь! Для меня это непостижимо! Кавказский народ не расстается с кинжалом..." Я объяснил ей, что Иисус Христос и любовь Божия открываются для всех людей, для всех народов и рас. Среди кавказского народа есть много христиан, преданных Богу, как мой отец, отдавший свою жизнь за свидетельство о Христе.

Помню случай, когда на собрании в Ленинграде одна женщина встала и сказала: "Уже семь лет, как я член этой церкви, но сегодня вечером я родилась свыше".

В наших церквах всегда были и есть такие члены (особенно дети верующих родителей), которые нуждаются в рождении свыше.

К концу наших лекций о Божьем плане спасения в Ленинград возвратился брат И. С. Проханов. Он был в Европе и в Америке. Я посетил его вместе с братом Саниным. Он принял нас любезно, беседовал с нами о расширении влияния Евангельского благовестия. Мы расстались с надеждой встретиться вновь.

Брат Проханов, председатель союза евангельских христиан, был личностью одаренной как проповедник, поэт и прежде всего - организатор. Позднее он приезжал к нам на Северный Кавказ в Пятигорск на братский съезд. Мы приглашали его в наш приют и библейскую школу. Он радовался постановке дела Божия, давал нам полезные советы.

Характер у него был общительный, веселый.

Много интересных и назидательных историй он рассказывал нам во время обеда в приюте, я помню их до сих пор.

Евангельское движение под руководством брата Проханова за короткое время распространилось по всей России, и это, конечно, не могло не беспокоить власти, которые строили свое государство на атеистическом фундаменте.

БАПТИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

Почти в то же самое время проповедь Евангелия быстро распространялась и на Сев. Кавказе, как и на Украине, при содействии немецких баптистов. Так как они свой молитвенный час называли "штунде", то в народе приклеилась к ним кличка "штундисты". Дореволюционное православное духовенство было очень обеспокоено расширением евангельского движения и воздвигало на верующих гонения, продолжавшиеся вплоть до революции.

После революции был период некоторой свободы религии, но потом эта свобода была урезана, и позднее наступил период небывалых гонений.

Движение баптистов расширялось и достигло всех уголков России. Оно было организовано во Всероссийское объединение с центром в Москве.

Когда руководители этих двух евангельских течений встретились, они с удивлением увидели, что между ними нет и не может быть причин для разделений, что все они - братья во Христе. Незначительные различия в некоторых пунктах вероучения не могли и не должны были быть предметом для разделения. Братья изъявили желание объединиться в один союз.

К сожалению, по некоторым причинам объединение состоялось только в 1944 году, в страшное время Второй мировой войны. И это объединение под названием Всероссийский Союз евангельских христиан-баптистов объединяет сегодня более 700 церквей.

Движение баптистов имело много одаренных проповедников, преданных Господу служителей. Пионером этого движения был известный брат - украинец по имени Рябошапка. Он был одарен даром евангелиста, и многие души уверовали через его свидетельство, несмотря на его малограмотность и крестьянское происхождение. Православные священники много раз начинали против него гонения, власти арестовывали, но он, выйдя на свободу, смело продолжал свидетельствовать об Иисусе.

Однажды его пригласил в гости богатый помещик, чтобы послушать свидетельство о Христе. К прибытию поезда он послал своего слугу на станцию, чтобы привезти знаменитого гостя. Помещик был верующим, пригласил в свой дом соседей, устроил угощение. Но слуга возвратился без гостя, заявив, что тот не приехал. Разочарованные

гости приступили к обеду. Но вдруг кто-то пришел с кухни и сказал, что какой-то крестьянин вошел на кухню и начал беседовать с поварами и кухарками о спасении и так ревностно свидетельствовал, что под его влиянием все стали на колени и начали молиться.

Хозяин приказал пригласить его в столовую, и тут открылось, что это был брат Рябошапка. Слуга, посланный на станцию, не признал гостя, одетого в простую крестьянскую одежду, и решил, что он не приехал. А брат Рябошапка, расспрашивая прохожих, как-то сам добрался до помещика.

Можно представить, как рады были гости встрече с великим евангелистом.

Из Ленинграда я снова вместе с братом Саниным возвратился в Москву и принял участие в Съезде духовных работников из ближайших городов и деревень. На Кавказ мы возвратились в радостном настроении.

10 июня 1923 года я женился на девушке, принявшей Господа как Спасителя в нашем приюте. Бракосочетание происходило в Георгиевске. Во время свадебного обеда наша радость была нарушена арестом председателя Евангельского объединения брата Федора Санина. Будучи моим другом, он сидел около меня за столом.

Благодарение Богу, что брата Санина вскоре освободили, и мы работали вместе на Господней ниве до 1928 года.

После бракосочетания брат Чернявский предложил нам жить в его доме. Мы не имели ни квартиры, ни мебели. Я работал для Господа без материальной поддержки и устроить свою личную жизнь не имел возможности.

Через неделю после нашей женитьбы я получил письмо из Владикавказа. Евангельская церковь писала о том, что их пастор арестован и они нуждаются в моем посещении для ободрения.

Я прочитал это письмо жене и спросил ее - ехать мне или нет? Она ответила просто: "Делай, как знаешь".

- Я знаю, что должен поехать, несмотря на опасность ареста, - ответил я жене. И она согласилась. После молитвы я отправился в путь.

Церковь приняла меня с радостью. Собрания были объявлены на каждый вечер и были многолюдны. После каждой проповеди я призывал людей к покаянию. Среди слушателей были и красноармейцы.

Через неделю меня вызвали в ЧК. Несколько братьев проводили меня до здания ЧК, а сами остались у дверей дожидаться.

Меня привели на верхний этаж к главному начальнику. Он спросил меня: откуда я, с какой целью приехал, имею ли связи с Всероссийским евангельским союзом. Я ответил ему на все вопросы, а потом он спросил: "Я слышал, вы проповедуете существование Бога, и на ваши собрания приходят красноармейцы?" - Наши двери открыты для всех, а проповедь о Божьей любви к человеку - это моя главная тема.

- Вы можете защищать своего Бога? - спросил меня начальник.

- Мой Бог не нуждается в защите, - ответил я. - Бог, в которого мы верим, - всемогущий Бог. Мы нуждаемся в Его защите.

- Но ведь написано: "Будьте всегда готовы требующему у вас отчета о вашем уповании дать отчет".

Я был удивлен, откуда этот человек знает Писание. Оказалось, это был бывший православный священник, отрекшийся от Христа, а теперь занимающий такой высокий пост в ЧК.

- Свидетельствовать о Боге я всегда готов, - ответил я.

- Значит, вы готовы выступить на диспуте с неверующими?

- Готов, - ответил я.

- На какую тему хотели бы вы иметь диспут? - спросил начальник.

- Выбирайте сами, - ответил я.

- Давайте назначим такую тему: "Есть ли Бог? Является ли Библия Словом Божиим? Есть ли вечная жизнь?" Я согласился на диспут, и начальник меня отпустил. Братья обрадовались, увидев меня свободным, и сказали: "Все, кто входил к этому начальнику, назад не возвращались".

Я рассказал о предстоящем диспуте. Братья испугались: "Это он подыскивает причину, чтобы тебя посадить в тюрьму".

- Без воли Божией, без Его допущения никто меня не может арестовать. А если в этом будет воля Божия - я готов и на арест.

На следующий день были расклеены большие объявления на главных улицах и площадях о предстоящем диспуте. Я был удивлен, что на первом месте стояло мое имя, а не имя оппонента-атеиста. Рядом с моим именем стояло имя священника, который тоже должен был говорить о Боге. На третьем месте стояло имя профессора-армянина, атеиста. На четвертом месте стояло имя русского доктора медицины.

ДИСПУТ

В назначенное время я пришел с братьями в помещение городского театра, где был назначен диспут. Меня провели в комнату и познакомили с моим главным оппонентом. Когда мы пожали друг другу руки, он сказал: "Очень сожалею, что такой молодой человек верит в Бога". Я ответил ему: "Я еще больше сожалею, что такой пожилой человек остается неверующим". Когда присутствующие засмеялись, оппонент, старый профессор-армянин, сказал: "Там увидим!" - и показал пальцем в сторону зала.

А я в своем сердце сказал: "Да, там мы увидим, как Господь предаст тебя в мои руки, как Он предал Голиафа в руки Давида".

Зал был переполнен слушателями. Городское начальство уселось полукругом на сцене, там же сидел и начальник ЧК, уже мне знакомый.

Первым выступил председатель собрания с короткой речью. Он объявил о цели собрания, о порядке диспута и первое слово предоставил мне.

Свою речь, которая продолжалась 45 минут, я начал такими словами:

"Граждане, я не пришел сюда защищать Бога. Бог в этом не нуждается. Я буду свидетельствовать о Нем, а свидетель должен знать Его, чтобы свидетельствовать.

Будучи отроком, я искал Бога и нашел Его, и Он открыл мне Свою любовь, спас мою душу.

Так как перед нами стоит вопрос: доказать, существует ли Бог, то я хочу указать вам на три явления, доказывающие существование Бога:

ПЕРВОЕ - ПРИРОДА, ВТОРОЕ - НАШЕ ТЕЛО, ТРЕТЬЕ - НАША ДУША.

Прежде всего я хочу спросить: "Что такое природа?!" Полагаю, каждый из вас согласится, что природа есть проявление известных и неизвестных человеку закономерностей. Все существующее вокруг нас подчиняется определенным законам. Возьмем, к примеру, образование дождя. Вода при определенной температуре превращается в пар и образует облака, потом при определенной температуре конденсируется и выпадает на землю снова в виде капель дождя. Для нас все это просто, мы привыкли к этому и забываем о законах, без которых дождя бы не было.

Все проявления природы, вращение земли вокруг солнца, да и сама жизнь человека основаны на определенных законах. Вы согласны с этим?

Теперь перед нами второй вопрос: "Что такое закон?" Закон есть проявление или выявление ума. Мы видим вокруг себя законы организованные, целесообразные, согласованные, нерушимые, и все они говорят о существовании Законодателя. Заметим,

кстати, что как только была свергнута царская власть, в стране были установлены свои законы, которым должны все подчиняться. Создавший эти законы был умен или нет? Каким же умным должен быть Тот, Кто создал природу и дал ей определенные, нерушимые законы! Вот почему я верю в Бога и вам советую поверить.

Вторым доказательством существования Бога является тело человека. Я человек не ученый, но могу размышлять и часто думаю о своем теле - насколько оно мудро устроено. Если мы говорим о сложных механизмах, устроенных или сконструированных человеком, и поражаемся его уму, то что можно сказать о человеческом теле? Я не допускаю создание человека без участия совершенного разума. Подумайте о наших человеческих органах, как они устроены и как выполняют свои функции. Разве это вас не удивляет? Доктор медицины мог бы сказать об этом больше, Присмотритесь к человеческому организму - все на своем месте. Если бы человек имел не две ноги, а 20 ног, это выглядело бы не только некрасиво, но какая была б проблема купить 10 пар обуви! Особенно сегодня, когда трудно купить даже одну пару сапог. Видно, Создатель и это имел в виду.

После рождения ребенка в груди матери сейчас же появляется молоко. Кто проектировал и создавал эти законы?

В наше время быстро развивается медицинская наука, но как много тайных законов кроется в нашем теле. Они остаются неразгаданными.

Я не могу допустить, что такая сложная машина, как человеческое тело, была создана слепой безжизненной материей.

Я не допускаю, что что-нибудь могло произойти из ничего, а тем более человеческое тело и те законы, по которым оно существует.

Многие великие ученые в смирении признают существование Бога и не верят, что человек произошел путем эволюции от какой-то первоначальной клетки через бесконечные превращения, а потом, что еще страшнее - от обезьяны.

Третьим доказательством существования Бога является душа человека.

Когда мы, верующие в Бога, говорим о душе, о духе, материалисты смеются. Они верят только в то, что подвластно пяти человеческим чувствам: зрению, слуху, обонянию, осязанию и вкусу. Но дух - не материя, как и Христос сказал: "Дух не имеет плоти и костей" (Лук. 24,39).

С детства я верил в существование духа, потому что верил в Св. Писание, верил в Библию. Когда же стало распространяться неверие и атеисты стали требовать доказательств существования духа, я почувствовал себя обязанным заняться этим вопросом серьезнее. Я

начал размышлять на эту тему и тут же спросил себя самого: "Что я теперь делаю?" И сам себе ответил:

"Размышляю".

Но что значит размышлять? Это разговор с самим собой, ибо без слов невозможно ни думать, ни мыслить, ни размышлять. Я понял, что во мне находится неиссякаемый источник слов, и эта способность не подчиняется нашим пяти чувствам, ибо я свои мысли не могу ни видеть, ни слышать, ни обонять, ни осязать, ни пробовать их на вкус. Следовательно, размышление - это не телесная, не материальная способность, а духовная. Источником размышления мы считаем ум.

Вторую духовную способность я нашел в себе: это способность передавать свои мысли словами, способность говорить. Вот я вам говорю, а вы моих слов не видите и не можете их ни обонять, ни осязать. Если вы скажете: "Мы слышим ваши слова", - то я отвечу, что вы слышите только мой голос как механическое колебание воздуха. Следовательно, вы слышите меня своим умом. Ведь если я тем же голосом буду говорить вам на незнакомом языке, вы услышите только мой голос, но слов не поймете. Значит, и это духовная способность.

Четвертая духовная способность, которую я нашел в себе, это совесть, способность отличать добро от зла. Если совесть человека не парализована, не сожжена, она обязательно скажет нам, что есть добро, а что есть зло. Но кто из вас может показать мне свою совесть? И если вы не можете мне показать ее, имею ли я право назвать вас бессовестными? Очевидно, нет. Иначе вы бы обиделись.

Пятую духовную способность я нахожу в себе - это чувства любви, ненависти, радости, печали, страха и др. Кто из вас может показать мне свою любовь? Мы можем видеть проявления любви, но не ее сущность.

Вы можете сказать, что и животные имеют эти чувства, но заметьте, что чувства животных не сознательные, а инстинктивные. Собака любит своего хозяина, но не может сказать ему, почему она любит.

Поэтому мы всех животных называем бессловесной тварью.

Все это и многое другое доказывает мне, что кроме тела я имею также и дух. Его ап. Павел называет нашим "Я". Моя плоть - это не мое "Я", иначе я не назвал бы его моим. Тот же апостол в том же стихе плоть называет внешним человеком и далее говорит:

"Если внешний наш человек тлеет, то внутренний со дня на день обновляется. Значит, наш дух не стареет, не изнашивается, не умирает. Дух бессмертен".

Затем, обратившись к публике, я добавил: "Все, что я вам говорил, было выражением моих мыслей. Попробуйте поймать мои слова - разорвать их, сжечь | - это невозможно. И другие мои духовные проявления вам тоже не уничтожить. Вот почему, когда человек умирает, его тело превращается в прах, из которого оно взято, а дух отходит к Богу, потому что от Него рожден, если этот человек уверовал в Бога и Иисуса Христа как своего Спасителя".

Затем я говорил о воскресении, о грядущем суде. Я также рассказал, как, будучи юношей, делал всякую неправду, грешил, как мучила меня совесть, как я искал счастья в мирских удовольствиях, но не нашел, ибо они были временны и обманчивы. Я рассказал о моем обращении к Богу, о покаянии, как Бог изменил всю мою жизнь.

Сейчас, полвека спустя, я не могу вспомнить дословно мою речь, но помню, что за все 45 минут никто не перебил меня, не бросил реплики, как обычно бывает на диспутах. Помню, когда я говорил о том, что человек не может быть счастливым без Бога, я также сказал, что ни богатство, ни слава, ни власть не делают человека счастливым, и тут же добавил:

"Вот наши члены правительства имеют над нами власть, - и, указывая пальцем на начальника ЧК, продолжал: - Вы имеете надо мною власть, можете меня арестовать и приговорить к расстрелу, моя жизнь в ваших руках, но скажите, вы счастливы? Если вы скажете "да", я не поверю, потому что без Бога человек не может быть счастливым".

Удивительно, что никто из сидевших на сцене не промолвил ни слова. По-видимому, в душе они соглашались со мной. В зале присутствовало 3000 слушателей, и тишина стояла поразительная.

Когда я кончил выступление и сел, председатель пригласил священника сказать свое слово. Он встал и сказал: "Этот молодой человек (мне тогда было 24 года) так ясно и логично доказал нам существование Бога, что мне просто нечего добавить. Но так как материалисты думают, что наука против существования Бога, что ученые не верят в Бога, то я прочитаю вам ряд свидетельств всемирно известных ученых, верующих в Бога". Священник прочитал несколько цитат, и этим закончилось его выступление.

Затем председатель пригласил профессора Айвазова, возлагая на него все надежды в опровержении моей речи. Профессор сказал: "Моя мать была католичкой, и когда я был малышом, она водила меня в церковь. Она указывала на картины святых и говорила мне: "Смотри, сынок, это боги. Перекрестись им". И я так делал, но когда я вырос, я понял, что все это - ложь, и стал неверующим".

В зале начался шум, и несколько человек в один голос сказали: "Вы отвечайте на вопрос: есть Бог или нет?" Профессор снова начал говорить о католических и православных обрядах, опровергал их, критиковал священников.

Народ снова начал кричать со всех сторон: "Это не ответ, вы отвечайте на поставленный вопрос!" Председатель едва смог успокоить публику.

Наконец, слово было предоставлено доктору, речь которого была еще короче. Вместо того, чтобы ответить на мои доказательства существования Бога, он с насмешкой сказал: "Есть народы, которые говорят, что душа человека находится в спине, другие же говорят, что душа находится в животе. Никто души не видел, и нет смысла об этом говорить. Все это сказки попов..." - Вы отвечайте на вопрос! Не уклоняйтесь в сторону!

Председатель дал мне еще несколько минут, и я сказал, обращаясь к публике: "Дорогие граждане, вы все имеете разум и можете отличить истинное от ложного". Обращаясь к профессору, я сказал: "Мы не пришли сюда насмехаться или судить один другого, но свидетельствовать народу об истине. Вот они сидят перед нами и хотят знать, есть ли Бог или нет Бога? Если вы говорите, что Бога нет, вы должны были это доказать. Но мы не слышали вашего доказательства".

Затем, обращаясь к публике, я сказал: "Если кто-либо желает быть счастливым в жизни и иметь мир в своем сердце, в своей семье, то ищите Господа, и вы найдете Его, Читайте Евангелие. Приходите слушать мои лекции". И тут же я указал адрес наших собраний.

На этом диспут закончился. Председатель собрания обратился к народу и сказал: "Если быть искренним, то я должен признаться, что сегодня мы не могли доказать, что Бога нет". Затем, обратившись ко мне, добавил: "Этот человек знает, о чем говорит, а вот вы, товарищ профессор, нас подвели и не могли опровергнуть доводы этого молодого человека".

Я радовался в душе, что Господь одержал такую большую победу перед массой людей. Да не подумает читатель, что я хвалюсь. никоим образом. В успехе мы видим только руку Божию. Бог может дать победу своим детям над сатаной, как Он дал отроку Давиду, простому пастуху, победу над Голиафом.

То было время, когда еще можно было говорить о Боге открыто даже перед представителями власти. Вскоре этому пришел конец.

На другой день я встретил некоторых русских и армян, присутствовавших на диспуте. Они в один голос советовали мне немедленно уехать из города, пока председатель ЧК не арестовал меня. Но я пригласил их на наши собрания и уехал только через неделю, закончив служение.

Кто знает, возможно, председатель ЧК сам убедился в существовании Бога? А может быть, он не имел достаточно причин для ареста?

В СТАНИЦЕ КРЫМСКОЙ

Вскоре нам пришлось переселиться в Пятигорск. На годовом съезде евангельских христиан мне было предложено служение разъездного миссионера, чтобы в некоторых центральных церквях для руководящих братьев устраивать курсы по изучению слова Божия. Дело в том, что многие руководители общин не имели никакой духовной подготовки.

Я просил съезд разрешения работать также и среди баптистов, если они меня пригласят. Съезд дал на это разрешение, не видя никакой разницы в нашем уповании.

Союз определил мне жалованье - 13 рублей в месяц, больше он не мог дать, нужд было очень много.

Несколько лет я служил Господу без материальной поддержки и научился жить скромно. Моя жена выросла сиротой и не имела никакого тяготения к роскошной жизни.

По дороге в Новороссийск мы остановились в г. Кропоткине и провели там в местной церкви ряд собраний. Новороссийская церковь приняла нас радушно. Пища наша была скромной. Иногда обед состоял из нескольких помидор, но мы не унывали, радуясь духовным успехам в Божьем деле.

Церковь была расположена в бедном районе города. В течение двух недель мы каждый день проводили собрания. Молитвенный дом был всегда переполнен.

Помню, как при окончании собрания молодой человек встал и громко спросил: "Почему вы нарушаете закон, не соблюдая субботу?" (В зале присутствовали несколько субботников). Я, закончив собрание, подошел к нему и прочитал ему слова из Евр. 12,18-24:

"Вы приступили не к горе, осязаемой и пылающей огнем, не ко тьме и мраку и буре, не к трубному звуку и голосу глаголов, который слышавшие просили, чтобы к ним более не было продолжаемо слово... Но приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого... И к Ходатаю нового завета Иисусу". И далее я спросил: "О каких глаголах говорит здесь апостол? Ясно, что здесь речь шла о десяти заповедях. Мы не соблюдаем субботы, потому что мы подошли не к Синаю, а к Сиону, не к ветхому завету, а к новому, к Ходатаю нового завета. Почему вы подошли к Синаю?" Он молчал. И я спросил его: "Скажите, будете ли вы соблюдать субботу на новой земле?" - О, да. А как же! - ответил он утвердительно.

- Но ведь написано, что на новой земле не будет ночи. Как вы определите седьмой день, чтобы его соблюдать?

- Я на это не обратил внимания, - ответил молодой человек.

...Из Новороссийска нам пришлось переехать в станицу Крымскую. Там церковь имела свой молитвенный дом. Нас поместили в маленькой комнате, и мы были ей рады, но вскоре к нам приехала из Еревана сестра жены. Нам стало очень тесно, но мы не унывали, ибо многие люди не имели даже и одной комнаты.

Помню, как радовалась жена, когда я, скопив немного денег из моего жалованья, купил для стирки корыто. Потом, собрав немного денег, купил кастрюлю. Трудностей было много, но я всегда вспоминал брата Августовича, студента нашего библейского курса, который часто говаривал: "Не обращай внимания, все будет хорошо".

В станице Крымской мы организовали школу для духовных работников. Два раза в день мы занимались уроками, вечерами имели призывные собрания, а после собраний молодежь собиралась в частных домах и до полуночи беседовала на духовные темы. Это было незабываемое, счастливое время.

Вспоминаю также случай, как ко мне подошел человек после собрания и заявил, что хотел бы покаяться, но сомневается в том, что он избран Богом ко спасению. Я ему ответил: "Если вы искренне хотите покаяться, то уверяю вас, что вы избраны ко спасению". Я прочитал ему некоторые места из Писания, подтверждающие мои слова. Он сразу же преклонил колени, покаялся и возвратился домой с радостью.

Но дома его встретила сестра и, узнав о его покаянии, набросилась на него с руганью. На другой день он попросил меня поговорить с ней. Она приняла меня холодно, но после короткой беседы ее настроение изменилось. На другой вечер она пришла в собрание и покаялась. В первое же воскресенье она пригласила меня к себе. Я пришел к ней с пресвитером.

- Знаете ли, почему я вас пригласила, - начала она речь. - Прошу вас помолиться о моем младшем сыне. Он лунатик. Бог может его исцелить. Христос исцелял лунатиков...

Подумав немного, я ответил: "Сестра, в Первом послании к Коринфянам 12 главе написано, что Господь Своим детям дает различные дары, среди которых есть и дар исцеления. Я имею от Господа дар евангелиста и учителя, но у меня нет дара исцеления".

- Брат, я верю, что Господь может исцелить моего сына. Помолитесь над ним.

Она привела нас к сыну. Он сидел на кровати бледный, худой и безучастно смотрел по сторонам. Видно, что у него были и другие болезни.

Видя веру только что обращенной сестры, я не мог ей отказать. Мы помолились над ним и вскоре ушли. А через три месяца я снова встретил эту сестру, и она радостно воскликнула: "Брат, после вашей молитвы сын выздоровел. Теперь его не узнать! Он и мой старший сын обратились к Господу". Так оба сына ее обратились к Господу.

СНОВА В КИСЛОВОДСКЕ

10 июня 1924 года Господь подарил нам девочку. Мы назвали ее Кларой. Первый раз в жизни я познал отцовскую любовь к ребенку. Однажды после обеда, когда Кларе было два месяца, я взял ее на руки и пошел прогуляться на зеленую лужайку. Воздух был чистый, небо голубое. Когда я поднял взор к небу, у меня появилось желание посвятить свою дочь Господу. И я это сделал в молитве.

А вот теперь, недавно, меня порадовало свидетельство моей дочери о ее обращении к Господу после многих переживаний во время войны и в послевоенный период.

Да, Бог отвечает на молитвы!

Весной 1925 года мы переселились в Кисловодск, чтобы продолжать там духовную работу. Но здесь у меня усилилась глазная болезнь. Одна сестра милосердия, будучи материально обеспеченной, повезла меня на свои средства в Харьков к главному специалисту.

Он сделал операцию на правый глаз, которому грозила слепота. Я вернулся в Кисловодск, но все еще страдал от боли в глазах.

В тот же год из Москвы в Кисловодск приехал на отдых известный специалист по глазным болезням. Он сделал мне бесплатно операцию второго глаза. Она помогла мне, но трахому так и не вылечили. Глаза мои постоянно воспалялись, краснели, опухали, слезились, зрение ухудшалось, и это, конечно, мешало мне проповедовать Евангелие.

Однажды я сказал врачу, что должен ехать в Тифлис для проповеди Евангелия.

- С такими глазами? Ни в коем случае! - сказал доктор.

- Но я обещал и не могу изменить моего слова, - ответил я.

- Вы ослепнете, - сказал доктор. - Вам нужно сидеть два месяца в темной комнате. Свет вызывает раздражение глаз. Если поедете в Тифлис, больше не приходите ко мне для лечения.

Возвратившись домой от врача, я преклонил колени и начал молиться: "Господи, неверующие люди имеют здоровые глаза, а я - Твой слуга, люблю читать Твое слово, проповедовать Твое Евангелие, а имею такие больные глаза. Неужели я должен ослепнуть? Как я тогда буду служить Тебе? Исцели меня, Боже..." Помолившись, я собрался в путь и с повязкой на глазах поехал в Тифлис.

Пробудительные собрания проходили в русской церкви, пресвитером которой был всеми любимый работник брат И. Ханоян. Собрания были многолюдные. Каждый вечер

собиралось слушать слово Божие до 300 человек и более. Я проповедовал с большой ревностью, и это, конечно, раздражало мои глаза.

Через 2 дня брат Ханоян повел меня к специалисту. Я объяснил ему, что после Тифлиса я должен ехать в Армению проповедовать Евангелие, но вот глаза меня очень беспокоят.

Врач долго думал, а потом сказал: "Я открою вам тайну. Не ходите к врачам, не тратьте денег и времени. Пойдите в аптеку, купите за 18 копеек синий камень и, вывернув веки, мажьте их этим камнем. Это все, что могу вам сказать".

Это был Божий ответ на мою молитву. Я так и сделал, как посоветовал врач, и вот до сих пор вижу и уже полстолетия продолжаю духовный труд.

Если бы я послушался совета моего прежнего врача и не поехал в Тифлис, я давно бы ослеп.

Так Господь вознаграждает нас, когда мы полностью доверяем себя Ему в Его деле.

В АРМЕНИИ

Из Тифлиса я поехал сначала в Ереван, где меня приняли в доме сестры моей жены. Евангельские собрания проходили в доме пресвитера церкви, брата Ваган. Впоследствии его арестовали, сослали, и он умер в ссылке. Был также арестован и сослан брат Бенуни, очень ревностный духовный работник. В ссылке на работах случилась авария, и он лишился ног. В 1932 году я снова был в Ереване и там видел его в таком состоянии. Но духом он был бодр.

Через две недели мне пришлось ехать в Ленинакан по приглашению евангельской церкви, и там я встретился с братом Саниным. Через несколько недель меня пригласила группа верующих в Кара Килис. Этот город впоследствии был назван Кировоканом. Там после наших свидетельств и проповедей некоторые души обратились к Господу.

Возвратившись в Тифлис, я встретил учеников нашей библейской школы - Иосифа, Амбарцума и Арташеса. К тому времени через брата Иосифа многие души обратились к Господу, организовалась церковь из 120 членов в районе, где проживало много армян. Это меня очень радовало, и я остался в Тифлисе, чтобы устраивать специальные собрания для новообращенных душ.

Помню одного продавца керосина, бедного старика, который вместе с женой обратился к Господу на наших собраниях. Это были искренние христиане. Однажды они пригласили меня к себе в квартиру на ужин и оставили ночевать. Перед сном мы преклонили колени для молитвы. Не могу забыть слова, сказанные в молитве братом: "Господи, благодарю Тебя за вечное искупление души моей. И теперь, Господи, я Тебя никогда не оставлю". Какая детская простота и искренность звучала в этих словах!

Вскоре у нас состоялся съезд в Тифлисе с участием местных армянских, русских и грузинских евангельских церквей. Во время съезда было крещение в реке Кура. Это было благословенное общение детей Божиих. Я вернулся в Кисловодск, чтобы продолжать служение в русских церквях.

В ЛЕНИНГРАДЕ И МОСКВЕ

В 1927 году состоялся Всероссийский съезд евангельских христиан. Брат Санин и я были делегатами съезда. Мы приехали в Ленинград в хорошем духовном настроении. С Южного Кавказа приехали братья Ханоян и Захарян.

В свободные от работы съезда часы мы посещали ленинградские музеи и другие достопримечательные места. До сих пор помню посещение Эрмитажа.

Съезд был многолюдным. Были вынесены решения по многим вопросам внутрицерковной жизни.

Местный хор исполнял чудесные песнопения. Я имел возможность познакомиться со многими духовными работниками, о которых прежде только слышал. Теперь же я мог слушать их проповеди, свидетельства, иметь с ними беседы.

Из Ленинграда по пути в Крым мы ненадолго снова остановились в Москве, спеша вернуться к своим трудам с надеждой, что дело Божие будет расширяться.

В 1928 году меня пригласила церковь в Симферополе. Там в течение месяца мы имели ежедневные собрания. Господь привлекал спасаемых к церкви, и это еще больше воодушевляло на труд.

Помню обращение к Богу одной женщины, которая молитвенно исповедала свои грехи и сказала, что имела 28 мужей и все они были незаконными.

Господь очистил ее сердце и сделал из нее верную свидетельницу Его спасающей благодати.

Потом мне пришлось переехать в Ялту. Там была небольшая, но ревностная церковь. Члены церкви трудились дружно, и собрания были благословенными.

В этом же году у нас родился мальчик, но он прожил только три месяца. Его смерть, естественно, принесла нам много печали.

Семья моя постоянно имела материальные трудности, и мне следовало подумать о том, как выбраться из нужды. В это время советское правительство ввело НЭП (новую экономическую политику). Она давала свободу мелким торговцам и ремесленникам. Нужно было только получить патент и в конце года платить налог от дохода.

Крестьяне получили право на пользование своей землей, на продажу продуктов на базаре. За короткое время народ материально окреп. Тогда фунт белого хлеба стоил 5 копеек.

Хотя атеисты не прекращали свою агитацию, в то же время была предоставлена свобода для религиозной деятельности. Часто атеисты устраивали диспуты с верующими, на которых, как правило, терпели поражение. Во многих местах организовывались новые церкви, часто бывали обращения к Богу коммунистов, и некоторые из них стали благовестниками. Видя это, власть изменила политику. Весной 1927 года было арестовано несколько служителей евангельских церквей и активных членов церкви. Началось гонение на верующих. Право миссионерской деятельности было отнято. Вот почему мне нужно было серьезно подумать об обеспечении семьи. Правда, служение в церквях еще продолжалось, но организационная деятельность была парализована.

Чтобы содержать семью, я научился у брата Чернявского делать малярные кисти. Я взял патент и приступил к делу. Вначале моя работа не была успешной. Время было летнее, покраской домов почти никто не занимался, а потом без практики я делал только 20-25 кистей, и доход не покрывал расходы. Но осенью, когда женщины начали белить свои дома, я приобрел опыт и делал в день 200-250 кистей. Это ремесло было незаметное, государство на него не обращало внимания, и налог с меня брали только 18 рублей в год. Кисти продавались в основном весной и осенью, а в летнее и зимнее время я мог заниматься духовной работой в своем городе и в других местах.

Свою продукцию я имел право продавать в соседних городах и таким образом сделал запас для семьи, а зимой 1931 года поехал в Баку для служения местным церквям.

Встреча с братьями была радостной, но вскоре радость превратилась в печаль, когда я, простудившись, заболел, а потом появились нарывы. Раны гноились, по ночам температура поднималась за сорок.

Я лежал в больнице и постоянно молился и постился. Однажды во время молитвы услышал внутренний голос: "То, что не могут сделать доктора, сделает Христос". Целый день я пребывал в молитве с постом, а к вечеру мое сердце успокоилось в уверенности, что Господь меня исцелит.

Вечером медсестра измерила мне температуру.

Когда она ставила градусник, я в душе говорил:

"Господи, пусть сегодня моя температура не превысит 40 градусов". Сестра посмотрела на градусник и сказала: "39 градусов. Потом я уснул и проснулся в полночь совершенно здоровым. Гнойники исчезли, открылись опухшие глаза. Через два дня меня выписали из больницы, в которой я пролежал месяц.

Когда я возвратился домой, начались новые трудности. Во время моего отсутствия агент милиции донес финотделу о том, что я являюсь проповедником Евангелия, и финотдел вместо 18 рублей налога потребовал от моей жены 600 рублей. Жена таких денег не имела. Агенты пришли на квартиру, конфисковали вещи, продукты, оценив это в 200 рублей, и приказали, чтобы остальные 400 рублей были внесены через 3 дня. Иначе я буду арестован. Пришлось одалживать деньги и внести 400 рублей. Но у моих родственников оставалось более 1000 кистей, которые были проданы в соседнем городке с доходом в 600 рублей, и таким образом я мог не только заплатить долг, но и вернуть семье конфискованные вещи.

У Господа не бывает безвыходного положения для Своих детей. Я испытал это много раз в жизни. И на этот раз Господь вывел меня из трудного положения.

ТРУДНОСТИ УМНОЖАЮТСЯ

Брат Санин из тюрьмы известил меня, что НКВД интересуется мною и чтобы я был очень осторожен. Получив это известие, я решил переменить местожительства не только из-за опасности ареста, но также чтобы избежать больших налогов.

Мне пришлось снова собирать пожитки и переселяться в Пятигорск. Там у нас родился сын, и мы назвали его Робертом.

В то время в Пятигорске еще существовала церковь. Я посещал собрания и проповедовал в этой церкви. По воскресным дням наше собрание посещал высокий худощавый человек, очень бедно одетый. После собрания он всегда подходил ко мне, здоровался, хвалил за проповедь. У меня возникло подозрение, что это был тайный агент.

Однажды, когда я в Пятигорске продавал малярные кисти, этот человек подошел ко мне и начал разговор:

- Я слышал, что в Америке люди живут много лучше, чем у нас. Я хотел бы поехать в Америку. Что вы мне можете посоветовать?

Это был весьма странный вопрос. В то время советское правительство никому не давало разрешения на выезд. В руках у меня была газета. Я показал на статью в газете и сказал: "Вот я только что прочитал в газете, что в Америке большая безработица, народ голодает. Будьте довольны своим положением".

Этот человек сразу же оставил меня, и больше я его уже никогда не видел, но братья посоветовали мне переселиться в Минеральные Воды, ибо слежка за мной усилилась. Сколько лишних хлопот и расходов создавали эти переезды! Но я никогда не отчаивался, зная свое положение странника и пришельца в этом мире.

В Минеральных Водах я поселился на квартире одного брата, на окраине. Однажды случайно на железнодорожной станции я увидел брата Санина. Его отправляли в товарном вагоне вместе с другими арестованными. Мы не могли поговорить друг с другом, а только объяснились знаками. Я понял, что мой арест на очереди. Сердце мое скорбело о брате, чувствовал, что разлука будет долгой. Позднее до нас дошла весть, что брат в лагерях устраивал тайные молитвенные собрания и вскоре там умер.

Как и следовало ожидать, церковь в Минеральных Водах атеисты закрыли. Мне пришлось переселиться в Ессентуки. Мы поселились у верующих, недалеко от молитвенного дома.

В 1933 году до наших мест докатился голод. Чтобы выманить у народа золото, серебро и другие драгоценности, правительство открыло магазины, которые назывались Торгсинами.

Хлеб продавался по карточкам. Рабочие получали по 400 граммов, а мне как ремесленнику давали 200 граммов в день, но, чтобы получить их, приходилось долго стоять в очереди, и даже не всегда доставалось.

Голод в стране усиливался. Мне не раз приходилось видеть людей, умирающих от голода. О побелке домов в то время никто не думал, и мое ремесло не было в ходу.

При содействии некоторых братьев я решил заняться приготовлением леденцов. Сахар и молоко для этого пришлось покупать на черном рынке. Муку я смог купить у одного брата. Мы хранили ее в глиняных кувшинах от нашествия мышей. В то время от них не было спасения.

Однажды жена сказала мне: "Мы имеем муки только на несколько хлебцев. Что будем есть завтра с пятью маленькими детьми? Они просят хлеба".

- Небесный Отец позаботится об этом, - сказал я жене.

- Ты говоришь эти слова от сердца или чтобы меня успокоить? - спросила она.

- От сердца говорю и с верой. Бог в пустыне кормил 3 миллиона человек, а нас только 7 человек. Испеки из той муки, что имеешь, будем есть, а завтра Бог что-нибудь пошлет.

Мы вместе пошли за мукой. Я все собрал, что было, в один сосуд, а потом, вспомнив вдову из Сарепты, оставил на дне кувшина немного муки. И, наклонившись над кувшином, обратился к Господу в молитве: "Господи, я верю в Твое всемогущество. Соверши чудо и укрепи мою веру".

Когда жена месила тесто, в дверь постучали. Оказалось, что из Кисловодска приехала одна сестра по вере. Она сразу же начала разговор:

- Брат, ты знаешь, зачем я пришла к тебе?

- Нет, не знаю. Откуда же мне знать?

И она рассказала, что написала своей матери письмо о голоде в нашей местности. Мать письмо прочитала и рассказала одной сестре, которая была ученицей нашей библейской школы. "И вот она через маму передала вам две золотые монеты, чтобы вы не умерли с голоду. Вот я вам их принесла"...

В это время я посмотрел на свою жену. Она стояла и улыбалась, поняв, что это совершает Бог.

Эти 2 золотые монеты равнялись 17 золотым рублям. Это была довольно крупная сумма. Я сразу же пошел в Торгсин и купил муку, сахар, рис, масло и даже два палестинских апельсина. Каждый стоил 10 копеек.

Когда я вернулся с покупками домой, мы еще раз вознесли благодарение Богу.

Да, друзья мои, Господь верен в Своих обещаниях. Надеющиеся на Господа не постыдятся. Разве Бог не сказал: "Воззови меня в день скорби, и я услышу тебя, и ты прославишь Меня".

Когда наши средства были на исходе, нам во время голода оказал помощь один из родственников моей жены.

Летом 1934 года положение улучшилось. На базарах появились некоторые продукты. Мы снова переселились в Кисловодск и жили в доме родственника моей жены. Я снова изготовлял конфеты, а позднее перешел к своему старому ремеслу: деланию малярных кистей.

В 1935 году мне опять пришлось переехать. На этот раз в город Черкесск. Жизнь в Черкесске была много дешевле. Мое ремесло продолжало давать доход, и я в компании с одним братом решил купить дом. Жить с пятью детьми на чужой квартире было нелегко. Мой компаньон был братом во Христе, мы жили дружно, мирно. Я купил несколько коз, кур, и это облегчило наше материальное положение.

В тот год гонения на верующих усилились еще больше. Были арестованы не только пресвитеры, но и многие рядовые члены церкви. Молитвенные дома отбирались. В Черкесске молитвенный дом тоже отобрали, и мы собирались тайно по домам молиться об арестованных и о личных нуждах, чтобы остаться верными Господу при всех обстоятельствах.

Верующие, встречая меня в других городах, куда я ездил для продажи кистей, с удивлением спрашивали:

"Вы еще не арестованы?" Я сам удивлялся и готовился к этому дню.

В 1936 году мое ремесло принесло мне хороший доход. За весенние месяцы я заработал 5000 рублей и решил купить одежду и обувь детям. Но все это стоило очень дорого, да и достать было трудно, но все же я кое-что купил для детей и израсходовал на это 1500 рублей. Остальные деньги я обмотал вокруг ног, чтобы не украли воры. Когда я приехал домой с подарками, радости детей не было конца. Мой младший сын, Альберт, сел мне на колени, ел конфеты и целовал меня, не зная о том, что это последняя встреча с отцом. Альберту было в ту пору два годика. Это был голубоглазый ребенок, особенно мною любимый.

Теперь, вспоминая все эти события, я вижу руку Божию, что купил дом для семьи, кое-какую одежду и некоторый запас продуктов, а также привез домой 3500 рублей. Бог знал, что я буду арестован, и хотел облегчить материальное положение жены с пятью малыми детьми.

АРЕСТ

Перед обедом я прочитал из книги Исход 4,18-26 и обратил внимание на то, как важно быть верным Господу при всех обстоятельствах, чтобы пользоваться Его благословениями. Нас ожидают трудности, но и это в плане Божьем.

За два дня до возвращения домой я видел сон и понял, что моя семья осиротеет. В те дни и жена моя видела во сне, что наша корова оказалась зарезанной (а мы ее только что купили, и дети радовались свежему молоку). Жена поняла, что Бог предупреждает об опасности.

После молитвы и обеда я хотел отдохнуть, но вдруг кто-то постучал в дверь. Вошел человек и показал документ на обыск. Это был агент НКВД. Он сразу же начал обыскивать комнаты, в шкафах нашел письма и положил их в карман. Увидев Библию на армянском языке, отложил ее в сторону. В это время я был озабочен судьбой своих денег, обмотанных на моих ногах. И жена это знала.

Обыск вскоре закончился. Агент сказал мне: "Мой начальник желает поговорить с вами. Это недолго, минут пятнадцать"...

Я сказал жене: "Принеси чистую одежду, чтобы мне переодеться. Неприлично идти к начальнику в грязном".

- Ничего, ничего, - возразил агент. - Вы и так можете поговорить с ним.

Я настоял на том, чтобы переодеться. Ведь я был в дороге, пропах потом. Войдя в комнату, я быстренько закрыл двери, снял одежду, завернул в нее деньги, надел чистое белье.

- Ну, вот, теперь я готов предстать пред вашим начальником!

Можете представить, какое великое бремя свалилось с моих плеч, когда я передал деньги жене вместе с грязным бельем?

Когда мы вышли во двор, перепуганные дети стояли в стороне, не понимая, что происходит. В глубокой печали я сказал им: "Детки дорогие, прощайте. Слушайте маму"... А жене сказал по-армянски, чтобы она уповала только на Господа, и Он ее не оставит.

Меня привезли в здание НКВД и сразу же обыскали. При обыске в моем кармане нашли 2 копейки, а потом учинили мне подробный допрос. На все вопросы я дал правдивые ответы. После допроса меня посадили в камеру, но не на 15 минут, как заверял меня агент, а на 5 лет и 7 месяцев.

В ТЮРЬМЕ

В камере уже находились 2 черкеса, худые, бледные, молчаливые. На ужин мне принесли суп и кусочек хлеба. Хлеб я съел, а суп был так противен на вкус, что я отказался его есть. Через некоторое время я съел бы его с удовольствием...

Неожиданная разлука с семьей меня очень опечалила, но когда я вспомнил о переживаниях и страданиях первых свидетелей Христа, на сердце стало спокойнее.

Первую ночь я спал спокойно. Утреннюю молитву я совершил стоя, а потом спел тихим голосом: "Ближе, Господь к Тебе"...

Через 3 дня меня перевезли в Ставрополь, в тюрьму НКВД, и поместили в камеру, где уже сидели 4 человека.

К вечеру мне принесли кусочек хлеба и суп. Я снова съел только хлеб, хотя был очень-очень голоден. Арестанты же ели суп с большим аппетитом. Один из них сказал мне: "Подожди, подожди, ты еще будешь есть такой суп и пальцы облизывать". Правду он сказал. Уже на другой день я ел этот суп и благодарил за него Бога.

После обеда я лежал на нарах и молился, а около меня лежал красивый молодой человек, изможденный и худой. Он тихо начал петь евангельскую песню.

- Ты верующий? - спросил я его.

- Слава Богу, верующий, - ответил он. Мы оба возрадовались.

Он рассказал страшную историю своей жизни. Обратившись к Господу, он начал свидетельствовать об Иисусе Христе на работе. Его несколько раз предупреждали, чтобы он прекратил это занятие. Однажды, когда он пришел домой с работы, его жена и

трехлетняя дочь оказались зарезанными. Это потрясло его до глубины души. Он понял, что это сделали враги Христа. Бог дал ему силы перенести этот удар, но говорить о Христе он не прекратил. Вскоре НКВД арестовал в один вечер 15 членов церкви и его в том числе. Два месяца его подвергали пыткам, заставляли стоять по пояс в ледяной воде и спрашивали: "Ну как? Христос тебе помогает? Отрекись от своей веры и пойдешь на свободу".

Этот брат сообщил мне, что в этой же тюрьме сидят 13 наших братьев и две сестры. Выслушав этот рассказ, я сказал сам себе: "Если этот новообращенный брат под пытками не отрекся от Христа, а остался верным Богу, насколько же я должен быть верен моему Искупителю?"

МУЧИТЕЛЬНЫЕ ДОПРОСЫ

На другой день одного из сокамерников вызвали на допрос. Он вернулся через несколько часов, дрожа всем телом.

- Ну как? - спросили мы его.

- Признался, что я "тракис". Смотрите, как избили меня...

Бедный человек, он не знал даже правильного произношения фамилии Троцкого.

На третий вечер вызвали на допрос и меня. После биографических вопросов, на которые я ответил честно, следователь отпустил меня, но я спросил:

- Скажите, почему я под арестом? Я не вор, не убийца, никогда ничего не делал против законов, установленных советской властью.

- Если бы ты был вор или убийца, тебе было бы много лучше, а так как ты веришь в Бога и других совращаешь в свою веру, то ты являешься наибольшим нашим врагом. Мы хотим свернуть тебе шею, чтобы ты никому больше не проповедовал Христа.

Я промолчал, но в душе сказал сам себе: "Господь привел меня сюда, чтобы я и тебе проповедовал". И это мое желание сбылось.

Я сказал следователю: "Если в этом заключается моя вина, то заверяю вас, я никогда не отрекись от моей веры и от моего Спасителя".

- Ничего, ничего, подожди немножко. Мы умеем усмирять таких, как ты. Иди и хорошо подумай. Я еще вызову тебя.

Через несколько дней следователь снова вызвал меня на допрос.

- Ну, как? Было время подумать? Что скажешь теперь?

- Да, я подумал и не мог вспомнить никакого моего преступления против правительства. Я верил в Бога и буду верить в Него.

- Откуда ты знаешь, что Бог существует? - спросил следователь.

Я как раз ожидал этого вопроса. Это был хороший повод для свидетельства. И я сказал: "Бог живет во мне, а это ведь больше, чем его видеть. Я был грешником, рабом злых дел и как ни старался освободиться от них, не имел успеха. Но когда я услышал, что Христос пришел в мир, чтобы спасти грешников, и что только Он может изменить сердце человека и освободить его от греховных желаний, я решил проверить это. Я стал на колени и сказал Господу: "Если это правда, что я услышал от проповедника, Ты можешь освободить меня от греховных желаний. Прости меня за прошлое, и если Ты это сделаешь, я посвящу Тебе всю мою жизнь". Бог сразу же ответил на мою молитву и изменил мое сердце, мою жизнь. Поэтому я знаю, что Бог существует. Как же я могу от Него отречься?" Следователь слушал меня внимательно, не мешал мне высказать все, что было у меня на сердце, а потом вызвал по телефону какого-то начальника. Тот сразу набросился на меня с яростным гневом.

- Ты бежал из Турции. Кто тебя послал в нашу страну? Отвечай!

Я пробовал ответить на его вопросы, но он кричал:

"Замолчи!" Он вынул револьвер из кобуры, положил его передо мною на стол и продолжал кричать:

- Ты не имеешь права ходить по нашей земле. Ты сгниешь здесь. Какую пользу ты принес нашему государству? Отвечай! Что ты сделал полезного для страны?

- Пять детей, - ответил я.

Услышав это, он рассмеялся. Смеялся и мой следователь.

- Почему вы смеетесь? Я плохо ответил? Недавно я читал в газете статью Сталина, где он писал, что в капиталистических странах человек обесценен, а для нас человек - это капитал, это богатство. Если человек - это капитал, то я дал стране пять здоровеньких детей и притом я - человек со слабыми глазами, инвалид. Но я не претендовал на пенсию, а, трудясь своими руками, содержал свою семью. Вы большего от меня хотите?

- Да, но вы воспитываете своих детей не в нашем духе. Поэтому ты и оказался здесь, чтобы твоих детей мы воспитывали сами, как нам нужно.

- Если бы все люди воспитывали своих детей, как я, тогда не было бы нужды ни в милиции, ни в тюрьмах, ни в судах. Я учу своих детей быть добрыми, трудолюбивыми, не лгать, помогать бедным, подчиняться законам государства.

- Да, но вы их учите, чтобы они верили в Бога.

- Да, - ответил я. - Без Божьей помощи никто не может быть добрым. Когда я жил без Бога, я старался быть добрым, но у меня ничего не получалось. Я делал злое. Но когда я услышал, что Христос может спасти меня от греховного рабства, я помолился Ему, и Он сделал меня свободным, спас меня, переменял жизнь.

Следователь промолчал. Он что-то записывал, а потом сказал: "Иди и хорошенько подумай. На тебя есть жалобы, что ты действовал против государства. Тебе грозит заключение на 10 лет, а может, и расстрел.

- Моя вера не позволяет мне действовать против власти, ибо написано: "Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога" (Рим.13,1).

- Но мы ведь не верим в Бога! Как же мы можем быть от Бога? - спросил следователь, ожидая от меня ответа.

- Когда ап. Павел писал эти слова, у власти был Нерон, идолопоклонник. Это значит, что Бог допустил его царствовать для определенной цели. Так и теперь, Бог разрешил нашему советскому правительству управлять Россией, и потому мы все должны повиноваться власти. И я повиновался.

- Иди и еще раз хорошенько подумай, - сказал следователь и отправил меня в камеру.

Жизнь в тюрьме со дня на день ухудшалась.

Камеры были забиты арестантами. Наступили холода. кормили нас только так, чтобы мы не умерли с голода. спали мы на голых досках, на цементном полу. 50 дней я не менял нижнего белья.

Однажды в нашу камеру вошел высший начальник НКВД с несколькими милиционерами. Мы все встали.

Он всем грозил большим наказанием за неверные показания. Потом посмотрел на меня и, насмехаясь над моим жалким видом, сказал:

- Пророк!..

И, не сказав больше ни слова, вышел из камеры.

БОЖИЙ ПЛАН СПАСЕНИЯ

Вскоре следователь вызвал меня на допрос. Он раскрыл предо мною схему Божьего плана спасения, которой я пользовался в нашей библейской школе, и спросил меня:

- Кто составлял этот план?

- Я составлял на основании Библии, - ответил я смело.

- Подпиши.

Я подписал без колебания.

- Ну, а теперь объясни мне, что означает этот план?

Это было как раз то, чего я желал. Начиная с самого начала, с первых страниц Библии я в течение двух часов объяснял следователю Божий план спасения. Следователь молчал, но когда я дошел до периода конца церкви и сказал, что при Своем Втором пришествии Христос сойдет на Землю и умершие верующие воскреснут, а мы (при этом я положил руку на грудь), оставшиеся в живых, изменимся во мгновение ока и восхищены будем со Христом, следователь покачал головой и спросил:

- А дальше что будет?

- На земле появится антихрист, - ответил я.

- Это кто же - Ленин или Сталин?

- Нет, - ответил я. - Антихрист еще не появился, и до восхищения церкви он не может появиться. А церковь в мире все еще существует. Вовторых, антихрист должен быть евреем, потому что евреи не могут признать мессией язычника. А втретьих, на основании пророчества Иакова (Быт. 49,1618) антихрист должен быть из колена Дана.

- А дальше что будет? - спросил следователь. - Что будет делать антихрист?

- Он должен царствовать только 7 лет. На земле будет великая скорбь, подобно которой не было. Затем Иисус Христос сойдет на землю со Своей Церковью для Тысячелетнего Царства. Весь мир будет подчинен Ему. Войн не будет.

- Это контрреволюция! - возвысил голос следователь.

- Если Христос будет царствовать на земле, где же мы будем?

- Христос - мой и ваш Творец, Он наш Создатель, и потому в конце концов должно прийти Его Царство. Потому мы и проповедуем Царство Божие.

- А что же произойдет дальше?

Перед следователем лежала схема Плана спасения, и я объяснил ему об освобождении сатаны после Тысячелетнего Царства, об Армагедонской битве, о воскресении всех грешников, о последнем суде над ними.

- Значит, все мы, неверующие, погибнем?

- Да, так сказал Христос: "Если не покаетесь, все погибнете".

Следователь волновался. На этом он закончил допрос, вызвал охрану и отправил меня в камеру с теми же словами: "Подумай. Я тебя вызову снова".

У читателя может возникнуть вопрос: откуда следователь достал схему Божьего плана спасения? Она была найдена у одного из моих учеников при обыске, и этот ученик находился в той же тюрьме под следствием.

СНОВА НА ДОПРОСЕ

Через несколько дней меня снова отвели на допрос. Следователь назвал имя одного армянина и спросил меня, был ли я у него в доме? Я ответил утвердительно.

- Вы пели там песню о ласточке?

- Нет, такой песни я не знаю. Я пел там песню о соловье.

Я знал, что песня о ласточке - это национальная армянская песня, содержание которой было не в духе советской политики.

- Переведи мне свою песню на русский язык, песню о соловье.

Я перевел. Во втором четверостишии сказано:

"Если бы я был соловьем в Ливанских лесах, Только о твоей любви я пел бы всю мою жизнь.

Если бы я имел тысячу жизней на этой земле, Я все их пожертвовал бы возлюбленному Иисусу".

Следователь покачал головой. Он понял, что все эти допросы, голод, холод, бессонница, которым я был подвержен, не дают ожидаемого результата. Он решил подвергнуть меня особому испытанию.

На следующий день меня посадили в "воронок" и отвезли в другую тюрьму, в главное здание, где производились расстрелы. Два охранника привели меня во двор тюрьмы, открыли двери темной камеры - это был карцер - и толкнули меня туда со словами:

- Хорошая комната?

- Хорошая, - ответил я.

- Ты не выйдешь отсюда до смерти, если не подпишешь то, что от тебя требуется.

- В 1913 году я покаялся и вручил мою жизнь Богу.

И если Богу угодно мне здесь умереть, я готов, - ответил я.

- Посмотрим...

В КАРЦЕРЕ

Карцер, длиною в четыре и шириною в два шага, темный и сырой, холодный, обдал могильным духом. Пол был земляной, присесть не было возможности.

Когда двери закрылись на замок, я вспомнил свою любимую песню и тихо запел:

Там нет тьмы, нет гроз, Но как солнце, там светит Христос.

- Прекрати пение! - раздался голос снаружи. - Петь запрещено!

- Кого ты пугаешь? - спросил я сам себя. Хуже этого положения быть не может.

Я вспомнил армянскую пословицу: "Упавший в реку не боится дождя".

Окончив пение, я преклонил колени на мокрую землю и начал просить Господа, чтобы Он дал мне силы остаться верным Ему до смерти. Вдруг мне представилось видение. Я увидел жену, и внутренний голос спросил: "Готов ты пожертвовать своей женой ради Меня?" - "Да, готов", - ответил я.

Жена скрылась, и предстала предо мною старшая дочь. Тот же голос спросил: "Клару тоже пожертвуешь для Меня?" Я еще не успел дать ответ, как услышал имена других моих детей: "...а Эммануила, Роберта, Альберта тоже готов пожертвовать ради Меня?" Я ответил утвердительно. "А свою жизнь готов отдать за Меня вот в этой яме?" И когда я

ответил: "Да, Господи!" - Дух Святой с такой силой сошел на Меня, что мне казалось, я сейчас же готов последовать примеру отца и отдать свою голову на отсечение за имя Господа.

Прошло несколько часов. Меня вызвал тот же следователь и привел двух свидетелей. Одному он сказал: "Повтори те слова, которые он говорил против правительства!" - Я не слышал от него никаких слов против правительства, - ответил свидетель.

- А вот эти показания, подписанные тобою, твои?

- Нет, не мои, - смело ответил свидетель.

Следователь выругался по-матерному и вызвал второго свидетеля для очной ставки. Я взглянул на него и вспомнил, что это был новообращенный брат из Ставрополя. Он приезжал в Кисловодск на отдых, посетил наши собрания и побывал у меня дома. Мы приняли его с радушием, как родного брата. И теперь я смотрел на него, худого, изможденного до неузнаваемости. Было видно, что он много пережил в тюрьме.

Когда он взглянул на меня, сразу опустил голову и тихо проговорил:

- Брат дорогой, я не знал, что из-за меня вы попали сюда. Помню, с какой любовью вы угощали меня, когда я ночевал у вас. Вы легли спать на пол, а меня положили на свою постель...

Он тихо плакал, а следователь закричал на него:

- Я вызвал тебя сюда не исповедоваться перед ним, а сказать слова, записанные вот здесь, или они не твои?

- Нет, не мои. Это вы написали...

- Я сгною тебя в тюрьме, если ты вот здесь не распишешься, - кричал следователь. - Хочешь, я снова пошлю тебя туда, где был!

Перепуганный брат дрожащею рукою подписал бумагу и, не глядя на меня, стал у стены.

- Вот, видишь показания против тебя? А ты упорствуешь! Уведите его, - приказал следователь охране.

Зная о тех методах, которыми следователи добиваются "показаний", я несколько не обиделся на брата, подписавшего показания. Он был новообращенным, еще не утвержден в истине и не был способен стоять за нее до смерти. Меня утешала мысль, что все эти переживания и мучения я переносу за моего Спасителя, Который из любви ко мне страдал неизмеримо больше.

В ОДИНОЧКЕ

Сорок пять дней прошло с тех пор, как я был брошен в тюрьму. Я едва стоял на ногах от бессилия. Я слышал биение моего сердца, как ход часов. Сорок пять дней я не брился и не мылся. От жены не было никаких сведений. Меня снова бросили в одиночку, но в такое трудное время Господь подходит к нам ближе, чтобы утешать и поддерживать нашу веру. Он принимает участие в наших страданиях, делает нас способными вынести все испытания и выйти победителями.

В одиночку, в темную сырую комнатку, принесли мне свечу. Я поставил ее на землю и сказал:

"Бедная свеча, из-за меня и ты оказалась в темнице, а могла бы быть в доме и радовать людей, которые не имеют лампы, не имеют электричества. Но для тебя все равно, где светить. Было время, когда я в больших собраниях проповедовал Евангелие и часто приводил тебя в пример людям, а теперь вот Господь хочет, чтобы я светил жестоким атеистам".

Свеча вскоре погасла. Она сгорела до основания. Так, наверное, будет и со мною. Позднее я задумался, для чего принесли свечу? Потом узнал, что многие арестанты не выдерживают одиночества и, ударяясь головой об стену, умирают. Но я не собирался так кончать жизнь, ибо со мною был Господь.

Когда свеча погасла, охранник внес в камеру раскладушку и сказал:

- Ты имеешь право лежать на ней 8 часов.

Я помолился Господу, поблагодарил за эту раскладушку и вскоре уснул. Утром кровать унесли, и я должен был стоять на ногах 16 часов.

От сырости вся одежда была мокрой, что вызывало боль в костях. Прислониться к стене было невозможно из-за влажности. Только невидимая рука Господа поддерживала меня на ногах.

Через 5 дней следователь снова вызвал меня.

- Ну, как понравилась одиночка? - спросил он.

- Как видите, выжил. А моя вера еще больше укрепилась.

- Упорный ты человек. Не знаю, как быть с тобой? - пробурчал следователь. "Слава Богу, сатана начал унывать", - подумал я.

Следователь подвел меня к дверям кабинета начальника:

- Примите его, займитесь с ним сами.

Начальник сидел за огромным столом и молча смотрел на меня. Я тоже смотрел на него, не отводя глаз.

- Пророк! - усмехнулся начальник.

- Быть пророком - большая честь, - ответил я ему. - До сих пор я был только евангелистом, а вы дали мне повышение.

- Садись. Почему упорствуешь? Подпиши вот бумагу и иди домой. Ты же не буржуй, а рабочий, своими руками зарабатывал себе хлеб. Имеешь жену, пять детей. Не любишь ты их, а еще в Бога веруешь...

- Я люблю жену и детей, но истину люблю больше. Вот поэтому я и не могу подписать отречение от Бога.

- Если ты так решил - сгниешь в тюрьме.

- Да будет воля Божия во всем, - ответил я, а в душе прозвучал голос: "Ты выйдешь из тюрьмы и будешь жить дольше, чем он".

Начальник позвонил по телефону, меня перевели в другую комнату, и другой начальник начал допрос:

- В каких местах ты проповедовал?

Я назвал несколько городов.

- Назови имена пресвитеров тех церквей, где ты проповедовал.

Этот вопрос был для меня неожиданным. Я решил не называть их имен, но в эту минуту Дух Святой, как и написано в ев. Матфея 10,16-20, подсказал мне:

"Назови умерших братьев". Я вспомнил несколько таких имен, назвал их, зная, что они уже у Господа. И я был рад, что их уже никто арестовать не может.

На этом допрос закончился.

ПОСЛЕДНИЙ РАЗ У СЛЕДОВАТЕЛЯ

Наконец допросы кончились. Следователь вызвал меня еще раз и сказал, что его начальник велел закончить мое дело и передать в суд.

- Последний вопрос: не чувствуешь ли ты себя виновным перед государством?

- Нет, я невиновен и никогда в душе не имел ненависти к государству.

- В таком случае подпиши вот эту бумагу, и дело будет закончено.

Я попытался прочитать, что же написано на этой бумаге, но не мог. Мои глаза совсем ослабли за время пребывания в тюрьме.

- Здесь написано, что ты не считаешь себя виновным. Это все, - сказал следователь. - Поверь мне и подпиши.

Полагаясь на Господа, я подписал эту бумагу. И вдруг у меня появилось желание сказать следователю:

"до свидания". Я протянул ему руку. Он тоже подал мне руку и пожал ее, смущенно опустив голову. Я знал, что следователям запрещено называть подсудимых товарищами и прощаться с ними рукопожатием. И я сказал ему:

- В течение этих 50 дней я сказал вам все, что должен был сказать как христианин. Мы поговорили о многом. В эти дни вы были ко мне очень жестоки, но я невиновен перед государством. Как христианин я прощаю вам. В моем сердце, Бог свидетель, нет никакой ненависти к вам. Я желаю вам всего хорошего.

Следователь молчаливо выслушивал эти слова, заметно бледнея, а потом, наклонившись ко мне, дрожащими губами прошептал: "Я знаю, что вы невиновны, но у меня ведь есть начальник. Он заставил меня бросать вас в карцер и в одиночку. Я желаю, чтобы вы вышли на свободу. Советую вам найти хорошего адвоката и объяснить ему о своем деле, чтобы во время суда он мог освободить вас".

Следователи никогда не говорили с заключенными на "вы", но здесь следователь нарушил правило и, еще раз сказав "до свидания", сам отвел меня в общую камеру и приказал, чтобы меня подстригли и сводили в баню.

Так добро победило зло, и враг смягчил свое сердце.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ЖЕНОЙ И ДОЧЕРЬЮ

...После бани я вернулся в камеру и лег на голые нары. Через несколько минут открылась дверь и охранник, назвав меня по имени, вручил корзину, наполненную продуктами. Кроме хлеба в корзине были яйца и вареная курица. Я понял, что, наконец, от жены приняли передачу.

- Друзья, вы такие голодные, как и я, - сказал я сокамерникам. - Давайте поедем вместе.

Вскоре снова открылась дверь, меня вывели в пустую комнату, а через несколько минут пустили жену, свояка и семилетнюю дочь. Мы радовались и плакали.

- Что же ты сделал против правительства, что тебя так мучили? - спросила жена. Милиционер стоял рядом и наблюдал за нами.

- Ты хорошо знаешь, что я невиновен. Зачем беспокоиться? Разве мы не должны страдать ради истины? - сказал я жене, стараясь утешить ее как мог. А дочь в это время обнимала меня, целовала, и ее большие красивые глаза были полны слез.

- Руфочка, как ты живешь, как твои братья и сестры?

Вместо ответа Руфь, обнимая меня, смачивала мои худые щеки слезами и накладывала в мой карман конфеты.

Картина была настолько трогательная, что стерегуший нас охранник прослезился и сказал: "Девочка, не плачь, скоро папу освободят".

Свидание продолжалось 15 минут, расстались мы в тяжелой скорби. Ошеломленный этой встречей, я три дня не мог прийти в себя. Те страдания, которые я пережил за 50 дней, казались мне ничем в сравнении с той скорбью, которую причинили мне слезы моей дочери. За эти три дня мои волосы поседели, и я еще больше ослаб телесно. И я воззвал к Господу в молитве: "Господи, я хочу нести свой крест с радостью, но прошу Тебя уменьшить в моем сердце любовь к дочери, чтобы она не превзошла любви к Тебе". И Господь услышал эту молитву. Мое сердце наполнилось миром, и тяжесть креста облегчилась.

Через неделю следователь снова разрешил мне свидание с женой и моей Руфью. Я спросил жену, почему Руфь так похудела. Она ответила: "День и ночь она плачет из-за тебя, и ничем ее нельзя утешить".

И здесь я лучше понял слова Христа: "Если кто хочет идти за Мною, пусть отречется от себя, возьмет свой крест и следует за Мной... и кто возлюбит сына или дочь больше Меня, недостоин Меня" (Матф. 10,37).

Жена рассказала, что за 50 дней моего ареста она несколько раз приносила мне передачу, многие часы простаивала в очереди, но ей отказывали, и она со слезами возвращалась домой. Когда же она в последний день моего допроса принесла передачу и обратилась к моему следователю, он принял ее вежливо, передал ей мои очки и часы и сказал:

- Ваш муж - глубоко верующий человек. Он заставил меня много думать.

И я понял, что сердце его мучила совесть.

Через несколько дней после окончания следствия мне сообщили, что мой следователь арестован. Быть может, это говорит о том, что он покался и отказался от своей должности, чтобы не мучить невинных людей? А мне он, между прочим, говорил, что имеет двадцатилетний стаж следовательской работы. И если следователь действительно покался и спасен, и я увижу его в вечности - разве только ради этого не стоило пострадать 50 дней? Подумаем, что стоило спасение грешника Христу?

В ГОРОДСКОЙ ТЮРЬМЕ

После окончания допросов меня перевезли в городскую тюрьму и втолкнули в камеру, в которой уже находилось приблизительно 50 человек. Среди них были не только политические, но убийцы, воры, растратчики. Я находил людей, с которыми мог разговаривать на разные темы. В камере сидел долгое время верующий немец. С ним я мог говорить на духовные темы, а главное, он взялся учить меня немецкому языку, что в будущем мне очень пригодилось.

Передачи не были запрещены, но моя семья жила в 100 км. от города, и я не мог пользоваться этим преимуществом.

И все же одна сестра по вере передала мне пакет с фруктами, которые были завернуты в страницы Евангелия от Матфея. Это было для меня великим утешением. Я бережно хранил эти страницы и подчеркнул слова Матф. 5,10-12: "Блаженны изгнанные за правду... Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах".

Помню, сокамерники меня спросили: "Кто принес тебе передачу?" - "Одна русская сестра", - ответил я. "Как может русская быть тебе сестрой, если ты - армянин?" - спросили у меня. "Через кровь Иисуса Христа", - ответил я, и здесь мне представилась хорошая возможность объяснить спрашивающим, что значит быть братом и сестрой во Христе.

Это объяснение слушал арестованный коммунист, а таких было в камере немало. И он сказал: "Да, видно, среди вас есть любовь, если русская женщина, рискуя своим благополучием, осмелилась на такое дело. А я вот коммунист, имел много друзей, и ни один не осмелился передать мне пачку махорки. Вот оно как..." Однажды, когда нас выводили во двор на прогулку, я увидел в другой группе брата Чернявского. Он постарел, осунулся, еле передвигал ноги. Мы посмотрели друг на друга с великой печалью, но поговорить не могли. Это была моя последняя встреча с верным слугой Господа. В лагерях он заболел и когда уже был при смерти, его отпустили домой, чтобы он в своем доме закрыл глаза.

В этой тюрьме я пробыл 2 месяца. Никакого суда не было, а просто из Москвы пришел список осужденных на разные сроки от 25 лет и ниже. Меня приговорили к пяти годам исправительно-трудовых работ в холодных краях Сибири. Мне удалось сообщить жене, чтобы она приехала на последнее свидание. И она приехала с двумя сыновьями -

Робертом и Альбертом. На свидание нам дали 15 минут. Каково же было мое удивление, когда с ними приехала также сестра А. Погосян. Это был большой риск, но она была преданной Господу христианкой. Позднее ее арестовали и сослали в лагерь.

Моя жена, услышав о судебном приговоре, расплакалась и спросила:

- Как же я буду жить с пятью детьми пять лет без тебя?

- Разве я вас содержал? Тот, Кто помогал нам до сих пор, поможет и в будущем, - ответил я жене.

Другого ничего я сказать ей не мог.

15 минут свидания прошли очень быстро. Я попросил охранника позволить поцеловать моих сыновей через решетку. Он позволил, и я, поцеловав детей, простился с ними и с женой на 5 лет и 7 месяцев.

ПУТЬ НА КОЛЫМУ

Через несколько дней нас, осужденных без суда, выстроили во дворе тюрьмы и отправили строем на железнодорожную станцию. В пути я напевал:

Будьте героями, братья,
Будем трудиться без страха
Для Господа, Искупителя
Верю, Духом Святым.

Нас привезли в Ростов. Стоял жаркий день. Нас выгрузили из вагона и направили в пересылочную тюрьму Ростова. Перед входом в ворота тюрьмы объявили: "На пересылке очень много воров. Все, кто имеет ценные вещи и деньги, сдайте на хранение". Я, как и другие, сдал имевшиеся у меня деньги, но их уже никогда мне не вернули.

Нас ввели в переполненный арестантами подвал тюрьмы. Люди лежали на полу буквально голыми. С большим трудом мы, новоприбывшие, пробрались в середину. Сесть было некуда. Пришлось стоять в густой темноте в ожидании местечка, чтобы только присесть. Скот, который сгоняют на убой, содержится в лучшем помещении, а здесь живые люди испытывали невероятную муку от жары и тесноты и, конечно, от голода.

В первую же ночь воры нас всех, новоприбывших, обворовали. В таком положении мы оставались три недели, после чего нас перевели в другое помещение, которое было немного просторнее. И не раз мне приходили на память слова Писания: "Переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа". Один раз в сутки нас выводили на прогулку, чтобы подышать свежим воздухом. Первый раз в жизни я оценил чистый воздух и

возблагодарил Бога. Кому приходит в голову благодарить Бога за чистый воздух, а там, в этой страшной камере, я не раз говорил Господу:

"Боже, прости, что до сей поры я ни разу не благодарил Тебя за чистый воздух, которым дышал".

Из Ростова нас повезли во Владивосток в специальных вагонах по 36 человек в каждом. На дорогу давали 400 граммов хлеба и одну селедку. Нас одолевала жажда, но воды не было, и на все наши крики:

"Воды, воды!" - охрана только посмеивалась. На больших станциях нам давали ведро воды на весь вагон, но воры господствовали над нами, и нам доставалось не больше четверти стакана воды.

В нашем вагоне было 16 верующих и 20 атеистов. Я предложил вести беседу о Божьем плане спасения, и атеисты согласились на это. И там я понял слова ап. Павла: "Для слова Божия нет уз".

Наше путешествие длилось 32 дня. В Иркутске мы провели два дня, там нам разрешили сходить в баню, а остальные 30 дней не выпускали из вагона.

Во Владивостоке нас поместили в большом лагере, где были тысячи других ссыльных. Днем люди выходили из бараков в большой двор и продавали все, что имели, чтобы чем-нибудь дополнить голодный арестантский паек. Я имел только случайно уцелевшие полтора рубля, на которые ничего не мог купить. Я решил заняться чисткой обуви. Арестанты все еще носили свою одежду, некоторые - костюмы и обувь. Ведь среди арестованных были и те, что занимали в обществе до ареста высокое положение. Я купил случайно щетку за 2 рубля 50 копеек (пришлось одолжить рубль у верующего немца), во дворе нашел старую калошу и старый таз. Сжигая калошу, я собрал сажу, добавил в нее жидкость из рыбного супа, сахару, и у меня получился вид какой-то мази. Я нашел удобное место и занялся чисткой обуви.

В первый день я заработал 12 рублей. Господь помог мне таким образом укрепиться физически и даже помочь одному бедному, молодому русскому брату. Потом я купил бритву и ножницы, занялся парикмахерским делом и таким образом избежал голода.

В то же самое время я занялся духовной работой. Нас собралось шесть братьев, и примостившись в уголке барака, я излагал им Божий план спасения. Один брат однажды сказал: "Если бы не тюрьма, я, наверное, никогда бы не услышал эту великую истину".

КОЛЫМА

В пересылочном лагере во Владивостоке мы пробыли более двух месяцев. Нас готовили к отправке в Колымский край, самое холодное место восточной Сибири, где лето короткое,

а зимой морозы достигают 50 градусов ниже нуля. В летнее время земля оттаивает только на полметра, и тогда на короткое время появляется редкая зелень. Но на Колыме много золота и других руд. И нам выпала доля ехать на Колыму для тяжелых работ.

Из Владивостока конвоиры гнали нас до пристани строем. Обессиленные люди падали, конвоиры их избивали. И мне казалось, что я уже не дотяну до парохода, но Господь помог и здесь, как Он помогал мне всегда.

Нас погрузили на большой пароход, как грузят скот. Теснота была невыносимая. Через два дня началась качка, и многие заболели морской болезнью.

Медицинской помощи никакой не было, и многие на пароходе умерли. Умер и один наш брат - парикмахер. Он был сброшен в море, как и другие умершие.

Мы плыли восемь дней, все 8 дней я лежал на спине и, благодарение Богу, не заболел.

В сентябре 1937 года мы прибыли к пристани Нагаев, и там нас выгрузили. Уже стояли холода.

Морозный воздух захватывал дыхание, а нас гнали без отдыха 7 километров до пересыльного лагеря. Это были старые, дырявые палатки. Там нас одели в арестантскую одежду, а свои пальто, белье и кое-что другое я зашил в мешок, который служил мне матрасом.

Через несколько дней нас погрузили в открытые грузовики и к вечеру привезли в какой-то пересылочный пункт. От неподвижного стояния в грузовике мы не могли двинуть ногами, но кое-как переночевали в палатках, а на утро снова в путь в таком же положении. И только к вечеру второго дня нас привезли на место назначения.

Наше тридцатидвухдневное путешествие поездом и восьмидневное плавание на пароходе мне показались более сносными, чем эти два переезда на грузовиках...

НА НОВОМ МЕСТЕ

На новом месте ссылки нас поместили в бараках. Первую ночь я спал на мокром полу (другого места не было), но меня спас от простуды мой матрас.

Через два дня конвоиры повели нас на работу. На большой площади нужно было расчистить снег метровой толщины, а затем копать землю для проведения канала. Земля была мерзлой и каменной. Ее взрывали динамитом, а потом нужно было вывозить ее в тачках и сыпать в определенное место.

Рабочий день длился 16 часов. Перерыв на обед - один час. На обед выдавался кусочек хлеба и немного супа, что не могло утолить голода.

О лагерной жизни на Кольме писали уже многие, но в нескольких словах хочется рассказать и мне, насколько кошмарными были эти годы пребывания в лагере.

С работы мы возвращались в бараки промокшими.

Сразу же нужно было становиться в очередь за получением черпака супа с гнилой капустой, а проглотив суп - вторая очередь у печки, чтобы высушить мокрую одежду. А эта процедура занимала до двух часов. На сон нам оставалось 4-5 часов. И снова звонок, снова построение, снова "шагом марш" на объект работы. Работали мы без выходных дней.

При таком режиме люди умирали в лагере ежедневно. Других же с отмороженными руками и ногами переводили в инвалидную группу, и там они большей частью умирали с голода или кончали самоубийством.

Ко всем трудностям прибавилась еще одна: мои глаза слабели с каждым днем. Однажды по пути на работу я отстал и потерял дорогу. Дорога была покрыта снегом, следы быстро заметала метель. Уже приближалось время обеда, а я все еще не дошел до места работы. Я вспомнил, как заблудилась Агарь в пустыне, взмолился Богу и даже начал громко плакать. Через минуту меня встретил инженер, который возвращался с места работы, и он указал мне путь до объекта. Я рассказал надзирателю все, что со мной случилось, и сказал ему, что я буду работать во время обеда, чтобы искупить мою вину. Но надзиратель оказался человеком добросовестным, поверил моему рассказу, и вскоре меня перевели на другую работу. Вместе с одним греком мы должны были заготавливать дрова для кухни и таскать их в лагерь, запрягаясь в сани. Эта работа занимала у нас 12 часов вместо 16 на карьере.

Когда настало лето, нас, 20 человек инвалидов, перевели в лес рубить дрова. Там мы жили в ветхом бараке. Для 20 человек понадобился повар. Надзиратель назначил меня на эту работу. Это было великое для меня преимущество. К сожалению, я не удержался на этой работе. Надзиратель ожидал, что я тайно буду его кормить, урезая рацион бедных работяг, но это было против моей совести. И я ему отказал. Я и себе не разрешал есть больше, чем полагалось другим. Надзиратель назначил другого повара, и все люди сразу увидели разницу во вкусе обеда, но роптать не разрешалось. Несправедливость в лагерях оставалась без наказания.

Работа в лесу была очень тяжелой, нормированной. Нужно было свалить 70 деревьев за 12 часов, очистить от веток, разрезать и сложить. А дожди шли непрерывно, барак наш протекал, как решето, и просушиться за ночь не было возможности.

Благодарение Богу, Он допустил, чтобы мои глаза так заболели, что я еле различал свет. Меня отправили в больницу, и это спасло меня от смерти в лесу.

В больнице я пролежал 40 дней, отдохнул и физически окреп.

Когда зрение мое улучшилось, меня сразу же перевели на прежнее место.

Так как питание было хорошее, я физически окреп, но снова заболели мои глаза, и я едва не потерял зрение. Врач вынужден был освободить меня от труда и отправить в лагерь, где жили инвалиды.

НОВАЯ РАБОТА В ИНВАЛИДНОМ ЛАГЕРЕ

Для лечения цинги нам давали отвар из хвои. Для сбора хвойных игл была создана команда из 50 инвалидов, куда вошел и я. Была определена норма: 20 килограммов игл. Очень немногие могли выполнить ее. В зависимости от выполнения нормы выдавалось питание. Тот, кто выполнял норму на 50%, получал питание по 6-й категории, то есть обрекал себя на голодную смерть.

Хвойные деревья были невысокие, и это облегчало сбор иголок. А я умудрился срывать иглы только с верхушек. Они были тяжелее, и потому я выполнял норму на 100% и даже больше. А те, кто работал лениво, терял время на разговоры, умирали с голоду.

Зимой эта работа облегчилась тем, что иглы отрывались легко, так как были мерзлыми. И я выполнял норму до 200%. В дополнение к пайку первой категории мне выдавали 50 рублей деньгами, на которые я мог купить 1 кг хлеба в день, немного сахара и масла в лагерьной лавке.

Мое имя поместили на красной доске как "стахановца". Это впоследствии помогло мне освободиться из ссылки, а точнее - от дополнительного срока, что часто практиковалось в то время.

В инвалидном лагере жили калеки, неспособные ни к какому физическому труду. Это была не жизнь, существование - в холодных палатках. Один черпак супа и 400 граммов хлеба - дневной рацион. Ежедневно от голода и болезней умирало 20-30 человек.

Я прожил в этом лагере более трех лет и настолько ослаб, что едва-едва мог ходить. И хотя желудок постоянно точил червь голода, в душе царили мир и покой. Мои трудности я нес во имя Господа, и в сравнении с Его распятием они ничего не стоили.

В соседней палатке жил один брат по вере. Он совершенно ослеп. Я часто заходил утешить его и говорил: "Не унывай, брат. Мы за наши страдания получим от Господа награду, если будем нести крест свой без ропота, а с радостью". А сатане я уже не раз сказал, что и с голодным желудком буду славить Господа, и он уже потерял на меня надежду и не искушал.

Однажды летом я вышел на прогулку и вспомнил о своей семье, что не раз бывало. Если бы жена и дети встретились со мной в эту минуту, они бы меня не узнали, разве только по голосу... Так размышляя, я громко заплакал. Потом подсчитал, что осталось быть в

заклучении 930 дней. Выживу ли? Темные тучи спустились надо мной. И тут же Дух Святой пришел мне на помощь и спросил меня: "Ты считаешь себя жалким, бедным, несчастным. Но если бы сейчас пред тобою предстал Сталин и сказал тебе: "Снимай свою одежду и дай ее мне, а взамен возьми мою, поезжай в Москву и займи там мое место. Я останусь в этом лагере вместо тебя на все 930 дней, но с таким условием, чтобы ты дал мне свою веру в Бога, а себе взял мое неверие. Согласен?" И я, подняв руку, громко ответил: "Нет, никогда!" - Что же ты унываешь? Ты счастливее Сталина, - утешил меня внутренний голос. И я вспомнил Св.

Писание и сказал сам себе: ведь ты же наследник Божий, сонаследник Христу и... расплакался. Не стыдно ли тебе?

И я там же склонил колени и просил у Господа прощения за малодушные мысли.

В этом лагере я встретил армянина-учителя. Когда я начал с ним разговор о Боге, он смеялся надо мной, но вскоре его перевели в нашу палатку и дали место рядом со мной. Я сразу же увидел в этом план Божий и продолжал свидетельствовать о своем обращении к Богу, о перемене жизни. Армянин слушал внимательно, а когда я начал ему объяснять духовную сущность человека и указал на законы природы, свидетельствующие о существовании Творца, он задумался и потом сказал: "Ты меня убедил. Отныне я верю в Бога и отдаю Ему свою жизнь".

Однажды этот армянин так вдохновился в разговоре, что сказал: "Когда мы отсюда освободимся, я буду вашим помощником в проповеди Евангелия". Но это не исполнилось. Он вскоре умер от обмороживания. Я побывал у него в больнице (армянин-санитар позволил мне), и там после краткой беседы он покаялся и на следующий день умер.

В этом же лагере я встретил другого армянина, оказалось, он не раз приходил на собрания, которые устраивались в нашем приюте, но стремясь получить высшее образование, он удержал себя от покаяния, чтобы это не было помехой для поступления в университет. После окончания его оставили на преподавательской работе в том же университете, но он не имел мира в душе, и, ко всему прочему, был обвинен в троцкистском уклоне и осужден на ссылку. Теперь его мучили укоры совести, и он спрашивал меня: "Простит ли Господь мое отречение от Него?" Я привел ему ряд примеров из Св. Писания, напомнил об отречении Петра, о Божьем обещании простить каждого, кто исповедует свои грехи, и советовал ему покаяться. Слава Богу, он согласился, обратился к Богу в молитве и получил радость спасения. Вскоре и он умер с верою в Божие искупление.

Другим арестантам я свидетельствовал о спасении и благодарил Бога, что Он давал мне эту возможность, и в своем свидетельстве я получал духовную силу. Мы часто собирались армянской группой, где я пел христианские песни по-армянски и смело свидетельствовал

о Господе. Лагерное начальство не придавало этому значения, считая нас так или иначе обреченными на смерть.

В нашей палатке были также магометане. Они понимали по-турецки. Я им рассказывал истории из Св. Писания, а после предлагал покаяться, указывая на Христа как Искупителя от грехов. Они с интересом слушали меня, и только один Господь знает, какие плоды принесло то семя, которое я там сеял.

До окончания срока заключения оставалось несколько месяцев. В это время в нашем инвалидном лагере открылась мастерская по изготовлению обуви из веревок. И хотя врач не позволял мне идти на эту пыльную работу, чтобы спасти мне зрение, но я с надеждой на Господа пошел, чтобы получать больше хлеба.

Я начал работать в этой мастерской, за короткое время освоил данное ремесло, стал перевыполнять норму и физически укрепился. Но вскоре часть нашего лагеря перевезли в один из сибирских лагерей, где также были организованы мастерские.

Здесь нас поместили в бараках. Среди других была и мастерская по изготовлению обуви из веревок. Так как я был уже знаком с этим делом, меня назначили инструктором. Каждому заключенному была дана норма - изготовить полторы пары обуви, но я придумал новые методы и начал изготавливать четыре пары. И когда я показал эту обувь нашему начальнику, он удивился и приказал выдавать мне по 900 граммов хлеба и обед первой категории.

Таким образом я снова стал стахановцем и с каждым днем физически укреплялся. Изготавливаемая нами обувь предназначалась для красноармейцев-пограничников .

На новом месте я чувствовал себя одиноким, ибо не имел верующих друзей, с кем можно было бы иметь духовное общение. Однажды я прошел в другие бараки с намерением прислушаться к разговорам людей и попробовать определить, кто из них верующий. Но мне не удалось найти никого, и я скорбел в одиночестве.

Возвратившись в барак, я прилег на нары и, вздохнув, сказал громко словами одной нашей христианской песни: "Вот так и проходит наша жизнь: год за годом, день за днем..." И вдруг в стороне раздался голос: "Мы к концу забот идем. Вот последний час пробьет и Он (Спаситель) придет".

Вам, читатель, трудно представить мою радость, когда я услышал слова, которые являлись окончанием нашей христианской песни. Я сразу же подошел к этому человеку, вывел его во двор и спросил: "Вы - верующий?" - "Да", - ответил он с радостью.

Мы обнялись, расцеловались, как брат с братом, и ежедневно встречались, чтобы утешать друг друга.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Однажды во время работы ко мне подошел знакомый и сказал:

- Бросай работу. У меня для тебя радостная новость.

- Письмо из дома? Посылка пришла? - спросил я..

- Нет, нечто лучшее. Ты выходишь на свободу.

Иди и прочитай список освобожденных.

Я спросил разрешения у надзирателя и пошел к доске объявлений. Действительно, там висел список и в списке мое имя. Я вернулся на место работы, сказал об этом надзирателю, все бросились поздравлять меня с освобождением. Радости моей не было конца. Весь мир для меня преобразился. Я еще два дня оставался в лагере и спал на той же жалкой постели, но таким сладким сном, как будто спал уже дома.

Почему меня удивило освобождение? Потому что после того, как исполнилось пять лет моего заключения, я пошел к коменданту и спросил его, почему меня не освобождают. Он проверил мои документы и ответил:

- Вы евангелист. Для вашего освобождения должен быть особый приказ из Москвы.

Этот ответ меня очень опечалил. Ведь так они могут держать меня в заключении еще пять лет, а то и десять, как это случалось с другими проповедниками, которые в заключении умирали.

До этого времени я считал дни, ожидая освобождения, а после такого разговора с начальником уже не было смысла это делать. Но я все же продолжал верить, что Бог откроет мне двери, когда найдет это нужным. Таким образом я пробыл в заключении на 7 месяцев дольше срока.

Как раз в это время под Сталинградом шли жестокие бои, свирепствовал голод. Страна нуждалась в пополнении армии. Вот почему из Москвы пришел приказ, чтобы всех, отбывших срок тюремного заключения, освободить для медицинского освидетельствования и годных - отправить на фронт защищать страну, а безнадежных инвалидов отослать домой.

В канцелярии лагеря мне выдали документы, билет и немного хлеба. По дороге к железнодорожной станции мне встретилась женщина, и я спросил ее, где находится базар. Мне хотелось купить кое-какие продукты. За хорошую работу мне выплачивали 50-60 рублей в месяц, и эти деньги я хранил.

На базаре трудно было купить продукты. Если кто-нибудь приносил что-то для продажи, сразу же появлялась очередь. Но мне удалось купить литр молока за 5 рублей - раньше оно стоило 20 копеек. И я ел хлеб с молоком впервые за 5 лет и 7 месяцев! Потом я пошел в ресторан, заказал суп и 2 маленькие рыбки, затем заказал еще порцию, и все равно остался голодным. Но я знал, что переедание опасно для жизни, и на этом остановился. Потом я телеграфировал жене об освобождении, что примерно через 15 дней, если даст Бог, мы встретимся.

Прогуливаясь по улицам, я спрашивал у женщин, знают ли они, где есть церковь евангелистов, но никто мне не мог ответить. Когда я пришел на станцию, чтобы уехать с первым поездом, вокзал уже был переполнен такими, как я, освобожденными из заключения. Мне сказали, что в пассажирские поезда бывших заключенных не пускают. Когда остановился скорый поезд, я помолился, вышел на платформу и подошел к кондуктору, чтобы войти в вагон, но кондуктор не пустил. "Ждите особого поезда", - ответил он мне. Я подошел к другому вагону, третьему, и все отказывали. Кондуктору последнего вагона я сказал:

- Слушай, молодой человек, если бы я был твоим родным братом и ты бы знал, что я только что вышел из тюрьмы, и ехать мне нужно далеко, разве не разрешил бы ты мне войти в вагон? Пусти, дорогой. Я дам тебе 5 рублей...

Кондуктор посмотрел по сторонам и сказал:

- Заходи! Быстро!

Как только я вошел в поезд, ко мне подошел татарин. Он заговорил со мной по-турецки и обрадовался, когда узнал, что я знаю русский язык.

- Пойдем в мое купе. Будешь моим переводчиком, - предложил он мне. - Меня отпустили домой после ранения на 6 месяцев.

Это была Господня милость, что я скорым поездом доехал до Сталинграда.

От Сталинграда до Кавказа мне пришлось ехать товарным поездом. Мой хлеб уже кончился, я начал голодать. Но и здесь Господь пошел мне навстречу. В товарном поезде ехали военные. Один армянин пристально смотрел на меня, а потом, наклонившись, тихо спросил:

- Откуда едешь?

- Из заключения, - ответил я.

Он замолчал, а когда поезд остановился на станции, он получил свой паек и разделил со мною. Таким образом и здесь Господь меня накормил.

На другой день я сделал последнюю пересадку. Мы приближались к городу, где меня ожидала жена. Но я снова был голоден. Напротив меня сидела русская женщина. Она смотрела на меня печальными глазами, а потом спросила; - Наверное, из заключения?

И когда я ответил утвердительно, она открыла свою сумку, нашла среди других вещей ломоть хлеба и, подавая мне, сказала:

- Это все, что у меня есть. Возьмите. Я вижу, вы голодны.

Я поблагодарил эту женщину, как родную мать. Ее хлеб был слаще лучшего торта, ибо она дала его мне из любви к бедному и голодному человеку.

Через некоторое время я встретил эту женщину в доме одного брата по вере и, снова поблагодарив ее, свидетельствовал ей о Спасителе, и она охотно принимала Хлеб жизни.

ВСТРЕЧА С СЕМЬЕЙ

В родном городе на станции меня никто не встречал. Жена несколько раз приходила на вокзал, но откуда она могла знать, каким именно поездом я приеду?

Возле дома я увидел младшего сына Роберта. Он играл, посмотрел на меня равнодушно и продолжал игру. Я, не сказав ему ни слова, вошел в дом. И когда в доме другие дети узнали меня, они все закричали от радости так громко, что соседи подумали, что наш дом загорелся, - Дети, дайте умыться, а потом будете целовать, - сказал я детям. Кто-то побежал к жене на работу и сообщил о моем приезде. Когда я помылся, оделся в чистую одежду и начал бриться, прибежала жена в слезах от радости.

- Ну, вот садись на этот стул. На него никто не садился после нашей разлуки, - сказала жена. - И рассказывай, как ты выжил? А я буду готовить обед.

Когда верующие нашего города услышали о моем возвращении из заключения, они начали посещать меня, а потом приглашать в гости. Помню, как меня пригласила одна семья. Их единственный сын был в заключении. В одно время со мной он был освобожден, но по дороге домой умер. А родители в тяжелые дни отрывали от своего скудного пайка продукты и готовились встретить сына, чтобы восстановить его здоровье. И вдруг такая печальная весть; он умер в пути.

Этот рассказ меня тронул глубоко, и я пытался утешать их словами Евангелия, а они в свою очередь угощали меня, как родного сына.

Тюрьма и лагеря были для меня духовным университетом, академией, где я научился следующему:

1. Нести страдания и лишения за Господа безропотно, не разочаровываясь, а хваля Его за такую честь.
2. Смиряться, терпеть, прощать врагам, любить их, чтобы привлекать их на путь спасения.
3. Ценить хлеб, воду и воздух и от сердца благодарить Бога за все Его дары. Ценить чистую одежду, обувь, постель, полотенце, иголку и нитку, и мыло, и многое другое, что так важно в обыденной жизни.
4. Дорожить семейной жизнью. Однажды моя старшая дочь написала мне: "Папочка, я каждую ночь вижу тебя во сне и радуюсь этому, а когда просыпаюсь и вижу, что это только сон, начинаю плакать. Когда же ты вернешься домой?" Какое отцовское сердце не будет скорбеть от таких слов?
5. Ценить братьев и сестер по вере, ценить собрания, братские общения, по которым я всегда тосковал.
6. Больше ценить Библию, Я был лишен Библии 5 лет и 7 месяцев и питал свою душу только теми стихами, которые знал наизусть. Когда я возвратился домой, я взял Библию, прижал ее к груди и сказал:

"Господи, после всего пережитого лишай меня чего угодно Тебе, но только не Библии". И Господь услышал мою молитву. Господь снова допустил разлуку с моей семьей, разлуку с братьями и сестрами, с дорогими церквями, где я трудился, но не разлучил меня с Библией, Она вот и теперь передо мной.

Теперь, пользуясь материальным изобилием, я не могу забыть те годы, когда я ценил черпак лагерной баланды и крошки черного хлеба. Вспоминаю, как однажды поспешно ел лагерный суп на дворе, чтобы не опоздать на работу, а в это время подул сильный ветер и засыпал мой суп пылью. Сатана воспользовался этим случаем и начал нашептывать на ухо: "Это за твою веру в Спасителя", но в ту же минуту Дух Святой сказал мне в другое ухо: "Дитя, я привел тебя сюда, чтобы испытать твою веру. В годы свободы ты пользовался многими благами от Меня, и если еще потерпишь, Я дам тебе еще больше".

Приняв эти слова к сердцу, моя душа воспрянула, и я сказал сатане:

- Я съем этот суп с аппетитом ради любви к моему Спасителю, а вторым блюдом - будет терпение. И сатана больше не смущал меня.

Как можно дать отпор сатане твердостью духа и словом Божиим!

Теперь я сижу за богатым столом, вспоминая Божьи обещания, Его верность, и моя душа полна благодарности Богу.

Когда я возвратился домой, мне радостно было видеть всех детей здоровыми. В мое отсутствие Господь хранил их под Своим крылом и дал жене работу, чтобы кормить и одевать их.

Возвратившись из заключения, я явился в местное отделение НКВД на регистрацию, как требовал закон. Мне приказали являться к ним каждые две недели. Я понял, что НКВД может снова возбудить дело против меня, так как я не прекращал свидетельствовать о моем Господе, и делал это там, где открывалась возможность.

Но здесь произошло событие, которое изменило обстановку. 11 августа 1942 года наш город заняли немцы.

ОККУПАЦИЯ

Немцы дали нам, христианам, религиозную свободу, возвратили отнятый молитвенный дом. Мы быстро отремонтировали его, и сразу образовалась церковь из 100 человек, большинство которых были мне знакомы.

В нашей церкви были старики и очень бедные люди. Я предложил организовать для них помощь. Каждый, приходящий в воскресенье в церковь, приносил с собою кое-какие продукты для нуждающихся. Господь благословил это служение. В церкви началось пробуждение. Обратились к Богу несколько атеистов.

Новообращенная молодежь после вечернего собрания ходила по домам с пением и приглашала людей в собрание. Весь город пришел в движение. Обращения к Богу были на каждом собрании.

Помню, как во время моей проповеди одна женщина встала и сказала: "Простите, что я прервала вас. Больше не могу ждать, хочу сейчас же покаяться".

Мы все стали на колени, и женщина со слезами исповедала свои грехи, а за ней и другие люди.

Через несколько недель 50 человек принимали крещение в реке, в ледяной воде.

Однажды старшие братья собрались в доме брата П. Есаулова для молитвы. Я предложил братьям начать миссионерское дело в ближайших 15 деревнях. Братья согласились. Для этого нужны были некоторые средства, мы же все были бедными. Однако решили сделать между собою посильный сбор. Когда очередь дошла до брата Есаулова, он сказал жене:

"Давай мы отдадим корову на дело Божие". Жена, будучи необращенной, сказала: "Почему корову, а не теленка?" Я прервал этот диалог со словами: "Брат, не настаивай. Давай теленка, а придет время, жена согласится и корову пожертвовать".

Некоторые братья отправились по двое в ближайшие деревни с проповедью Евангелия. В нашей миссии оказалось 70 членов. Церковь радовалась успеху.

НЕОЖИДАННАЯ РАЗЛУКА С СЕМЬЕЙ

Только что организованная миссия начала работу.

Я пошел с братом Есауловым в деревню Джагута, где брат Дорошенко был руководителем церкви баптистов. 6 января 1943 года после завтрака мы склонили колени и просили Господа использовать нас в деле благовестия Евангелия атеистам. Никто не знал, что это будет последний завтрак с семьей.

По дороге в деревню Джагута падал снег, но наши сердца горели любовью к Спасителю. Мы не чувствовали ни трудностей, ни усталости.

Брат Иван Дорошенко принял нас любезно и одобрил наши планы. Каждый вечер в течение недели мы имели призывные собрания. На этих собраниях 8 душ обратились к Господу и крестились в реке в холодную погоду. Это был радостный воскресный день. Народу было много, и мы имели неограниченную возможность проповедовать Евангелие людям, которые слышали Слово Божие впервые.

В тот же вечер немцы объявили строгий приказ о том, чтобы все мужчины эвакуировались в соседний населенный пункт, и обещали, что через месяц все эвакуированные смогут возвратиться на свои места. Противиться приказу немцев было весьма опасно. И так как нас заверяли, что отступление это временное, мы согласились.

Брат Дорошенко имел 2 лошади и телегу, и мы с ним отправились в путь. Железнодорожные пути были разрушены. По дорогам ехали беженцы, бродил беспризорный скот. На третий день мы добрались до деревни Княжеской. Там оказалась церковь баптистов. Братья приняли нас с любовью, и там у нас состоялось несколько благословенных собраний. Прошло несколько дней, мы ожидали возможности возвращения домой, но немцы и в этой деревне объявили приказ об эвакуации. К нам присоединились еще два брата, и мы отправились в город Армавир. В Армавире была также церковь баптистов. Каждый вечер мы проповедовали в переполненных собраниях. Нас радовали обращения людей к Господу, но вскоре пришлось уходить и из Армавира, взяв направление на Таганрог.

В Таганроге мы пробыли 2 недели. Там была довольно большая церковь баптистов. Братья широко открыли двери для проповеди Евангелия. Собрания каждый вечер становились многолюднее. На каждом собрании новые души приходили к Господу, и мы поняли, насколько обстановка побуждает сердца людей обращаться к Богу.

Однажды, находясь в доме одного верующего сапожника, я беседовал с ним. Он же, пригласив своего семнадцатилетнего сына, сказал мне: "Брат, побеседуйте с моим сыном. Он не желает читать Евангелие, не ходит в наше собрание".

Во время беседы я спросил юношу, что мешает ему покаяться и, обратившись к Господу, получить вечное спасение от Него? Он ответил: "Если мой отец пойдет на небо, я не хочу идти туда". - "Почему?" - спросил я. "Потому что он каждый день обижает мою мать и заставляет ее плакать".

Отец, слыша эти слова, не проронил ни слова. Он сидел у окна, молчаливо опустив голову.

И я понял, что до тех пор, пока этот брат не исправит свою жизнь и отношения с женой, бесполезно говорить с юношей о спасении.

Да, это великий урок для тех верующих, которые грубым поведением соблазняют своих детей, а потом просят их, умоляют, чтоб они обратились к Господу.

В Таганроге мы встретились с братом М. Пугачевым и его семьей. Он был одним из моих учеников в библейской школе. Когда настал день нашей эвакуации, он присоединился к нам. В течение года нам приходилось останавливаться во многих городах и селах. Везде мы проповедовали Евангелие Христово, и Бог всегда посылал нам Свои благословения.

Я хочу рассказать читателю только о тех местах, где дух Божий проявлял Себя с особой силой.

ПУТЬ НА ЗАПАД

Из Таганрога мы добрались до Мариуполя, делая ряд остановок в тех местах, где были евангельские или баптистские церкви. В Мариуполе в это время было две церкви, открытые после прихода немцев. В этих церквях у нас было несколько собраний, кроме того мы посетили селение Митриеска, где в эти дни состоялся съезд евангельских церквей и было большое стечение народа.

Из Мариуполя мы прибыли в Мелитополь. Во время наших собраний многие души обратились к Господу. Помню обращение тринадцатилетней девочки, после которого пришли к Господу ее родители и начали ревностно свидетельствовать другим о Христе. После этой девочки были и другие обращения.

На пути из Мелитополя мы остановились в деревне Гарка. Мы прибыли как раз в тот момент, когда в церкви баптистов было закончено собрание, но несколько человек все еще стояли возле молитвенного дома. Когда они узнали, что мы - проповедники, пресвитер пригласил нас к себе в дом, а одна сестра-старушка сказала: "Вы назначьте опять собрание, а я пойду собирать людей".

- Это наш "звонок", - сказал пресвитер. - Она всех поднимет на ноги и соберет людей.

Так и было. Когда после ужина мы пришли на собрание, молитвенный дом был переполнен, и в тот же вечер две души обратились к Господу. Так велика была жажда народа к слушанию слова Божия.

В последующие дни на каждом собрании были новые обращения. Кто же был главным инструментом этих пробуждений? Эта сестра-старушка, которая ходила из дома в дом и приглашала людей послушать слово Божие.

Помню прощание в поселке Сиракузы, где мы имели также благословенные собрания. Когда мы уезжали и народ пришел нас проводить, я снова сказал краткое слово, и там же три души обратились к Господу.

Следующая остановка была в Каховке. Без труда мы нашли церковь баптистов. Она оказалась малочисленной, но дружной. Нас удивляло, что за столь короткий срок свободы для церковной деятельности многие церкви возродились из разрушенного состояния.

Из Каховки мы направились в деревню Третий Перекоп. Пастором церкви был малограмотный сапожник.

Помню его слова, обращенные ко мне:

- Брат, вы хорошо проповедуете, и люди обращаются к Богу. А я этой способности не имею. Я только читаю им слово Божие и говорю: "Ну, чего вы сидите. Кайтесь, пока есть возможность". И люди обращаются к Богу.

И я понял, что здесь действует Святой Дух. Он совершает дело спасения. Кроме того, я увидел, как влияла на людей кротость этого брата-сапожника, его любовь к людям.

Однажды в этой деревне после собрания ко мне подошла одна сестра и рассказала о страшном гонении со стороны мужа.

- Я недавно обратилась к Господу в этой церкви. А муж, как только узнал об этом, запретил мне ходить на собрания. Я ему говорила, что теперь, когда меня Христос спас, я буду любить его еще больше, но церковь не оставлю. Муж разгневался, накинул мне на шею веревку, толкнул на пол и начал таскать меня по полу. А когда замечал, что я уже задыхаюсь, отпускал немного веревку и спрашивал: буду ли ходить на собрание? Я отвечала - буду. И он снова таскал меня по полу, пока не выбился из сил. А однажды, когда я возвратилась домой из собрания, набросился на меня с топором, но в это время в избу вошла одна сестра и помешала ему совершить убийство.

Рассказывая об этом, сестра не плакала, а улыбалась.

- Какого плохого мужа ты имеешь, это же изверг, - сказала рядом стоявшая сестра.

- Милая сестрица, - ответила та, - он ведь не знает, что делает. Раньше и мы так думали. А вот я буду продолжать молиться, и Бог просветит его.

Мужество этой сестры меня очень удивило. О, если бы все верующие имели такую любовь к своему Спасителю и такое мужество быть Его свидетелями!

Из Каховки мы добрались с трудностями до Херсона. Здесь церковь была многочисленной. Сразу же были объявлены ежедневные собрания. И здесь Господь благословил Свое Слово, многие души обратились к Господу.

Из Херсона мы пришли в Николаев и жили в этом городе несколько месяцев. В Николаеве было 2 церкви евангельских христиан и баптистов. Пастором евангельской церкви был брат Митраев. Он же был и председателем Союза ев. христиан. Он сразу же назначил призывные собрания на каждый вечер. Пастором церкви баптистов был Григорий Колесников, где мы также проповедовали. Каждое воскресенье я должен был проповедовать 3 раза. Господь благословил там Свое Слово, и покалось более 20 душ, все они были крещены в зимнее время.

Слух о нашем служении в Николаеве дошел до окрестных деревень, и нам часто приходилось крестить новообращенных в холодную, ветреную, зимнюю погоду. Слава Богу, никто из крещенных не простудился!

Из Николаева по пути в Кировоград мы посетили три церкви в деревнях, а в Кировограде остановились на месяц. Церковь здесь была многочисленной и ревностной. По причине эвакуации в Кировограде собралось много беженцев, и среди них были духовные работники, которые принимали участие в ежедневных пробудительных собраниях. На каждом собрании были обращения к Господу, а в конце месяца перед нашим уходом 41 человек приняли водное крещение.

Об обращении к Богу молодой девушки в Кировограде я хочу рассказать особо. На одном вечернем собрании я проповедовал об истинном счастье быть прощенным и спасенным во Христе Иисусе. После собрания в дом, где я остановился, пришла девушка и сказала мне: "Я неверующая, сегодня впервые была на вашем собрании и слушала вашу проповедь, но у меня много сомнений, что Бог существует, что только Он может сделать человека счастливым".

- Если ты сомневаешься, - сказал я девушке, - а желаешь быть истинно счастливой, то давай преклоним колени, и скажи Богу в простых словах о своих сомнениях, проси Его, чтобы Бог тебе открыл Себя. Согласна?

Она согласилась. Потом, встав на ноги, сказала:

- Ой, в моем сердце что-то творится. Я верю, я верю... Он любит меня, Он простил меня!

Лицо девушки сияло неземной радостью. Она подошла к хозяйке дома и расцеловала ее. Потом обратилась к нам и сказала: "Давайте еще раз преклоним колени и возблагодарим Бога за мое спасение, за великую радость, которую Он мне дал". И мы снова молились.

На следующий день предстояло крещение. Эта девушка желала принять крещение, но я ей сказал, что церковь должна испытать ее и помочь узнать принципы христианского учения.

- Но я люблю Иисуса Христа всем сердцем и хочу любить Его вечно.

Утром эта девушка пришла в молитвенный дом, заявив церковнослужителям о желании принять крещение. Она просила неотступно. После беседы братья увидели, что она действительно пережила рождение свыше, и допустили ее до крещения.

На следующий день она начала свидетельствовать о Христе всем людям и в том числе немецким солдатам, которых было в городе много, не обращая внимания на запреты и предупреждения. Кончилось тем, что ее посадили в тюрьму, и там она продолжала свидетельствовать о Христе.

Я верю, что Господь ее сохранил и она стала верной свидетельницей Христа.

В Кировограде в это время был съезд евангельских церквей, на котором я познакомился с братом В. Гусаруком и другими духовными работниками, которые, воспользовавшись относительной свободой религии, вели на Украине активную, духовную работу. На съезде царил дух согласия и любви.

Война продолжалась. Немцы отступали под натиском советской армии. Мы видели, что опасность близка: приближался фронт - и приготовились к отступлению. На молитвенном собрании духовных работников я предложил ежедневно молиться, чтобы в случае расставания Господь продолжал нас использовать для спасения человеческих душ. Предложение было принято с радостью, и, действительно, мы вскоре расстались. Некоторые из местных братьев также эвакуировались на запад.

Как и прежде, в самом начале эвакуации, я отправился в путь с братьями Дорошенко и Есауловым. У нас была повозка и лошадь, но дороги были переполнены отступающими военными и гражданскими беженцами. Каждый день, в два часа дня, мы останавливались на отдых и, преклонив колени, молились Господу, чтобы Он хранил братьев от опасности и помог нам продвигаться дальше.

Мне трудно вспомнить названия всех тех мест, где мы делали остановки и, встречаясь с верующими, устраивали собрания. Но помню, что когда в деревне Трудолюбовке происходило крещение, одна женщина не пожелала откладывать крещение до другого раза, и тут же вошла в воду в одежде и крестилась.

Когда мы приехали в деревню Петроостров, весть о нашем прибытии распространилась очень быстро, и народ собрался из 16 деревень, чтобы слышать Слово Божие. С той поры прошли годы, а я и сегодня не могу забыть пожилых мужа и жену, которые пришли на собрание из соседней деревни по глубокому снегу. У них не было обуви, и они, тряпками обмотав ноги, отправились в путь. Так велика была жажда народа слышать Слово Божие.

В этой же деревне несколько душ обратились к Господу, и среди них была одна тринадцатилетняя девочка. Когда мы собрались уезжать на Запад, эта девочка пришла из соседней деревни и умоляла нас посетить эту деревню под названием Сопиловка, чтобы там проповедовать Евангелие. Мы не могли ей отказать, видя ее слезы, и возвратились на восток на 10 километров, принимая это - как от Господа. И мы не ошиблись. На первом же собрании там покаялись многие души. И мы радовались великой радостью.

Мы приехали в деревню Подписовку, окруженную лесами, в которых скрывались беженцы. Они часто нападали на немцев и этим причиняли много вреда не столько немцам, сколько своему населению. Мы пробыли там три дня, и на собраниях обратилось к Богу 10 человек.

Староста деревни, услышав о пробудительных собраниях, вызвал нас и обвинил в шпионаже, но секретарь отверг его обвинение. Это был один из обращенных на нашем собрании. Были и другие люди, защитившие нас.

Мы вскоре отправились в путь. Приехали в деревню Калинник с проводником из соседней деревни, местным пресвитером. Он привел нас в дом двух сестер. Как только они узнали, что мы - евангелисты, очень обрадовались и сразу сообщили об этом в соседнюю деревню. И здесь мы имели собрание, благословенное Господом.

В ВИННИЦЕ

Прибыв в Винницу, мы несколько раз останавливались на улицах и спрашивали жителей, знают ли они, где молитвенный дом евангелистов? Многие отвечали:

"Мы о таких людях никогда ничего не слышали". Это нас очень смущало, ибо нам сказали заранее, что в Виннице есть верующие евангельского исповедания.

Наконец, одна женщина, приняв нас за странников, сказала, что в городе есть церковь баптистов и в этот вечер у них молитвенное собрание.

Мы нашли этот молитвенный дом. Там присутствовало 11 человек. Когда собрание закончилось, я, встав, приветствовал собравшихся и рассказал им, откуда мы приехали. Между прочим я сказал:

- Братья и сестры, мы нашли вас в городе с большим трудом. Люди не знают, что в городе есть церковь баптистов, где проповедуется Евангелие. Это плохой признак. Наверно, вы

никому не свидетельствуете о Христе и потому ваши скамьи пустые. Хотите ли вы, чтобы на этом месте были каждый день обращения к Господу?

Люди молчали.

И я снова спросил:

- Почему вы не отвечаете? Повторяю: хотите ли вы, чтобы здесь люди каждый день обращались к Господу?

- А как же? Хотим... - раздались голоса.

- В таком случае я предлагаю завтра провести здесь собрание только для верующих, для членов церкви. Согласны?

Все согласились, и на следующий день собралось человек 30.

Во время проповеди я сказал: "Если хотите, чтобы в этом городе было пробуждение и грешники каялись, вы должны сначала сами пробудиться и исповедать свои грехи пред Господом. Имеете ли вы мир в семьях? Дружите ли с соседями, живете ли с ними мирно? Есть ли в вашей церкви единогласие? Если этого нет, то Дух Святой не может действовать через вас".

Во время молитвы пресвитер начал плакать и, исповедуя свои грехи, просил у Бога прощения. Потом многие другие братья и сестры последовали его примеру. Действие Духа Святого было явным.

В субботу вечером молитвенный дом оказался переполнен. Пришли не только все члены церкви, но многие необращенные души. В тот вечер две души обратились к Господу и в горячих слезных молитвах покаялись. У членов церкви радости не было конца. Они воодушевились и пошли по домам приглашать людей на собрание.

В воскресенье на утреннем и вечернем собраниях и в последующие дни были обращения к Богу. За короткое время 35 душ вступили в союз с Богом.

Фронт приближался с каждым днем. Отчетливо были слышны разрывы бомб и снарядов. Стояла ранняя весна, на дворе все еще лежал снег, и река была покрыта льдом. Мы собирались к эвакуации на запад, а в это время 27 душ, обращенных к Господу на последних призывных собраниях, пожелали принимать крещение. Каждый день могла измениться обстановка, и люди никак не желали откладывать крещение. После испытания, когда церковь убедилась, что они действительно пережили возрождение, было решено крестить их в реке.

В это время из соседнего городка приехал проповедник, молодой и энергичный. Я предложил ему совершить крещение над этими 27-ю душами, но он никак не мог решиться войти в ледяную воду на столь продолжительное время. И так, я решился с Божьей помощью совершить крещение.

На следующий день утром мы собрались в помещении церкви и после молитвы направились к реке.

Люди, слыша наше пение, выходили из домов и присоединялись к процессии. На берегу реки собралась масса народа. Многие немецкие солдаты с удивлением смотрели на все, что происходило.

На берегу были сделаны примитивные палатки из простыней, где крещаемые могли наскоро одеть белую одежду. Перед народом они свидетельствовали о своем спасении жертвой Господа Иисуса Христа. Я сказал краткую проповедь о крещении, а в это время один брат, прорубив в реке лед шагах в 10-12 от берега, опустил в прорубь лестницу, по которой мы сошли в воду.

Когда первый крещаемый молодой человек пошел босыми ногами по льду за мною, в толпе раздались возгласы удивления. Некоторые думали, что я не выйду живым из воды. Но Господь чудесным образом сохранил меня даже от простуды.

Среди крещаемых была одна учительница, которая перед всем народом свидетельствовала, что она была глухой на одно ухо, а после крещения оно стало слышать. Она также была исцелена и от другой болезни.

На следующий день, рано утром, ко мне пришла православная женщина и сказала:

- Скажите мне, вы больны сегодня? Болит голова? Есть температура?

- Нет, - ответил я. - Ничего у меня не болит. А почему вы спрашиваете?

- Ну как же? Вчера вы стояли в такой холодной воде, крестили 8 душ, и я уже думала, что вы лежите в постели с температурой. Я пришла навестить вас.

Эта женщина сразу же стала посещать наши собрания.

Церковь в Виннице пережила большое пробуждение только после того, как все члены церкви пробудились сами, а за ними и многие души примирились с Господом.

Так и сегодня Господь может совершить великое пробуждение в народе, если дети Божии в духе любви и мира объединятся для общего дела.

Из Винницы мы отправились в путь на открытом товарном поезде. Стояли холода, мы все продрогли, так как морозный ветер пронизывал насквозь. Кроме того в пути было много других переживаний, побуждавших нас постоянно обращаться к Господу за помощью. С большими трудностями мы добрались до Каменец-Подольска.

В Каменец-Подольске была русско-украинская церковь баптистов. Нас приняли радушно. Каждый вечер у нас проходили там призывные собрания. Помню случай, когда на одном из собраний обратился к Господу десятилетний мальчик. Он слезно молился Господу, и это побудило других людей молиться тоже.

После собрания этот мальчик настоял, чтобы я пошел в его дом на ужин и остался ночевать. За ужином выяснилось, что его отец где-то в сибирских лагерях отбывает наказание за свидетельство об Иисусе. Нужно полагать, что отец постоянно молился о своей семье, и как ответ на его молитву было обращение к Богу его сына.

Через неделю мы оставили Каменец-Подольск и отправились в направлении Львова. Здесь тоже была русско-украинская церковь баптистов, и мы сразу предложили делать призывные собрания. Бог послал пробуждение этой церкви. На каждом собрании были посетители из разных мест, и многие души приняли Господа верою. Собрания длились дольше 3 часов, а люди не желали расходиться по домам.

Так как фронт все время продвигался на Запад, нам не удалось задержаться во Львове. Мы успели посетить еще несколько ближайших деревень со словом Божиим. Следующая остановка была в Кракове. Там я встретил брата Гусарука. Он также отступал со своей семьей на Запад, и вскоре нам пришлось ехать в Варшаву, где было три евангельских церкви. В этих трех церквях я проповедовал ежедневно, брат Кракевич переводил меня с русского на польский язык, и на каждом собрании Господь приводил спасаемых к церкви.

Однажды после вечернего собрания я вернулся домой печальным. На этом собрании обратилось к Господу только две души. Брат Калугин, встретив меня, сказал:

- Слава Богу, еще две души Господь вписал в книгу жизни. А вы печальны.

- Нет, - возразил я, - печален я оттого, что вчера 20 душ обратилось к Господу, а сегодня только две. Зарабатывающий 20 рублей в день будет ли радоваться, когда заработает только два?

Помню, как на одном вечернем собрании на первой скамейке сидел известный доктор с седыми волосами. Слово так коснулось его сердца, что он плакал в молитве, как ребенок. На всех собраниях чувствовалось веяние Духа Святого. Таким образом только в одной церкви в течение месяца покаяться и приняли крещение 150 душ.

Фронт продвигался, и Варшава все чаще стала подвергаться бомбардировкам. К этому времени мне пришлось расстаться с моими верными друзьями - братьями Есауловым и

Дорошенко. Они задержались в одной городке, где нашли для себя работу. Я решил вместе с другими братьями переехать из Варшавы в Любек, где была славянская церковь баптистов. Там я впервые встретил выдающегося, благословенного духовного работника брата В. Гутше. В то время он был председателем союза польских и славянских баптистских церквей.

Брат Гутше принял меня с любовью. Он слышал о благословенных собраниях в Варшаве, и мы сразу же решили начать призывные собрания в Любеке. Две недели каждый вечер молитвенный дом был переполнен слушателями, и Господь благословил нас обильно.

В Любеке я впервые познакомился с братьями Болтневым и Сельвесюком, с которыми позднее мне пришлось вместе трудиться на ниве Божьей.

Тревожные дни пришли и в Любек. Нам пришлось отступить на Берлин. В Берлине была небольшая церковь баптистов, пополненная новоприбывшими беженцами, но там также была и украинская церковь. Проповедником церкви был брат Шнайдрок, у которого я и остановился.

Почти каждую ночь, а иногда и днем Берлин подвергался бомбардировкам. При каждом звуке сирены люди бежали в бомбоубежища. Не раз бомбы засыпали бомбоубежища, и люди там погибали. И несмотря на такое тревожное время, мы в спокойные вечера устраивали собрания.

Незабываемым было одно воскресное собрание в украинской церкви, на котором 20 душ посвятили свои сердца Господу. А вечернее собрание состоялось в русской церкви баптистов. Зал был переполнен народом. Тема моей проповеди была: "Вера - как условие для спасения". Я взял 9-ю главу Иоанна об исцелении слепорожденного. И когда в заключение я призвал к покаянию, 80 душ начали молиться со слезами и взывать к Господу о спасении. Потом с ними была проведена соответствующая беседа. Это было незабываемое собрание. Дух Святой действовал, как в день Пятидесятницы.

Молитвы были настолько громкими, что пастор начал бояться, как бы не пришла полиция, и стоя возле меня, часто повторял: "Очень громко... Очень громко. Очень много кающихся". Ему хотелось как можно скорее закончить собрание, пока не нагрянула полиция.

Один человек 20 лет посещал собрания, а в этот день обратился к Господу. Если бы время позволило, многие бы еще могли покаяться, но руководивший собранием брат вынужден был закрыть его.

Как чудесна работа Духа Святого! Как радовались мы, когда видели Его действие в молитвах многих покаявшихся душ.

МАЛЕНЬКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ПОВЕСТВОВАНИЯ

У читателей моей автобиографии может возникнуть вопрос: что заставило меня уходить все дальше и дальше от семьи, от дома - на Запад?

Это не простой вопрос. Не тысячи, а миллионы людей в то время бежали на Запад вместе с отступающей немецкой армией. У каждого могли быть свои причины.

Я не раз думал, молился и просил у Господа руководства, как мне поступать дальше, еще с юности я посвятил свою жизнь проповеди Евангелия. После освобождения из заключения власти надеялись, что это будет для меня хорошим уроком, что я "перевоспитался" и что я больше не вернусь к проповеднической деятельности. Но я посвятил всю свою жизнь Господу и молчать не собирался. И когда, возвратившись домой, я снова включился в евангельскую деятельность, этим я нарушил советские законы того времени.

Ведь Союз евангельских христиан-баптистов тогда еще не был организован. Власти возродили его с определенной целью только в 1944 году. В то время власть все еще держала религию под запретом.

Поэтому, останься я в России до прихода советской армии, меня бы сразу отправили в Якутию добывать золото для нужд страны. Другими словами - дали бы новый срок. И разлука с женой так или иначе была бы неминуема.

Здесь же, отступая на Запад, Господь пользовался мною для проповеди Евангелия, а кроме этого я в своей жизни больше ничего не желал.

Я всецело положился на Господа и шел дальше на Запад.

В ВИДЕНЕСТЕ

Виденест - маленький, красивый немецкий городок в провинции Вестфалия. Там была основана библейская школа для свободных братьев немецкой национальности. Но там также учились несколько русских и украинских братьев, в том числе и братья Болтнев и Сильвесюк. Всего 16 студентов.

По ходатайству брата Гутше меня пригласили на преподавательскую работу в библейскую школу. Это приглашение мне помогло при переходе немецкой границы.

Директором школы был доктор Лукай, баптист. Он принял меня с радостью, предоставил комнату в доме учителя. Там же работал и бывший директор школы доктор Варнц, очень благочестивый человек, как и его жена. Их милые дети, двое мальчиков и девочка, были недоразвитые. Они говорили бессвязные слова, но когда их спрашивали о Христе, они мудро и серьезно свидетельствовали о Нем как о Спасителе, а на собраниях искренне молились.

Мы часто спрашивали себя: почему в столь благочестивой семье Бог допустил такое? Божьи пути часто бывают для нас неисповедимы.

В школе я серьезно взялся за изучение немецкого языка и вскоре мог преподавать Божий план спасения в домашней обстановке для немецких сестер.

Во время войны немцы вывезли из России сотни тысяч юношей и девушек - как даровую рабочую силу для своей страны. Их называли остовцами. Они жили в специальных лагерях, работали много и тяжело. Были остовцы и в Виденесте и его окрестностях, но гораздо больше их было в Берлине. Мы пользовались возможностью посещать эти лагеря, знакомиться с ними, приглашать их на наши собрания.

В Виденесте мы устраивали для них специальные собрания в лютеранской церкви. Они слушали слово Божие с великой жадной, и многие, обратившись к Господу, сразу же начинали свидетельствовать другим. Недалеко от Виденеста протекала река, в которой мы крестили обращенных "остовцев".

Помню свидетельство шестнадцатилетней девушки в большом собрании после ее обращения к Богу:

"Немцы меня разлучили с родителями и привезли в Германию. Это было для меня великим несчастьем, и я каждый день плакала, но вот теперь, когда я узнала о любви Божией и приняла Иисуса Христа в свое сердце, я радуюсь и благодарю Бога за все мои переживания".

В это время участились бомбежки городов английскими самолетами. Когда они пролетали над нашим маленьким городом, сотрясая воздух, люди в страхе убегали в леса, иногда проводя в зимнем лесу на морозе всю ночь.

Однажды во время собрания мы услышали сирену, предупреждавшую о воздушной тревоге. Сестры в испуге дрожали. Я сказал им: "Стоит ли бояться? Если бомба упадет на нас, мы в одну минуту окажемся на небесах. А если не упадет? - Зачем напрасно страшиться?" И мы продолжали собрание.

Когда налеты усилились и в соседних городах начались пожары, я предложил всем пост и молитву, чтобы Господь помиловал наш маленький город.

- Разве не эгоистично молиться только о нашем городе? - спросил один брат. Я ему ответил: "Пусть верующие других городов молятся о своих городах".

Господь в то время дал мне такую уверенность, что я ни разу не выходил из квартиры во время тревоги и спокойно спал, зная, что время моего служения Господу еще не закончено.

Однажды в воскресный день я был приглашен в немецкую церковь для проповеди на утреннем собрании. После собрания я с несколькими русскими возвращался домой. Нас встретил полицейский, проверил документы, а через несколько дней меня вызвали в полицейский участок на допрос: откуда я приехал? что делаю? и тому подобное. Я сказал им, что я слуга Божий, за веру в Бога сидел в тюрьме и лагерях в Сов. Союзе, а теперь вот прибыл в Германию с надеждой, что в этой свободной стране могу проповедовать Евангелие без препятствий.

- Да, вы можете проповедовать Евангелие, но только не немцам, а своим народам. Наш закон не разрешает людям другой нации проповедовать немцам. Будьте осторожны и больше этого не делайте.

Но дни Гитлера и его законов подходили к концу.

НОВОЕ ПОЛЕ СЛУЖЕНИЯ

Ввиду опасности со стороны приближающейся советской армии, библейская школа из Виденеста переехала в Люденшайд. Этот город находился в английской зоне оккупации. В Люденшаиде нам предоставили двухэтажный дом в польском лагере. Туда же приехали многие верующие из других мест. Вскоре там собралось 16 проповедников и организовалась церковь числом 150 членов.

Это было тяжелое и в то же время благословенное время. Питание было хорошее, а кроме того христиане Америки начали присылать посылки с продуктами.

Кроме уроков в библейской школе я каждый день проводил собрания по разбору Слова Божия как для верующих, так и для неверующих. За короткое время на этих собраниях обратились к Господу и приняли крещение 20 душ.

Когда наши ученики окончили библейский курс, они организовали хор из даровитых братьев и сестер и начали посещать лагеря беженцев в других городах. А таких лагерей в то время было очень много. Регентом хора был один из наших учеников, брат Иван Полищук, а основным проповедником - брат Иван Барчук. Это был талантливый, ревностный и всеми любимый брат.

Среди наших учеников был молодой инженер Женя Евтухович, преданный Господу христианин. Я полюбил его особой любовью и радовался его дарованию. Он имел истинно пастырское сердце и когда переселился из Германии в Канаду, церковь в городе Торонто избрала его своим пресвитером. Он работал инженером в канадской фирме и совершал пастырское служение. Его жена также была хорошей миссионеркой и помощницей ему. Я очень скорбел о нем, когда узнал, что Господь отозвал его в Свои обители. Теперь он находится в Его славе.

После окончания первого курса мы открыли в школе второй курс, на котором учились братья И. Тарасюк, Ф. Бойко, А. Мельник, П. Ульянов, Н. Антонович, Л. Пидгорецкий. Все эти братья, кроме брата Мельника, которого отозвал Господь, трудятся сегодня на ниве Божией.

Наша церковь увеличивалась численно, укреплялась духовно. Царила радостная, единоклубная атмосфера. В церкви утвердились любовь и единство, что привлекало многие души слушать слово Божие и обращаться к Господу.

Во время летних каникул мы ездили в другие города и в лагерях беженцев устраивали призывные собрания. Наш миссионерский хор очень помогал в этом служении. Помню, в одном городе мы наняли большое помещение у англичан, объявили собрание, на котором потом обратилось к Господу около 20 душ.

После окончания второго курса мы открыли третий, в который вошли братья А. Кузичев, Василий Шахов, А. Ефимов, Касса, Петич, Краснопольский и другие. Четыре первых в настоящее время являются пресвитерами церквей.

Теперь, когда прошли годы, фамилии некоторых студентов я уже забыл, но знаю, что всеми ими Господь пользовался в Своем деле благовестия.

В ШТУТГАРТЕ

В это время в Штутгарте был большой лагерь армян-беженцев. Он насчитывал 1500 человек, а кроме того в другом конце города во втором лагере было еще 400 армян. Это меня заинтересовало. Хотелось им также передать слово Божие о пути спасения.

В ближайших городках были лагеря, где жили русские и украинцы, и в некоторых из них уже организовались общины верующих, главным образом, из новообращенных.

В Мюнхене у нас была церковь, которая проводила свои собрания в центре города на улице Гольцштрассе, 109. Это помещение принадлежало немецкой церкви баптистов. Вокруг были развалины, остатки разбомбленных домов.

В Мюнхене было также несколько беженских лагерей. Однажды я посетил украинский лагерь, где мне дали возможность проповедовать по-русски, но мне пришлось сделать объявление, почему я говорю по-русски, а не по-украински, просто русский язык я знал лучше, хотя люблю украинцев так же, как и русских.

Это вступление немножко разогнало настороженность слушателей. В ту пору очень были развиты националистические тенденции, и это часто осложняло духовную работу.

В Штутгарте Господь открыл мне двери к армянам, и я пользовался этой возможностью для проповеди Евангелия. Большинство армян принадлежали к григорианской церкви, а

около 300 человек были католики. Чтобы заинтересовать и тех и других слушанием слова Божия, пришлось найти помещение вне лагеря.

На первом собрании присутствовало более 400 человек. Рядом со мною сидели священники. Они внимательно слушали мою проповедь. После окончания собрания католический священник объявил, что он очень доволен проповедью Галустьяна, и добавил:

"Из уст этого человека сыпалось золото. Он говорит и учит точно так, как учили апостолы. Поэтому я советую всем приходить на его лекции и приглашать других".

Григорианский священник промолчал.

Около месяца продолжались собрания. Были и покаявшиеся души, среди которых находился один профессор.

Одна русская женщина, жена армянина-католика, первой обратилась к Господу и начала ревностно свидетельствовать другим о Христе. Ее сын, Павел, по фамилии Домикян, последовал примеру матери и обратился к Господу. Несмотря на то, что его отец был католиком-фанатиком, он принимал меня с уважением. Слово католического священника очень помогло в этом отношении. А священник григорианской церкви потребовал от начальника лагеря, чтобы мне запретили проповедовать, обвинив меня в том, что я ввожу протестантизм в их церковь. Но к тому времени уже образовалась армянская церковь. Около 50 членов охотно приглашали людей на наши собрания, и таким образом духовная работа продолжалась.

ГЕРМАНИЯ - БОЛЬШОЕ МИССИОНЕРСКОЕ ПОЛЕ

Послевоенная Германия была переполнена беженцами из разных стран, но, пожалуй, больше других было украинцев. В связи с расширением евангельской работы в Германии был организован Союз баптистов, председателем которого избрали В. Гутше. Мне все чаще приходилось бывать в русских общинах и устраивать призывные собрания.

В Мюнхене я познакомился с семьей Давидян. Они переселились из Греции, с радостью принимали меня и решили устраивать домашние собрания у себя на квартире. На этих собраниях их дочь и сын обратились к Господу и приняли крещение.

Однажды наше домашнее собрание посетил Оскар Мердиниан, исключительно одаренный лингвист. Он знал 6 языков, включая английский, немецкий, французский, русский. Он внимательно слушал слово Божие в семейной обстановке, но не реагировал.

Время шло, но мы не видели в нем никаких перемен. И мы решили просить Господа в молитвах, чтобы Бог Сам сказал его сердцу. Через 6 месяцев Бог совершил чудо спасения. Мердиниан воззвал к Господу в горячей молитве, покаялся, принял Спасителя и стал

ревностным свидетелем Христа. Позднее он женился на русской миссионерке, которая в то время несла миссионерское служение среди русских беженцев. Оскар Лукич Мердиниан и по сей день трудится по мере своих сил среди обездоленных русских эмигрантов в Германии. Многие души пришли к Господу через его свидетельство.

Почти тогда же в Мюнхене через посредство свидетельства одного брата обратился к Господу Николай Водневский. Мне не раз приходилось посещать его в однокомнатной квартирке, в разрушенном бомбами доме. Через несколько месяцев обратилась к Господу и его жена. Они оба стали верными свидетелями Христа, и вскоре несколько их близких друзей пришли к Господу через их свидетельство.

Н. Водневский переселился в Калифорнию и, работая на фабрике для обеспечения семьи, вел большую литературную работу, а также проповедовал Евангелие, посещая многие города, где жили русские. В 1966 году он основал христианскую газету "Наши Дни" и 7 лет был ее редактором, одновременно работая на фабрике. С той же поры он начал проповедовать Евангелие по радио для русского народа с нескольких радиостанций как сотрудник Миссии "Свет на Востоке".

В Мюнхене я также встретился с семьей Шаховых.

Это была гостеприимная семья. В их доме мы часто устраивали собрания. Там иногда находили приют 1520 гостей, и сестра Мария Ивановна Шахова варила обед для всех и угощала всех с большой христианской любовью.

У Шаховых был сын Василий, который учился в нашей школе, а теперь - пастор русской церкви баптистов возле Нью-Йорка.

В маленькой убогой комнатухе брата Водневского обратился к Господу Николай Александренко. Приехав в Америку, он окончил колледж и баптистскую семинарию, защитил докторскую диссертацию и работал преподавателем в высших христианских учебных заведениях.

Там же, в Мюнхене, обратился к Господу Сергей Дружинин и стал верным свидетелем Христа, Приехав в Америку, он поселился в Чикаго, стал членом славянской церкви баптистов. Своей кротостью и христианским смирением он стал образцом для многих верующих.

Я вспоминаю также мои посещения церкви в Ганновере, пресвитером которой был брат Есаулов, а его помощником брат Дорошенко - мои друзья и спутники при эвакуации на Запад. Эта церковь вначале имела 20-25 членов. Они устраивали собрания в большом беженском лагере. Господь так благословил служение этих братьев, что за короткое время церковь достигла 150 членов.

Помещение молитвенного дома было всегда переполнено новыми посетителями. Люди жадно слушали слово Божие. Помню, как после одного собрания ко мне подошел русский инженер по имени Николай Ханецкий и заявил: "Брат дорогой, сегодня на этом собрании Господь спас меня в числе других, обратившихся к Господу." Это был верный, преданный Господу свидетель Христа. Он служит Господу и сегодня, служит словом и делом. Он перевел несколько книг с английского на русский и сам написал много вдохновенных статей, которые печатались в христианских журналах.

В Ганноверском беженском лагере было небольшое озеро. В этом озере приняли крещение многие обращенные. Помню одно такое крещение, когда крестилось 50 душ.

В Ганноверском лагере жили несколько других духовных работников, которые принимали участие в евангельской работе. А условия для духовной работы были очень подходящие. Люди, живя в лагерях, получали бесплатное питание. Не было газет, журналов, радио, телевизоров. Зато свободного времени было много, и потому люди охотно принимали приглашения посещать призывные евангельские собрания, где кроме проповедей звучал и прекрасный хор.

Таким образом, в столь безнадежные дни Слово Божие стало светом и благословением для многих душ. Особенно для тех, кто искал истину.

В 1949 году беженцы начали переселяться в другие страны. Многие государства открыли двери для эмигрантов, а немецкое правительство было радо избавиться от миллионов беженцев, которых Германия бесплатно эксплуатировала на заводах и фермах во время войны.

Славянские евангельские церкви, образовавшиеся в Германии после войны, начали редеть, но слово Божие, посеянное в сердцах многих людей, не было тщетным. Многие беженцы в первые послевоенные годы возвратились в Советский Союз, особенно молодежь, вывезенная насильственным путем из России. Те из них, кто обратился к Господу в Германии, повезли в своих сердцах благую весть о спасающей любви Христа.

В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

В 1949 году вместе с другими группами беженцев приехал в Америку и я. Комитет трех американских церквей выслал мне визу для миссионерской работы среди славян. В помощники мне дали брата И. Коренко. Он знал английский язык и был хорошо знаком с местными условиями нашего служения.

Вместе с ним я начал посещать русские и украинские семьи и свидетельствовать им о спасении. В большинстве это были православные люди. Они равнодушно относились к религии вообще. Материальные интересы заполняли всю их жизнь. Но и среди них встречались те, кто проявлял интерес к слову Божию, и вот для таких людей мы начали устраивать собрания в помещении американской церкви. Вначале пришло несколько

человек, но постепенно их число увеличилось. Господь нашел дорогу к некоторым сердцам, и они обратились к Господу и приняли крещение. Миссионерское общество купило для нашей работы двухэтажный дом. К нам присоединились несколько верующих, приехавших из Германии. Наши собрания оживились, и число посетителей возросло.

Обращение православных задело местного православного священника. Он возмутился, написав нам письмо и обвиняя в том, что мы обкрадываем его стадо. Он начал убеждать людей, чтобы они не посещали наши собрания, но спасительное слово Христа увлекало слушателей и имело благое влияние на людей. Как печально, что ревнители традиционной религии не желают понимать и принимать простое спасительное евангельское слово, сами не идут ко Христу и другим мешают.

Прошел год. К нам приехал брат Козичев, который также включился в духовную работу. Приезжие из Европы братья и сестры ревностно брали на себя духовный труд. Бог благословлял их служение, и меня радовали новые обращения на призывных собраниях.

Вскоре я посетил русскую церковь в Нью-Йорке, которая имела более 100 членов, армянскую церковь в Нью-Йорке и Филадельфии, а потом приехал в Калифорнию, в Лос-Анджелес, где жила моя сестра.

Местная армянская церковь в Пасадине, а также русская церковь в Лос-Анджелесе, да и другие церкви Калифорнии приглашали меня на воскресные собрания. Происходили радостные встречи с беженцами, с переселенцами из Германии, и собрания всегда были многолюдными.

В это время пресвитер армянской церкви в Пасадине заболел, и церковь попросила меня взять на себя его служение. Однако я не чувствовал призвания быть пастором. Меня увлекало евангелизационное служение, я знал, что оно от Господа. Но видя нужду церкви, я согласился на короткое время - до избрания нового пресвитера.

Армянская евангельская братская церковь в Лос-Анджелесе насчитывала 40 членов. У них была воскресная школа, которую вела сестра Гурджиян, ревностная и искренняя христианка. Члены церкви жили в братской любви, и вскоре Господь даровал несколько обращений, в том числе обратилась к Господу и моя сестра Гулица.

Церковь решила организовать радиопередачи.

Около двух лет я вел лекции о Божьем плане спасения, которые слушали многие русские верующие.

Господь побудил нас начать миссионерскую работу в Турции, и мы стали оказывать финансовую помощь двум братьям, благовестникам в Турции.

Все четыре года моего служения в армянской церкви не прерывалась также и связь с русскими церквями в Калифорнии и Канаде, где в это время возникли некоторые организационные трудности.

Я был приглашен в Торонто на съезд русской евангельской церкви, где в силу некоторых обстоятельств меня попросили быть председателем союза хотя бы некоторое время, пока Господь пошлет другого работника.

Мне пришлось согласиться быть председателем.

Вскоре в Калифорнию переселился брат В. Турян, который принял пастырское служение в Пасадине, дав мне возможность уделять больше времени служению в русско-украинском союзе ев. баптистских церквей в Канаде. Таким образом, с 1958 до 1964 года с Божьей помощью я исполнял это служение.

Здесь я должен сказать, что Господь всегда побуждал мое сердце к служению благовестия более, нежели к пастырскому служению и к организационной работе. Каждый христианин должен знать свое призвание, свой дар, полученный от Господа, и употреблять его для славы Божьей, В 1964 году союз ев. христиан-баптистов пригласил меня в Австралию на годовой съезд. С союзной работой в Канаде с успехом справлялся брат П. Колыбаев, и я с радостью принял предложение русских братьев, эмигрировавших в Австралию.

После долгой разлуки я встретился снова с братом Дорошенко. Он был в это время председателем союза русских баптистских церквей Австралии.

На годовом съезде, который состоялся в Брисбане, уже на первом собрании обратилось к Господу 11 душ. Господь посетил нас особым благословением, и это ободрило все братство. Почти на каждом собрании были новые обращения.

Из Брисбана я переехал в Сидней. Господь благословил наши собрания призывного характера, и несколько душ обратились к Господу. Это оживило местную церковь. То же самое было и в городе Аделаиде и Перте.

Девять месяцев я провел в Австралии. Они были благословенным временем. Каждый день мы посещали евангельское собрание или семьи эмигрантов, которые интересовались Словом Божиим. Обращение к Богу многих душ воодушевляло служение местных церквей и особенно радовало мое сердце.

После девятимесячного служения в Австралии мне открылась возможность поехать в Сингапур, а оттуда в Индию, в Калькутту. Там я пробыл неделю в доме Армии Спасения, посетил маленькое христианское собрание армян, а также собрание христиан-индусов, где имел возможность делиться с ними Словом Божиим.

В Калькутте меня поразило огромное число нищих, Люди рождаются, живут и умирают на улицах, спят на тротуарах. Среди них много молодежи. Они отчаялись в поисках какой-нибудь работы и тоже занимаются попрошайничеством. Увидев туристов, они подбегают к ним и неотвязно просят милостыню. В ту пору в Калькутте насчитывалось 800000 нищих.

В то же самое время в Индии много очень богатых людей. Они, конечно, не заботятся о бедных, а бывает даже так, что нанимают нищих, посылая их собирать милостыню у иностранцев-туристов, и за это дают им уголок для ночлега и некоторый процент со сбора. Я видел в этом городе так называемых священных коров. Они беспрепятственно ходят по улицам, в парках, на площадях. Народ их кормит, но убивать их запрещено.

Духовная темнота вызвала в моем сердце чувство жалости к индийскому народу. Христианская работа здесь имеет много трудностей. Укоренены традиционные религии Индии, публичная проповедь Евангелия и вообще миссионерская деятельность далеко не достаточно распространяются в глухих районах этого большого государства. Свет Евангелия еще не доходит до миллионов индусов, и они по-прежнему пребывают в духовной тьме.

В воскресный день я посетил американскую церковь и был рад видеть истинных исповедников живого Бога.

В ТЕГЕРАНЕ И БЕЙРУТЕ

Из Индии я выехал в Тегеран. Там у евангельских братьев-армян были свои собрания. Каждый вечер мы собирались в помещении протестантской церкви, где мне дана была возможность проповедовать Евангелие.

Верующие в Тегеране оказали особое внимание и гостеприимство, и я имел возможность посетить многие семьи верующих, проводя духовные беседы.

В начале 1961 года я прибыл в Бейрут. Меня приняла так называемая братская церковь, состоящая главным образом из армян. В Бейруте я встретил брата Ованеса Бояджана, который приехал из Каира для духовного труда.

В доме брата Альберта Шнорякана мы устраивали евангельские собрания, где я мог проповедовать многим гостям.

В Бейруте в то время существовала "Братская школа жизни", в которой ученики, мальчики и девочки, получали не только обычное образование, но и духовное воспитание. Им проповедовали Евангелие, и многие из них обращались к Господу.

Из Бейрута я приехал в Дамаск. Духовным работником в братской церкви был Жираир Айнтаплян. Он организовал несколько специальных собраний, где я мог проповедовать Слово Божие. Имея несколько свободных дней, я мог познакомиться с городом и его

историческими местами, связанными с жизнью и деятельностью ап. Павла. Мне, например, показали предполагаемое место встречи Савла с Господом недалеко от города, показали древнюю стену и то место, откуда ап. Павла братья спустили в корзине, чтобы он мог убежать от преследования городского начальника. Мы прошли через ворота, которыми входил и выходил ап. Павел. Я несколько раз вошел и вышел через эти ворота, чтобы ступить на землю, где проходил апостол. Но это, разумеется, не главное. Я чувствовал бы себя более счастливым, если бы ходил в точности по духовным стопам апостола и служил Господу так, как служил он. Посетил я также улицу, до сих пор называющуюся "Прямой". Она и в самом деле прямая, но очень узкая.

Видел также пещеру, о которой предполагают, что она была местом пребывания Анании. Ее превратили в маленькую церковь. Во время нашего посещения там шло бракосочетание.

В ПАЛЕСТИНЕ

Из Дамаска я поехал в г. Амман. И там была община верующих армян. Несколько раз мы проводили собрания, посещали семьи армян, а потом я уехал в Палестину. Это было моей давней мечтой: побывать в стране земной жизни и деятельности Господа Иисуса Христа.

Прежде всего я посетил Иерихон, затем Вифанию. Побывал в пещере, которая, как предполагают некоторые историки, была могилой Лазаря. На месте дома Лазаря теперь построена церковь.

Вифания расположена в семи километрах от Иерусалима. В Иерусалиме я провел несколько дней, посещая достопримечательности города: гору Голгофу, могилу Спасителя, Гефсиманский сад.

Поднявшись на холм, с которого открывался вид на весь город, я вспомнил слова ангелов, обращенные к ученикам Христа во время Его вознесения: "Что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо". И в моем сердце возгорелась блаженная надежда встретить Господа, когда Он придет за Своей Церковью.

Возле холма расположено старое кладбище, а вблизи его - Силоамский источник, где, как предполагают, слепорожденный, умывшись, был исцелен.

Мы заходили на кладбище иудейских царей, а также в две тюрьмы, выдолбленные в скалах, темные и холодные, где заключенные христиане страдали за веру в Иисуса.

Нам показали судейское место Пилата. Все увиденное произвело на меня глубокое впечатление, хотя я и знал, что многие места известны только предположительно.

Из Иерусалима нашу группу повезли в Вифлеем, город рождения Спасителя. Теперь на месте хлева построена церковь. Вифлеем расположен на вершине холма, откуда можно видеть поля, где в Рождественскую ночь пастухи пасли стада и куда явились им ангелы с радостной вестью о рождении Спасителя. Из Вифлеема мы поехали в город Хеврон. По дороге остановились у могилы Рахили, а после видели могилу Сарры, Авраама, Исаака, Ревекки и Иакова на поле Махпела, как говорит Библия. Это место стало местом поклонения. Также посетили мы холм, где Самсон, сняв ворота с косяками, поднял их вместе с запором и отнес на вершину горы.

Возвращаясь с Хеврона, мы остановились на том месте, где Авраам встретил трех ангелов и услышал от них весть о рождении Исаака. Это предположительное место расположено у подошвы холма. Там мы видели два дуба, окруженные железной оградой. Один из них был настолько стар, что образовалось дупло. Предполагают, что Авраам сидел под тенью этого дуба перед тем, как встретиться с ангелами. Даже если принять во внимание, что все эти сведения, которые даются туристам, не всегда правдоподобны для тех кто знает Св. Писание, - они очень занимательны и рождают много благословенных мыслей.

Затем мы посетили Самарийскую синагогу, и раввин показал нам древнее Пятикнижие Моисея. Из Самарии мы приехали к колодцу Сихаря, возле которого Иисус Христос открыл самарянке путь ко спасению и сказал несколько глубоких истин. Была пятница после 6 часов вечера. Колодец был окружен оградой, но рядом в маленьком домике жил сторож. Когда мы постучали в дверь, он ответил из окна, что не может открыть двери, потому что начался субботний день. Но когда ему объяснили, что группа американцев-путешественников хотела бы видеть колодец, мзда взяла верх над законом, и хотя он колодец не показал, но пошел к колодцу и принес из него бутылку воды, чтобы мы попробовали, какая это хорошая вода.

В ту же ночь мы возвратились в Бейрут. Мне оставалось две недели до поездки на Кипр, и я, с Божьей помощью, использовал это время, чтобы продолжить объяснение Божьего плана спасения, начатое раньше.

Из Бейрута я приехал на Кипр и остановился у своей двоюродной сестры Марицы. Она жила с сыном и приняла меня с радостью. Там же я встретился с родственниками моей мачехи, а потом поехал в гор, Адан, чтобы после долгих лет увидеть место, где Господь родил меня свыше, где я прожил с 1910 по 1913 год.

В Адане я остановился в гостинице. Два дня я ходил по городу, наполненный радостными и горестными воспоминаниями, видел тот район, где жил когда-то, посетил базары, но, к сожалению, не нашел гостиницу, где Господь принял мою молитву покаяния. Гостиница была разрушена. Но на месте разрушенной гостиницы я воззвал к Господу в молитве, здесь пришло мое спасение. Я возблагодарил Спасителя за спасение и за все годы моего земного странствования и служения Его Церкви.

Посетил я также и старый железнодорожный вокзал, где я первый раз в жизни сел на поезд, идущий в Тарс, чтобы поступить там в колледж.

Из Адана я поехал в Тарс. Было о чем вспоминать и молиться. В библейском колледже Тарса и теперь учатся турецкие молодые люди, парни и девушки, под руководством американских учителей. Видел я также и старые городские ворота, через которые часто проходил ап. Павел.

Из Тарса я поехал в Стамбул. Там в нескольких местах проходили собрания по-турецки и армянски, то есть на моих родных языках. Три протестантских церкви пригласили меня для проповеди. Я славил Бога за то, что Господь благословил это служение и особенно домашние собрания, на которых несколько душ слушали благую весть впервые.

Из Стамбула я направился в Грецию, посетил церковь в Афинах, а через несколько дней с братом по вере Г.Гюрияном отправился в Фессалоники. Там в церкви верующих греков, большой и активной, я имел возможность проповедовать. Господь благословил наше общение. Потом я посетил ареопаг, где когда-то проповедовал ап, Павел, беседуя с греческими философами о "неведомом Боге" и призывая их к покаянию, как об этом читаем в 17 главе Деяний апостолов.

С группой туристов я посетил также город Коринф. Среди развалин старого города нам показали место, где жил ап. Павел. Путешествие захватывало и волновало сердце.

Из Греции я возвратился в Канаду, проехал по церквям евангельского союза, которым руководил теперь брат В.Гусарук.

Продолжительное путешествие сказало на здоровье. Зимой 1962 года у меня открылось кровотечение в желудке как следствие многолетней язвы.

Услышав о моей болезни, брат П.Колыбаев поместил меня в больницу в г. Монреале. Несколько дней моя жизнь была в опасности, и я уже думал, что Господь желает взять меня к Себе, и духовно приготовился к уходу в вечные обители.

Потом я вспомнил женщину, которая 12 лет страдала кровотечением и, не получив помощи от врачей, пошла к Иисусу, и с верою прикоснувшись к Его одежде, тотчас исцелилась. И я сказал в молитве: "О, Господь, если Ты скажешь только одно слово, кровотечение у меня остановится". И в ту же минуту я почувствовал, что внутри меня что-то совершилось.

Вечером доктор сказал, что обследование показало, что желудок заполнен кровью, и если кровь не остановится, в 3 часа ночи мне будет сделана операция.

Я ничего не ответил доктору, но про себя знал, что течение крови остановилось. После этого я глубоко уснул и не слышал, как медсестры приходили к кровати и делали разные

проверки. А утром доктор пришел и сказал, что в операции нет нужды. Кровь приостановилась.

Тогда я понял, что мой земной труд еще не закончен, что у Господа еще есть для меня дело.

Весной 1965 года я приехал в Лос-Анджелес и принялся за подготовку к печати книги "Божий план спасения". Книга была закончена и издана в 2-х томах на русском языке в типографии газеты "Наши Дни", которую редактировал Н.Водневский. Но у меня была мечта издать эту книгу и по-армянски. Найти переводчика мне не удалось, и я взялся переводить сам. Глаза мои были очень слабы, но с Божьей помощью я закончил этот труд, и книга была издана. К концу года здоровье мое улучшилось, и я решил снова поехать в Бейрут, где духовный труд успешно развивался и братство организовало съезд. Я был в числе приглашенных, а после съезда на призывных собраниях при содействии Духа Божия - многие души находили спасение.

В 1966 году на турецком пароходе я с братом Докторяном отплыл в Европу. На пароходе мы устроили евангелизационное собрание, на котором присутствовал и сам капитан. В ту же ночь у меня снова открылось в желудке кровотечение. Доктортурок ничем мне не мог помочь, прикладывая только холодные компрессы. Он сказал моим спутникам, что я вряд ли доживу до прибытия в Неаполь, и если я умру, они вынуждены будут выбросить меня в море. Узнав об этом, я сказал, чтобы брат Докторян и другие не беспокоились, ибо мой новый адрес будет на небесах. С полным миром в сердце я ожидал отшествия к Господу, но, видно, время еще не настало.

По прибытии в Неаполь меня поместили в больницу на 3 дня. Немецкий доктор сделал мне вливание какой-то жидкости, кровь приостановилась, и я решил с братом Бояджаном лететь в Лондон на самолете, где меня сразу же приняли в американскую военную больницу как американского гражданина. Лечение в больнице было успешным и принесло выздоровление.

К моему счастью, в Лондон переселилась моя двоюродная сестра Марица и ее сын. Они приняли меня к себе, но через два дня со мной случился сердечный удар, и я снова оказался в больнице, где 21 день пролежал на спине. Когда же мое здоровье улучшилось и меня выписали из больницы, сестра по вере Раффи организовала в своем доме собрания, и я мог делиться с посетителями Словом Божьим. Это были благословенные беседы с людьми, среди которых некоторые еще не были утверждены в истине.

БИБЛЕЙСКАЯ ШКОЛА ИМЕНИ ЭММАНУИЛА

Осенью 1966 года в Бейруте открылась библейская школа в большом здании приюта "Пануэт". Этот приют был основан братом Докторяном. Я дал обещание с Божьей помощью руководить этой школой два года. Огромное здание имело большие, просторные, удобные классы. Кроме того, был пансион для приезжих учеников, но у нас

также учились и местные слушатели. Ученики были не только из Бейрута, некоторые приехали из Ливана и Персии. Кроме меня еще 4 преподавателя работали в школе. Ученики - искренние, преданные Господу христиане, каждый день в послеобеденное время ходили по городу, свидетельствуя об Иисусе Христе, и раздавали христианскую литературу, а вечерами собирались на домашние собрания в разных частях города.

Каждое утро до начала уроков мы устраивали молитвенное собрание, в котором участвовали также и работники приюта. Господь благословлял эти собрания. Глубокая духовная атмосфера радовала всех.

Во время летних каникул мы устраивали собрания в горных деревнях, и Господь обильно благословлял Свое Слово.

Летом 1967 года я с группой студентов посетил Дамаск, а затем Палестину: Иерихон, Иерусалим, Вифанию, Вифлеем, Хеврон и Самарию. Все исторические места напоминали нам библейские времена, когда разворачивались незабываемые события в жизни израильского народа, но особенно взволновали нас те места, где проходил Христос, совершая Свое благословенное служение людям.

Ученики библейской школы, закончив курс, получили дипломы с хорошими отметками. Некоторые из них уехали в Америку, другие остались для духовной работы на местах - в Ливане и Бейруте. От окружающих поступали восторженные свидетельства об их работе на местах. Их верность Господу и призвание возвещать Евангелие Христово - всегда меня ободряли.

НА ПУТИ ИЗ БЕЙРУТА В СЕВЕРНУЮ АМЕРИКУ

Летом 1968 года на пути в Северную Америку я остановился в Стамбуле, чтобы провести несколько назначенных собраний в протестантской церкви. На первом же собрании обратился к Господу молодой армянин. На этих собраниях присутствовали ассирийцы, греки, обращенные ко Христу мусульмане. Из Стамбула я вылетел в Югославию и в течение трех недель проповедовал в шести церквях, и здесь новые души везде обратились к Господу. Югославы охотно принимали Слово Божие, и на всех собраниях Господь приводил спасаемых к церкви.

Югославия - коммунистическая страна, но я не замечал, чтобы были какие-либо ограничения для проповеди Евангелия. На границе таможенный чиновник, увидев американский паспорт, даже не открывал мой чемодан.

Меня любезно принял председатель церквей свободных братьев брат Рибар. Он возил меня по городам и деревням, где в церквях были заранее назначены евангельские собрания.

О Югославии у меня остались самые лучшие впечатления.

Из Югославии я поехал в Париж, а потом через Лондон вернулся благополучно в Лос-Анджелес.

В это время я получил приглашение посетить Аргентину и другие страны Южной Америки. В Буэнос-Айресе был назначен годовой съезд ев. христиан-баптистов, и мне открывалась хорошая возможность послужить словом Божиим русско-украинскому братству в странах Южной Америки.

Благодарение Богу, здоровье мое укрепилось несмотря на утомительные поездки из одной страны в другую. Я видел в этом руку Божию и в апреле 1969 года вылетел в Буэнос-Айрес.

Посетить страны Южной Америки было моей давней мечтой. И вот теперь, в апреле 1969 года, это желание исполнилось. В Буэнос-Айресе братья меня встретили с открытым сердцем. Съезд прошел благословенно.

На нем присутствовали представители церквей из Бразилии, Парагвая и Уругвая.

На этом съезде был основан миссионерский фонд, и для этого были собраны значительные средства, которые позволили содержать трех миссионеров в Турции, ревностно трудящихся в Истамбуле и других городах, где живут армяне.

После съезда мы провели библейский двухмесячный курс, который регулярно посещало более 20 человек молодежи и 30 пожилых слушателей. В то же время мы имели благословенные призывные собрания и домашние посещения. Несколько душ обратились к Господу и начали свидетельствовать другим об Иисусе.

Представилась возможность проповедовать и в русских и украинских церквях. Украинская церковь имела в основном 120 молодых членов. На одном из собраний 20 душ обратились к Господу. Их обращение возрадовало верующих.

Проповедовал я также в испанских церквях через переводчика, и там Господь, могущественно действуя Духом Святым, обращал слушателей к вере.

В ноябре я возвратился в Лос-Анджелес. В Лос-Анджелесе, продолжая организацию миссионерской работы в Сирии и Лиссабоне, пришлось не раз обращаться к адвокатам, но с Божьей помощью все дела уладились. Дело Божие на Ближнем Востоке расширялось.

Наша миссия имела там несколько духовных работников, ревностно проповедующих Евангелие.

Радовало и то, что не только армяне, но и многие русские и украинские верующие щедро помогали работе миссии.

В 1972 году мне снова пришлось ехать в Бейрут для проповедования в церквах и домашних собраниях.

Направляясь домой, я заехал в Турцию и остался там на неделю для проповедования на съезде протестантских церквей. Господь чудесным образом возвращал плоды моего служения. Из Турции я отправился во Францию и Грецию, где была нужда в оживлении дела Божия среди армян. И только в октябре 1972 года я вернулся в Монреаль.

Частые поездки и постоянное душевное напряжение не прошли бесследно. В Монреале у меня опять началось кровоизлияние в желудок. И это было уже в 4-й раз. В больнице сразу предложили сделать операцию, так как и в желчном пузыре обнаружили камни. В 74-летнем возрасте перенести две операции трудно. Но Господь избавил меня от смерти. И я понял, что еще не завершил своего служения. Бог давал мне отсрочку, чтобы довершить незаконченную работу.

В июне 1973 года в Монреале состоялся съезд русско-украинского союза ев. христиан-баптистов, на который я был приглашен проповедовать Слово Божие. К тому времени я потерял 20-25 кг веса, но организм мой уже укрепился, и я желал встретиться с дорогим сердцу русским братством.

Сразу же после съезда мне суждено было снова лететь в Бейрут, чтобы встретиться там с женой, с которой я 30 лет был в разлуке. 30 лет я молился о ней, о детях, не теряя надежды на встречу, и вот теперь, благодаря моим двоюродным сестрам, которые пригласили мою жену в гости из СССР в Бейрут, мне открывалась возможность встретиться жене.

ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА СОСТОЯЛАСЬ!

В Бейруте меня принял брат по вере А.Шнорокян, а потом с приездом жены мы переселились в деревню, расположенную на высокой горе, окруженную красивой природой, и три месяца Господь дарил нам чудесное время отдыха.

Но в этой и в соседней деревне брат Шнорокян организовал собрания. Каждый воскресный день люди собирались для слышания Слова Божия, и три души обратились к Господу.

Да, после тридцатилетней разлуки жена много рассказывала мне о жизни семьи, и мне было о чем ей рассказать. Но пришло печальное время расставания. Я знал, что, возвратившись в Советский Союз, я буду лишен возможности проповедовать Евангелие, а я всю жизнь посвятил этому благословенному служению и не желал отступать от Божьего призвания. Жена хорошо понимала мои взгляды, и ей пришлось опять идти на жертву, помогая мне только молитвами. Однако у нас еще оставалась надежда на новую встречу в Бейруте.

К сожалению, закон для туристов, приезжающих в Бейрут, вдруг изменился, и этой встрече не суждено было осуществиться...

В Бейруте начались беспорядки, приведшие к настоящей войне, и мне пришлось, оставив Бейрут, некоторое время проповедовать в Турции, в Тарсе, в Греции и в октябре 1973 года вернуться в Лос-Анджелес через Германию, где я имел радостную встречу с братом Мердиньяном. Вместе с ним мы служили верующим в доме престарелых, где имели небольшое, но благословенное собрание.

С Германией у меня связано много радостных воспоминаний о благословенном служении послевоенных лет. Это были годы, когда во всех городах Западной Германии евангельские собрания были многочисленными и люди обращались к Господу, а в этом великая радость.

С той поры прошло 25 лет, и положение Германии изменилось до неузнаваемости. Отстроены города, а там, где были многочисленные беженские лагеря, теперь стоят огромные многоэтажные здания. Годы принесли расцвет разрушенным странам, а нашим стареющим телам разрушение. Мы все постарели, и, разумеется, наши физические силы начали таять. И все же я возвратился в Лос-Анджелес, чтобы продолжать служение своему народу, а главное - чтобы расширить деятельность армяно-евангельской миссии.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Этими словами обрывается биография И.Марка о жизни и служении Господу, написанная его рукой. Его зрение настолько ослабло, что продолжать записи он уже не мог. Здоровье его заметно ухудшалось. Частые недуги вынуждали его жить на строгой диете. И все же он не оставлял духовной работы среди русских и армян. Жизнь Иоанна Марка сложилась так, что три четверти жизни он провел среди русских и украинцев, служа им нелицемерно и ревностно Словом Божиим и мудрыми советами, как друг и духовный отец.

Армяно-евангельская миссия, организованная им в 1970 году для благовестия Евангелия главным образом на Ближнем Востоке, была большим духовным событием для армян, проживающих в Ливане и Турции. Миссия и теперь продолжает служение под руководством ревностных братьев.

В последние годы, проживая в Лос-Анджелесе, брат Иоанн Марк посещал многие верующие семьи, устраивая домашние собрания. Многие братья и сестры вспоминают об этом с глубокой признательностью ему и Господу. На этих собраниях брат Марк проводил беседы с неверующими соседями, и некоторые из них, обратившись к Господу, и сегодня являются примерными христианами.

На домашние собрания Иоанна Марка возили на автомобиле два брата по вере, поочередно. Они свидетельствуют, что за этот период научились очень многому от брата

Марка, духовно окрепли и теперь продолжают его работу. Один из них устраивает регулярные собрания для заключенных в тюрьме.

Перед уходом к Господу Иоанн Марк лежал в больнице около месяца. Многие русские братья, посещавшие его, свидетельствуют о его горячих молитвах о деле благовестия Евангелия русскому и армянскому народу. И те и другие были близки его сердцу. Смерть он встретил с верой и надеждой, что идет к Господу и Искупителю, чтобы продолжать славить Его во веки веков.

2 октября 1987 года Иоанн Марк отошел к Господу, Которого любил до последнего дыхания.

В газете "Наши Дни" был опубликован следующий некролог о смерти Иоанна Марка:

ДО ВСТРЕЧИ У НОГ ГОСПОДА

(Памяти Иоанна Марка)

2 октября 1987 года в г. Пассадине, в Калифорнии, тихо, с полным упованием на милосердие Божие отошел к своему Господу благословенный труженик на ниве Божией, евангелист Иоанн Марк (Галустьян).

Русское евангельское братство, среди которого более полстолетия неутомимо трудился Иоанн Марк, потеряло ревностного глашатая Божьей истины, через которого изливались великие благословения как в России, так и в Европе и в Америке - везде, где Господь открывал ему двери для проповеди Евангелия. Помню, как в Германии один из братьев по вере называл его "Божиим ледоколом". Точное сравнение, ибо так оно и было. когда черствые, холодные, безразличные к правде Божьей человеческие сердца таяли, слушая горячую призывную проповедь Иоанна Марка и, падая на колени, каялись, отдавались Господу. Я видел такие картины не раз в Германии. После каждого призыва к покаянию люди выходили к кафедре и открывали свои сердца в покаянных молитвах.

Вся жизнь Иоанна Марка была безраздельно посвящена служению Господу. Будучи по национальности армянином, его сердце было всегда открыто ко всем людям. Для него были близки и армяне, и русские, и украинцы, и поляки, и немцы.

Авторитет Иоанна Марка был всегда на большой высоте. К его голосу прислушивались многие духовные работники, с его опытом считались все, кто действительно желал служить истине и прославлению Бога. Многие годы он был председателем Русско-украинского Союза баптистов Канады.

В последние годы, будучи больным, брат принял советы его сослуживцев и позаботился о том, чтобы в назидание потомкам оставить после себя описание жизненного пути, начиная от города Осман (в Киликии), где он родился в 1899 году, через многие города Кавказа и России, сибирскую тюрьму и ссылку за проповедь Евангелия, и далее через Германию, Канаду и Америку, где он закончил благословенный жизненный путь.

Иоанн Марк был для многих спасенных душ - Божьей благодатью, духовным отцом и наставником, в том числе и для меня. 27 ноября 1948 года в Мюнхене он преподал мне водное крещение в числе других 8 душ, а через две недели благословил меня на проповедь Евангелия в мюнхенской церкви, насчитывающей в то время около 150 членов. Позднее, в трудные минуты жизни (а у кого их не бывало) я всегда обращался к нему за советами, и он, руководствуясь Словом Божиим, всегда охотно давал мне отцовские советы.

В последние годы, когда его физические силы начали слабеть, терялось зрение, брат Иоанн Марк был ближе к армянскому братству, но память о нем будут хранить все, кто знал его в земной жизни, кто слушал его слово, исполненное мудрости и благодати Божией. Мы встретим его у ног Спасителя, Которого Он любил всем сердцем и Которому служил искренне и верно всю свою долгую жизнь.

Николай Водневский

ЦЕПИ ДЬЯВОЛА

Ниже мы печатаем одну из проповедей Иоанна Марка (воспроизведение с магнитофонной записи). //Ищите Господа, когда можно найти Его, призывайте Его, когда Он близко.

(Исаия 55:6)

Что, в сущности, мешает человеку искать и найти Господа? Всевозможные препятствия, которые воздвигает дьявол. Страшны и крепки цепи дьявола, и человеческими силами их не разорвать.

Человека сковывают многие духовные цепи. От мыслей человека зависят его чувства и воля. Когда человек приходит к Богу с превратным мышлением, Бог не может принять его. В этом часто кроется причина, почему многие люди молятся, плачут, постятся и при всем этом не спасаются.

Перед своим обращением я в течение 15 дней молился, но не мог спастись, потому что молился неправильно. Моей молитвой были слова: "Прости, Господи, больше не буду грешить!" Я обещал Богу не грешить, но грешил еще больше. И только позже, когда я

убедился, что сам себя я не могу спасти, меня охватило отчаяние, я начал вопить к Богу о помиловании. Я сказал Богу: "Господи, не только прости, но очисти, избави меня от власти сатаны". И Бог меня избавил.

Когда мы просим так, как надо просить, Бог никогда нам не откажет в просимом. Но при неправильном понимании не будет ни ответа на молитву, ни спасения. Превратное мышление - излюбленная цепь дьявола.

В цепях мышления сатана удерживает огромные толпы вольнодумцев. Но для людей религиозных у дьявола есть другие цепи. Религиозному человеку сатана внушает, что он может спастись, идя своим путем, что идти путем Божиим для желающего спастись - не обязательно, в деле спасения можно свободно обойтись и без покаяния. Когда же вопрос покаяния ясен для человека, тогда дьявол внушает ему другую мысль. Он говорит: "Сегодня ты не можешь покаяться, для твоего покаяния еще не пришло время".

Как часто мы слышим заявления: "Я очень люблю слушать проповеди, всему верю, принимаю, не каюсь же только потому, что еще не пришло время".

Странно, что люди, желающие каяться, ожидают каких-то особенных настроений и вдохновений для покаяния, когда Бог ожидает от нас только сознания нашей греховности и решительного желания - освободиться от греха. Богу нужны не наши слезы, а перемена сердца, характера, жизни.

Бог любит горячее чувство, но лишь когда оно естественно. Господь нигде не говорит о том, чтобы наша молитва непременно была приправлена слезами. Молиться надо прежде всего - с верою.

Если мне дарят что-то, я могу получить подарок и со слезами и без слез, и даже иногда с улыбкой. Есть радость слезная, с волнением, но в вопросе нашего покаяния она не обязательна. Главное - это сознание нашей вины перед Богом и вера. "Веруй!" - повелевает нам Слово Божие.

Но ты можешь глубоко скорбеть и не плакать, а поэтому если ты молишься без слез, не думай, что твоя молитва плоха, холодна, греховна.

Есть известная аналогия между нашими чувствами и погодой. В жаркую погоду человек потеет, при холоде потеплее одевается. Облака закрывают небо, но за облаками - солнце. Дожди и бури, облака и туманы - не вечны. Жизнь людей идет, не останавливаясь, несмотря на зной и непогоду. Человек не говорит: "Сегодня дождь, поэтому я не пойду на работу". Духовная жизнь также не должна зависеть от наших чувств и настроений. Я часто сам погрешал в этом отношении. Иногда я читал по 5 глав Библии ежедневно, а иногда не читал ничего, оправдываясь тем, что у меня нет настроения... Я ждал, когда придет желание, но желание не приходило, и я духовно охладевал. Позже я стал руководствоваться пословицей:

"Аппетит приходит во время еды". Я применил эту поговорку к духовной жизни: нет желания читать Библию, но я читаю. "Чистое словесное молоко" нужно пить ежедневно, чтобы возрастать.

Если не можешь читать, размышляй над тем, что когда-то читал и знаешь наизусть. Так я поступал, будучи в тюрьме и в ссылке.

Мне непонятны упорствующие люди, и как жалко мне умирающих без покаяния. У невозрожденных при встречах обычны фразы:

- Как живете?

- Хорошо!

Но как можно жить хорошо без покаяния, не примирившись с Богом? - Для меня это непонятно!

Как может хорошо жить несчастный, погибающий, неизлечимо-больной?

И вот человек все знает, слышал, верит, но медлит, ожидая прилива какого-то особенного чувства. Напрасные ожидания. Христос не говорит: "Плачьте!" Он говорит: "Просите!" - просите с верою, независимо от "температуры" вашего сердца.

Вы говорите: "Время не пришло"... Но когда же оно придет? Вы отвечаете: "Не знаю, знает Бог".

- Ну а если бы услышали от Него лично этот призыв: "покайся!", покаялись бы?

- Конечно, покайся бы, как же можно ослушаться Христа?

- Но ведь к тому, о чем Он мог бы сказать лично, Христос призывает через Свое Слово. Что же вы медлите? Почему не каетесь сейчас? "Вот теперь время благоприятное, вот теперь день спасения". Сегодня Дух Святой говорит: "Вот теперь..." - "Ищите Господа, когда можно найти Его, призывайте Его, когда Он близко".

Знаете ли вы, что Бога не всегда можно найти? Знаете ли вы, что есть время, когда нельзя спастись? Зимой не сеют, не сажают деревьев. Для этого есть лето Господнее, благоприятное. Лето - это жизнь человеческая. После смерти нет спасения, и никакие панихиды не помогут. Слепой Вартимей кричал громко, он знал, что для него настало "время благоприятное", возможность, которая уже никогда не повторится. Закхей влез на смоковницу. Есть минуты, которые дороже тысячи лет. Кто вам гарантирует, что завтра вы еще будете живы? Откладывать спасение души на завтра опасно! Когда лучше освободиться из тюрьмы - сегодня или завтра? Конечно, сегодня!

Если ты решил прийти ко Христу сегодня, тогда пусть дьявол не внушает тебе, что ты не можешь, пусть дьявол не внушает тебе, что ты не можешь молиться при всех. Сам Бог повелевает: "Призывайте Его, когда Он близко!" Нет ничего легче молитвы, исходящей из сердца. Ребенок показывает на воду, издавая бессвязные слова. Мать понимает ребенка и дает ему пить.

Не верь дьяволу, что ты не можешь молиться! Господь даст тебе нужные слова для молитвы, только положишься на Него, доверься Ему всем сердцем. Опасайся неверия! Знай, что неверие - самая толстая и мощная цепь дьявола. Но даже она, эта цепь неверия и сомнения, разрывается Святым Духом через нашу живую веру.

Вера - осуществление ожидаемого. Вера - уверенность в невидимом. В Слове Божьем о великих истинах говорится кратко и просто: "В начале сотворил Бог небо и землю". В поисках ответа на то, откуда произошла жизнь и вселенная, люди написали много книг, а Слово Божье на вопрос: "Как все произошло?" - отвечает одной фразой: "В начале сотворил Бог небо и землю". Разве нельзя верить в то, что все сотворенное имеет Творца? "Из невидимого произошло все видимое". Ученые бьются над вопросом "откуда все это?", а мы, зачастую неграмотные люди, - знаем, что все сотворил Бог. Верующим Бог дает особое откровение, на основании которого "мы говорим о том, что знаем", ибо когда Христос говорит нам о чем-либо, мы Ему верим. Христос говорит о том, "что знает, что видел". Дарвин учит, что человек произошел от обезьяны, но утверждает он это, ничего не видя и ничего не зная.

Верующий познал истину через веру. Верующий говорит: "Не понимаю, но знаю". А что не понимаю, не удивительно: в мире, в котором мы живем, есть много такого, чего мы не понимаем. Разве человек понимает самого себя? Поэтому, как разумно и как приятно верить Богу! Для безбожников везде тупики, а для нас, верующих, тупиков нет. Мы знаем верую, а потому для нас, верующих, тупиков нет. Мы знаем верую, что Бог нас любит (Иоан. 3:16). Мы не сомневаемся в этом. Тот, кто в этом сомневается, "считает Бога лживым". Самые счастливые из верующих - те, которые веруют по-детски.

Дьявол старается внушить человеку неверие. Неверующий всегда будет несчастным. Но среди истинно верующих нет несчастных. Даже умирая, мы знаем, что нам здесь закроют глаза, а там откроют... Вера дает нам этот свет! Господь сказал: "Кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме".

В мире много христиан, верующих только умом.

Они верят, что Бог существует, но не верят тому, что Бог говорит.

- Верите, что Христос - Спаситель?

-Да!

- Верите, что Он спасает грешников и может спасти вас?

- Не знаю!

Такие христиане приносят много жертв Богу, такими христианами переполнены храмы и молитвенные дома.

- Где были?

- В церкви.

- Молились?

- Да.

- О чем?

- О том, чтобы Господь помиловал и спас.

- И что ж, вы теперь помилованы? Спасены?

- Не знаю.

Есть молитвенные дома, постройка которых обошлась в миллионы долларов. Но что делают люди в этих роскошных молитвенных домах? Обнаружите ли вы там хоть одного человека, который имел бы уверенность в спасении? "На что Мне ваши жертвы?" - говорит Господь. Бог гневается на неверующих, жертвующих миллионы.

Человеку моральному дьявол внушает: "В чем же тебе каяться? Ты - чистый, хороший, не убийца, не вор, не блудник, помогаешь несчастным, не делаешь зла. Пусть каются великие грешники, а ты не из таковых". А Бог говорит: все люди родились во грехах, и нет между людьми чистого ни одного, "все совратились и лишены славы Божией". Бог смотрит на человека иначе. Как может родиться чистое от нечистого? "В беззакониях я зачат, и во грехах родила меня мать". Неужели есть в мире человек, который в продолжение своей жизни не сделал ни одного греха?

Этого не может быть. Если Слово Божие озарит душу человека, он видит такое множество грехов, что ужас охватывает его и он приходит в полное отчаяние. И в таких случаях сатана, сперва убеждавший человека в его невинности, теперь меняет тактику и говорит: "У тебя так много грехов, что Бог тебя не простит". Дьявол приближается к большим преступникам и внушает им:

- Не надейтесь на прощение, таких, как вы, Бог не прощает.

Но Слово Божие утешает человека: "Кровь Иисуса Христа очищает от всякого греха!" - "Приходящего ко Мне не изгоню вон!" - "Если грехи ваши будут, как багряное, как снег убелю!" - "Возьму от вас сердце каменное и вложу в вас сердце плотное!" Какие дивные обещания Божии!

...Но вот еще одна цепь дьявола, Человеку прозревшему, чтобы видеть свою греховность, сатана говорит:

- Чем ты хуже других?

- Покайся! - слышит грешник в собрании. Но желающих покаяться - нет.

- Покайся! - повторяет проповедник. Грешнику кажется, что призыв обращен непосредственно к нему, и начинает возмущаться: "Почему я должен каяться? Чем я хуже других?" Но Бог на суде не будет сравнивать нас с плохими, с более худшими. Он будет судить неверовавших по их неверию и по делам их.

Когда смотришь на человека очами Божьими, то какое множество грехов видишь в нем: нечистые мысли, гордость, зависть, самолюбие, сребролюбие, похоть, сквернословие, ложь, вражда, непотребство...

Если на человеческое сердце смотреть чрез Слово Божие, то можно прийти в ужас. "Ваша праведность, как запачканная одежда", - говорит Господь.

Как часто человек делает добро для собственной славы, для успокоения совести, для господства и превозношения над другими. Как часто в основе делания "добра" - нечистые побуждения! Как часто во всех самых лучших побуждениях можно усмотреть попытку выкупа за свои беззакония. А Бог говорит:

"Какой выкуп даст человек за душу свою?" "Но допустим, что ты уверуешь, - говорит дьявол грешнику, - разве верующие не грешат?" И грешник бывает смущен и не находит ответа. Да, конечно, грешат и верующие: раздражаются, грубят, скупаются, говорят лишнее. Но разница между грехом верующего и неверующего такая же, как между поведением овцы и свиньи. Неверующий делает грех добровольно, он ищет греха, платит деньги за грех, наслаждается грехом. Неверующий человек обычно рассуждает так:

"Если не делать того и другого, то для чего тогда жить?" Человек невозрожденный, делая грех, не беспокоится и не просит прощения у Бога или у людей. Но возрожденный добровольно грешить не станет. Когда он обнаруживает, что согрешил, он сразу же идет к Богу и ведет неустанную борьбу со всяким грехом. Иногда верующий может грешить по ошибке, по неосторожности, по неопытности, по бессилию, пока он не вырос еще духовно. Но согрешив, верующий не успокоится, пока не покается, он никогда не будет пребывать во грехе.

Напрасно невозрожденные сравнивают себя с верующими. В отношениях своих ко греху и покаянию верующий и неверующий стоят на разных позициях. Неверующий любит грех, а верующий грех ненавидит. Это надо понять и помнить. До тех пор, пока грешник не поймет этой истины, дьявол будет смущать его: "Но ведь во дни великого поста ты же исповедуешь свои грехи духовнику, ты же каешься? Ты говоришь:

"Грешен, батюшка..." Не обманывайтесь! Есть разные виды покаяния: покаяние истинное и покаяние ложное. Если человек, исповедуя грех, тут же снова грешит, Бог не прощает такого человека. Бог прощает, когда человек оставляет широкий путь, путь греха.

Путник, убедившись в том, что избрал неправильное направление, возвращается на верный путь. Грешник должен свернуть с греховного пути на путь святой, Божий. Если мы действительно исповедуем грехи наши, Бог не может не простить, Он прощает нас, и не только прощает, но и очищает наше сердце. Очищенное сердце - это сердце, освобожденное от греха. Но когда пьяница идет к Богу за прощением и снова пьет, вор снова ворует и прелюбодей прелюбодействует, то где прощение грешника, в чем его спасение?

Сатана старается выставить самый акт истинного покаяния как нечто унижительное, постыдное, позорное для человека. Что скажут о тебе люди? - пугает дьявол. Боязнь толпы, боязнь близких родственников, боязнь семейного расстройтва и худой славы - удерживает многих от покаяния. Недаром Христос сказал: "Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку - домашние его" (Матф. 10:35).

Говоря об этом разделении, Христос, конечно, не имел в виду развода. Он говорил о разделении духовном. Верующий во Христа и решающий следовать за Ним должен все претерпеть, ко всему быть готовым. Это тот крест, который каждый из уверовавших должен взять и, неся его, следовать за Христом.

Что скажут о твоём покаянии друзья, которые раньше аплодировали тебе? Как будет проявлять свои таланты артист, писатель, певец? Способны ли они будут посвятить себя и свои таланты целям Божьим? Образованные люди часто способны бывают идти на такую "жертву": отказаться от мирской славы, аплодисментов толпы. "Как вы можете веровать в Меня, когда принимаете славу от людей?" - спрашивает Христос. По этой причине образованному человеку иногда трудно бывает покаяться и обратиться к Богу. Кого приятнее воспевать - людей или Бога? Но так случается, что талантом, полученным от Бога, славят не Бога, а человека. Бог ожидает, что своими талантами мы будем спасать погибающих, приводить их к Спасителю. Но всегда ли так бывает?

Иногда сатана шепчет решившему покаяться и возродиться к новой жизни: "Что скажет о тебе церковь, что скажут твои единовѣрцы? Ведь про тебя будут говорить, что ты пограл веру предков, что ты продал душу дьяволу и погнался за материальными выгодами". Не смущайся! Даже Христу приписывали ложные цели, низкие мотивы и побуждения.

Истинно верующий человек ищет веры спасающей, веры в живого Бога, веры апостольской, веры возрождающей, дающей жизнь вечную.

- Ты решил покаяться и уверовать? - спрашивает диавол и добавляет: - Но разве нельзя уверовать, оставаясь в своей церкви?

Конечно, можно; многие так уверовали, но, к сожалению, не могли там остаться. Возрожденный человек, в силу новой своей природы и своего духовного возрастания, не может удовлетворяться теми богослужениями, которыми удовлетворялся раньше.

Став "новой тварью во Христе Иисусе", возрожденный не находит себе духовной поддержки среди невозрожденных людей, он оказывается непонятым ими, одиноким. Возрожденный человек будет свидетельствовать о Христе, а за это его непременно выдворят из мертвой церкви и предадут анафеме. У возрожденного всегда будет влечение к таким же, как и он, возрожденным детям Божиим, а духовно мертвые люди не могут терпеть возрожденных. Возрожденный от Бога должен принять крещение по вере, повинясь Богу, а не людям.

Невозрожденные же смотрят на такое крещение как на нечто кощунственное. Из-за всего этого возрожденному невозможно оставаться там, где он был раньше. Тот, кто сам спасен и хочет спасать других, не может не любить спасенных, не может презирать своих братьев по Духу Христову.

- Разве нельзя спастись в другой церкви? - спрашивают люди. Можно! Если пастор этой церкви - возрожденный человек и проповедует полное Евангелие, призывая людей к истинному покаянию и возрождению.

В любой церкви люди спасаются только потому, что проповедуются Евангелие, возрождающее кающихся. Напротив, там, где проповедь о возрождении свыше пренебрежена, Дух Святой угашен, помрачен, там нельзя ожидать духовного пробуждения.

Обычно церковь, не проповедующая покаяния, многолюдна и пользуется большой популярностью. Почему? Потому что членство в этой церкви ни к чему не обязывает: будь членом и живи, как хочешь! Делай, что хочешь! Грех не порицается. К избавлению от греха люди не стремятся и перемены сердца не хотят. Спастись в такой церкви очень трудно.

- Разве обязательно нужно каяться и молиться при людях? - недоумевают некоторые. - Ведь Христос сказал: "Когда молишься, запри двери". Да, Христос сказал эти слова, но Он имел в виду лицемеров, молящихся на углах улиц напоказ, из честолюбия. Слово Божие богато примерами открытого покаяния. Вспомните Закхея, женщину, страдавшую кровотечением, самарянку, Вартимея и многих других. Христос сказал: "Кто исповедует Меня пред людьми, того исповедаю и Я перед Отцом Моим Небесным" (Матф.

10:32). Тот, кто действительно уверовал во Христа, не будет стыдиться исповедовать Его пред людьми.

Можно начать "тайным учеником", но не оставаться им навсегда.

Большой дьявольской цепью, удерживающей грешников от спасения, является еще их крайнее нерадение, беспечность.

Дьявол удерживает от покаяния, говоря:

- Успеешь, ты ведь еще так молод, вся жизнь еще впереди!.. Если покаешься сейчас, то лишишься многих удовольствий!...

Но чтобы получить истинное удовлетворение и жить полной жизнью, надо именно покаяться. Любовь Божия дает больше счастья, чем все обольщения мира. Во Христе нет разочарования.

Наше нерадение происходит часто от духовной лени. У человека есть время на все, но не хватает времени на то, чтобы заняться своей душой, решить вопрос о вечности своей участи, покаяться. Дух Святой старается пробудить таких людей страхом Божиим. "Как мы избежим, вознерадевши о толиком спасении, которое быв сначала проповедано Господом, в нас утвердилось слышавшими от Него?" (Евр.2:3).

Бог милостивый и любвеобильный будет строгим Судьей по отношению к тем, которые пренебрегли Его долготерпением, благостью, милостью и любовью.

Вместе с нерадением наступает медлительность. Дух Святой говорит: "Теперь время благоприятное, теперь день спасения". Покайся сегодня!

А дьявол внушает: "Завтра!" Цепью дьявола может оказаться также неправильное представление о спасении. Задайте вопрос:

"Что нужно делать для спасения?" И многие люди ответят на это: "Делать добрые дела". Они думают:

"Если Богу ничего не дашь, то ничего от Бога не получишь". Трудно убедить людей, что Бог дает спасение человеку даром. Бог предлагает даровое спасение, а человек даром не хочет брать, человек силится расплатиться с Богом, дать Ему что-то за свое спасение. Но если человек предлагает что-либо за свое спасение Богу, Бог ничего не принимает и спасения не продает.

Бог спасением не торгует... Он предлагает спасение как дар, "без платы и серебра"...

Основа многих религий: "Заслужить спасение деланием добрых дел". - "Нужно делать добрые дела". На первый взгляд, учение это имеет очень хорошую логику, но в нем кроется хитрость диавола. Бог обижается, когда Ему предлагают за спасение "добрые дела". Бог не спасает такого человека. Добрые дела хороши и необходимы, но не для спасения. Возрожденный любит делать добрые дела, но не покупает спасения своими делами. Почему Бог отвращается от добрых дел, творимых невозрожденным человеком?

Потому что невозрожденный не может делать добрых дел по Божьим мотивам. Грешник любит делать и делает добрые дела, но часто напоказ, для похвалы, ради честолюбия и славы. Грешник делает добрые дела с каким-то тайным намерением или с расчетом:

угощает, ожидая угощения, жертвует, чтобы о нем написали в газете. Иногда "добрым делом" человек норовит подчинить себе другого человека. Часто добрые дела делаются с тем, чтобы приобрести влияние на толпу, на массы. Многие, делая добрые дела, заявляют, что они делают их для "спасения души". Помогая бедному, например, они обычно говорят: "Помолись за меня"... Но как ни странно, в очах Божиих все эти "добрые дела" - только мерзость. Если бы добрыми делами можно было спастись, тогда Христу не нужно было страдать и проливать Кровь на Голгофе. В сущности, зачем грешнику Спаситель, если грешник может "заработать" свое спасение сам, лично?

"Ваша праведность, как запачканная одежда", - говорит Господь. "Добрые дела" невозрожденного - это златотканная одежда на прокаженном теле. Люди склонны забывать, что сто добрых дел не могут покрыть вины от одного злого дела.

Вы спросите: "Почему спасение дается даром?" Потому что спасения нельзя купить ни за какие деньги. Вы куплены "не тленным серебром, или золотом, но драгоценною Кровью Христа" (1 Пет.1:18,19).

Если бы миллионы людей готовы были пролить кровь ради моего спасения, Господь не принял бы этой цены, ибо все эти миллионы людей - грешники. Для спасения виновного нужна невинная кровь. Только чистая, святая кровь Христа искупила миллионы людей, - поэтому она так драгоценна. Бриллиант чистой воды или огромный дом нельзя купить за гроши. Не то же ли самое можно сказать и о духовных ценностях? Что стоят наши жалкие "добрые" дела по сравнению с жертвенной Христовой кровью? Ничего!

Кто приходит к Богу с добрыми делами и взамен ожидает спасения, оскорбляет Бога! Только кровь драгоценного Агнца может покрыть страшную нашу вину пред Богом. С этим именно чувством вины и сознанием своей полной беспомощности загладить ее нам нужно прийти к Богу. Прийти - значит уверовать! Уверовать - значит принять. Принять - значит иметь. Иметь прощение и жизнь вечную. "Тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими" (Иоан. 1:12).

Как все это просто, но как мало спасающихся. Почему? Потому что в вопросе спасения души дьявол все поставил вверх дном. И человеку, жаждущему спасения, все кажется

странным и неприемлемым. И, действительно, как можно обедать на перевернутом столе? Как можно сидеть на перевернутом стуле? Вот какова работа диавола. Сатана поставил истину вверх дном, и человек, окутанный мраком, блуждает среди трех сосен.

Для того, чтобы творить добрые дела, человеку должно родиться свыше. Дерево сначала нужно посадить, а потом ожидать от него плодов. Сначала нужно воскреснуть из мертвых, а потом трудиться. Добрые дела нужно делать не для спасения, а после спасения и смотреть на них как на естественные плоды возрожденной жизни.

Почему мы должны жить свято и творить добрые дела?

- В знак нашей благодарности Творцу! Добрые дела - это наше благовонное курение, это наша благодарность Богу за спасение.

Будем же свидетельствовать всем и везде, что грешник получает "оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе" (Рим. 3:24).

Издательство "Свет на Востоке", 1989 г.